ISSN 1818-4049

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

№1 (86) 2019

ХАБАРОВСК

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2019 г. № 1 (86)

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень ведущих научных изданий с 30.11.2006 г. Заключением Президиума ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015 г. № 13-6518 научный журнал «Власть и управление на Востоке России» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

By the presidium's conclusion of VAK by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from 01.12.2015 № 13-6518 the scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of the Russian reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations to submit the scientific degrees for Doctor and the Candidate of science in edition of 2012 should be published.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2019 г. № 1 (86)

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

О. Г. Поливаева, к.э.н., доцент

Редакция:

Корректор – С. В. Очкасова
Технический редактор – Ю. А. Шишватова
Компьютерная верстка – Ю. А. Шишватова

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского,82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)

В. К. Заусаев, д.э.н., профессор (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)

Ан Е, д.э.н., профессор (Китай)

А. Кнорр, доктор, профессор (Германия)

З. Сугиура, профессор (Япония)

Ма Ю., доктор, главн. науч. сотр. (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

The federal state budgetary educational institution
of the highest education
"The Russian Academy of National Economy and Public Service by the President of the Russian Federation"

THE FAR-EASTERN INSTITUTE OF MANAGEMENT

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

scientific journal
2019, no. 1 (86)

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief

O. G. Polivaeva, Candidate of Economy, Docent

Editorial Board:

S. V. Ochkasova – corrector
Yu. A. Shishvatova – technical editor
Yu. A. Shishvatova – computer layout

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education "The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation" (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscomnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, professor (Russia)

V. K. Zausaev, Doctor of Economy, professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

An E, Doctor of Economy, professor (China)

A. Knorr, Doctor, professor (Germany)

Z. Sugiura, professor (Japan)

Ma U., Doctor, Chief Researcher (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal "Power and Administration in the East of Russia". Articles are subject to review.

The authors' opinions may not coincide with those of the editorial board

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Рензин О. М. — Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая 8

Цзоу Сютин — Исследование экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией за последние десять лет 14

Чжан Мэй — Современное состояние и прогноз перспектив торгово-экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией 22

Ань Чжао Чжэнь — Привлечение иностранного капитала в экономику провинции Хэйлунцзян КНР и Новая политика 28

Теория и практика экономики и управления

Резанов В. К.
Осипова Е. А. — Стратная модель системы сбалансированных показателей как инструмент стратегического управления лесопромышленной компании 34

Ефременко В. Ф.
Бахарев С. М. — Динамика развития инновационной инфраструктуры в региональных инновационных системах Дальневосточного федерального округа Российской Федерации 41

Медведева Н. В. — Антимонопольный комплаенс в системе развития конкуренции 51

Цветова Г. В.
Матвиишин М. С. — Параметры доступности услуг ипотечного жилищного кредитования 60

Кулагина О. В. — Территория опережающего развития Еврейской автономной области: итоги первого этапа реализации 68

Шлык Л. Н. — Проблема подготовки кадров при переходе экономики к новому технологическому укладу 77

Томаев А. О. Анализ структуры внутренних грузовых перевозок России железнодорожным транспортом 84

Вихорева М. В.
Мачульский В. В. Проблемы и тенденции развития туризма в субъектах Российской Федерации 92

Социология

Байков Н. М.. Социальные представления городских жителей как фактор миграционных намерений и поведения 101

Березутский Ю. В. Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики 113

Сидорова Н. П. Влияние уровня жизни населения на формирование миграционных настроений 126

Клейменов Е. А. Социальный механизм взаимодействия и стратегия сотрудничества в деятельности полиции: социологический анализ 134

Зубков В. В. Миграционный потенциал молодежи в системе мер государственной региональной политики 147

Спасский Е. Н.
Рябкова Е. Л. Факторы и результаты социокультурной адаптации иностранных студентов в вузах города Хабаровска 156

Гареева И. А.
Власова-Сайкова В. В. Социально-экологические ценности в представлениях молодежи Хабаровского края 163

К сведению авторов 172

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

O. M. Renzin	Regional cooperation in the context of the new stage of relations between Russia and China	8
Zou Xiuting	Research of economic and trade cooperation between the province of Heilongjiang and Russia for the last ten years	14
Zhang Mei	Current state and forecast of prospects of trade and economic cooperation between the province of Heilongjiang and Russia	22
An Zhao Zhen	Attraction of foreign capital in the economy of the province of Heilongjiang of the People's Republic of China and the New policy	28

Theory and practice of economics and management

V. K. Rezanov E. A. Osipova	Stratum model of the balanced scorecard as a strategic management tool in the forestry company	34
V. F. Efremenko S.M. Bakharev	Dynamics of development of innovative infrastructure in the regional innovative systems of the Far-Eastern federal district of the Russian Federation	41
N. V. Medvedeva	Antimonopoly complains in the system of development of competition	51
G. V. Tsvetova M. S. Matviishin	Parameters of availability of the services of mortgage housing lending	60
O. V. Kulagina	Formation of the territories of advanced development: results of the first stage of implementation in the Jewish autonomous region	68
N. L. Shlyk	The Issue of the Workforce Training within the Economic Transition to the new Technological Level	77

A. O. Tomaev — Russia's domestic rail freight traffic analysis — 84

M. V. Vikhoreva, V. V. Machulskiy — Problems and trends in the development of tourism in the regions of the Russian Federation — 92

Sociology

N. M. Baykov — Social perceptions of city dwellers as a factor of migration intentions and behavior — 101

Yu. V. Berezutskiy — The Far Eastern youth as a subject and object of the state policy — 113

N. P. Sidorova — Impact of living standards on the formation of migration attitudes — 126

Ye. A. Kleimenov — Social mechanism of the police interaction with the authorities and management in the sociological dimension — 134

V. V. Zubkov — Migration potential of youth in the system of measures of the state regional policy — 147

E. N. Spasskiy, E. L. Ryabkova — Factors and outcomes of sociocultural adaptation of foreign students in the Khabarovsk universities — 156

I. A. Gareeva, V. V. Vlasova-Saykova — Socio-ecological values in the representation of youth in the Khabarovsk territory — 163

From the Editorial Board — 172

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-8-13
УДК 339.92(510)

О. М. Рензин

Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая

В *современных условиях роль и значение двухсторонних взаимосвязей России с Китаем быстро возрастает, поэтому необходим поиск новых, эффективных решений в этой области. Особое внимание привлекает совершенствование в перспективе сотрудничества приграничных территорий. Накопленный в течение десятилетий опыт (как позитивный, так и негативный) позволяет активизировать сложившиеся инструменты межрегионального экономического взаимодействия, а также сформировать новые институциональные подходы. Разрабатываемые и обсуждаемые направления перспективного развития взаимосвязей Российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая не только направлены на решение задач локального развития, но и в значительной мере содержат ответы на ожидаемые макроэкономические риски, связанные с изменением в перспективе характеристик развития обеих стран. Расширение спектра программ межрегионального сотрудничества дает основания для совместного поиска и реализации взаимовыгодных проектов.*

Ключевые слова: *КНР, Северо-Восточный Китай, Дальний Восток России, межрегиональное сотрудничество.*

Современное развитие экономики России по многим важнейшим параметрам связано с успешностью реализации потенциала сотрудничества с КНР. Эта позиция получила отражение как в официальном формулировании задач внешней политики страны, так и в макроэкономических прогнозах, сделанных на среднесрочную перспективу. В настоящее время для народного хозяйства страны поставлен ряд амбициозных задач, решение которых эксперты связывают с перспективами развития китайской экономики, дальнейшим развитием российско-китайского сотрудничества.

Для движения в этом направлении странами в последние годы были созданы важные политические и экономические предпосылки. Большое значение имеет принятие совместного заявления от 20 мая 2014 г., в котором фиксируется «начало нового этапа отношений всестороннего стратегического партнерства и стратегического взаимодействия».[1]

Обе страны в течение длительного времени осуществляют институциональные преобразования, связанные с поиском модели развития, позволяющей осуществлять эффективное решение стратегических задач в социально-экономических сегментах. В них сформировались про-

[1] *Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. URL: http://www.news.kremlin.ru/ref_notes/1642*

Олег Маркович Рензин – канд. экон. наук, зам. директора, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

граммы обеспечения среднесрочного и долгосрочного роста, которые при детальном рассмотрении позволяют проанализировать и оценить возможные сдвиги в архитектонике экономических процессов.

При этом на пересечении национальных макроэкономических конструкций возникают различные синтетические образования, характеристики которых дают много поводов для построения сценариев их дальнейшего генезиса и оценки возможного влияния на взаимное развитие. Их последствия для России следует не только предусмотреть, но и найти адекватный инструментарий реагирования.

Этой проблематике посвящено значительное количество работ как отечественных, так и зарубежных специалистов, которые представляют несомненный интерес с точки зрения прогнозирования совместного развития России и наиболее динамичной и масштабной экономики Северо-Восточной Азии. Значительный вклад в разработку этой проблемы был внесен Российским советом по международным отношениям (РСМД), регулярно рассматривающим проблемы сотрудничества совместно с китайскими специалистами.[2] Прогнозирование российско-китайского взаимодействия, оценка его влияния на перспективы развития российской экономики были сделаны в ряде исследований, проведенных под эгидой Всемирного банка. [Ianchovichina Elena, Ivanic Maros, Martin Will, 2009; Sanghi, Apurva, Burns Andrew, Djiofack Calvin, Prihardini Dinar, Dissanayake Jagath, Hollweg Claire, 2017]

Для всех прогнозов характерно рассмотрение различных вариантов сложившегося тренда на снижение темпов развития китайской экономики и соответствующего изменения ситуаций на основных рынках сырья, включая важнейший для российско-китайской торговли – рынок энергоносителей (в 2018 г. его доля в общем объеме российского экспорта в КНР составляла более 40%).

Так, согласно прогнозу специалистов Всемирного банка, в перспективе процесс снижения темпов развития китайской экономики будет продолжаться: в 2030 г. (при сохранении структуры валового внутреннего продукта (далее – ВВП) Китая) этот показатель составит не более 4,6%. В этом случае ожидается падение экспортных цен на природные ресурсы – основную статью экспорта России. В наиболее «жестком» прогнозе снижение темпов развития Китая приведёт к сокращению объёмов российского экспорта в эту страну на 17%. При этом последствия для российской экономики будут ощущаться не только в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК), но и в производственных и непроизводственных секторах. В них масштабы негативных изменений оцениваются в интервале от 8% для сектора услуг до 24% для сырьевых отраслей (главным образом, продукции горнодобывающей промышленности). Это вызовет цепную реакцию в режиме развития экономики. Сокращение поступлений в бюджет, связанное с падением выручки от экспорта природных ресурсов, потребует увеличения прямых налогов, что, в свою очередь, станет причиной падения благосостояния и сбережений домохозяйств.

Согласно проведенным исследованиям, для повышения эффективности экономических отношений необходима адекватная многоуровневая реакция на изменения в темпах и структуре взаимодействия хозяйственных систем. Особо выделяется необходимость диверсификации производства ненефтяных торгуемых товаров (т. е. продукции обрабатывающих отраслей), а также поддержки торговли услугами, особенно требующими высокой квалификации, в сферах связи, финансов, туризма, образования и здравоохранения.

При этом важное место должна занять пространственная диверсификация межгосударственных хозяйственных взаимосвязей, включение в активные эконо-

[2] *Российско-китайский диалог: модель 2015 : доклад № 18/2015 / С. Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. ; Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». М.: РСМД. 2016. 76 с.; Четвертая международная конференция «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху». М.: РСМД. 2018. 60 с.*

мические взаимодействия региональных структур, в первую очередь, приграничных территорий Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая.

Использование регионального сотрудничества для достижения внешнеэкономических эффектов является одной из широко используемых в мировой практике идеей.[3] Опыт ее реализации на Дальнем Востоке России, в т. ч. в российско-китайском экономическом взаимодействии также имеет длительную историю. Для оказания эффективного влияния на региональное развитие территорий Дальнего Востока на всех этапах освоения и развития региона использовались различные режимы стимулирующей регламентации внешнеэкономических связей.

В частности, в советский период развития одним из хорошо зарекомендовавших себя на практике институциональным механизмом стало использование режимов приграничной и прибрежной торговли, которые были привязаны к конкретным территориям дальневосточного региона и имели явно выраженные локальные эффекты. В терминологии, используемой внешнеторговыми организациями СССР, эти формы организации внешнеэкономических связей получили название «малой» торговли [Шлык, 1989]. Экономический смысл «малой» торговли заключался в выведении ряда групп товаров из обычного режима осуществления внешнеторговой деятельности и «нуллификация» для них таможенных пошлин и налогов, что определялось межгосударственными соглашениями.

Договоренности об организации приграничной торговли между территориями Дальнего Востока и провинциями КНР действовали, начиная с 1982 г. Основу товарных поставок в рамках приграничной торговли составляли местные экспортные ресурсы, товары и услуги, произведенные в приграничных районах. Выручка от приграничной торговли оставалась в распоряжении местных органов власти и использовалась для пополнения ассортимента потребительских товаров, закупок оборудования и технологий, материалов и сырья для промышленности этих районов.

Экономическая эффективность операций в режимах «малой торговли» обеспечивалась для территорий Дальнего Востока решением нескольких важных социально-экономических задач того времени. Во-первых, обеспечивалось удовлетворение спроса населения в товарах народного потребления, на закупку которых разрешалось использовать до 70% вырученной валюты. Это не только рассматривалось как форма повышения привлекательности территорий для населения, но и как механизм локализации денежных потоков в дальневосточном ареале. Во-вторых, целенаправленно использовались основные региональные ресурсы: лес и лесопродукция, в т. ч. «дары тайги», рыба и морепродукты, минеральное сырье, строительные материалы. В-третьих, у предприятий-экспортеров появлялась реальная возможность модернизации собственной производственной базы за счет полученной валютной выручки. Именно так формировалась обновленная технологическая база для работы по стандартам стран-партнеров по «малой торговле». С этих позиций режимы «малой торговли» были особо важны для деятельности малых и средних предприятий, а также местных органов управления экономикой. Эффекты от использования таких институтов, безусловно, оцениваются экспертами положительно.

В постсоветское время (в 1990-х – начале 2000 гг.) в условиях становления новых экономических взаимоотношений как на Дальнем Востоке России, так и в Северо-Восточном Китае шел активный процесс поиска новых форм организации приграничного сотрудничества. Специалистами предлагались и обсуждались различные формы и методы, не только соответствующие задачам и моделям национального развития стран, но и применимые в региональном формате. [Инь Цзяньпин, 2007. С. 68 – 78; Тарасюк, 2007. С. 97 – 108]

В определенной степени прогрессивным решением в этом процессе стала реализация предложений по согласованию

[3] *Подробный обзор литературы по этой проблематике содержится в книге Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2013 352 с.*

проектов развития приграничных территорий России и Китая. В рамках этой идеи была сформирована «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востоком Китайской Народной Республики (2009 – 2018 гг.)», предполагающая координацию усилий в решении ряда задач экономического и гуманитарного взаимодействия, включая пакет инвестиционных предложений. Однако, в ходе ее реализации была выявлена недостаточная эффективность сложившихся подходов. Составление согласованного списка из более чем 200 инвестиционных проектов не было отражением осмысленной стратегии развития комплексного подхода к развитию сопредельных регионов, а, скорее, обозначало возможные точки приложения инвестиционных ресурсов. При этом специальных механизмов для стимулирования и поддержки потенциальных инвесторов сформировано не было. С этих позиций результативность программы рядом специалистов справедливо оценивается критически. [Зуенко, 2018]

Одновременно ее разработка дала, на наш взгляд, некоторые позитивные результаты. В частности, с одной стороны, были сформированы и согласованы подходы к определению приоритетных сегментов сотрудничества, и, с другой стороны, опытным путем была получена важная информация об ограничениях и рисках локальной интеграции.

На основе полученного опыта учета его достоинств и недостатков началась подготовка к новому этапу организации межрегионального сотрудничества, на котором в качестве важнейших ключевых позиций для продуктивного взаимодействия были выделены формирование трансграничной инфраструктуры и реализация новых институциональных режимов.

В настоящее время большое место в перспективных планах сотрудничества занимают проекты, обеспечивающие ему минимальную инфраструктурную поддержку. Сложился активный подход к формированию международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», которые соединяют китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь с морским портами Приморского края. Близко к завершению строительство трансграничных мостов «Благовещенск – Хейхе» и «Нижнеленинское – Тунцзян». Получает дальнейшее развитие трубопроводная инфраструктура ВСТО и «Силы Сибири». Ищутся рациональные варианты включения дальневосточных территорий в мегапроект «Один пояс – один путь», который был выдвинут председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. и направлен на совершенствование существующих и создание новых торговых путей, транспортных, а также экономических коридоров, которые будут способствовать развитию торговых отношений с Китаем. [Цинь Юйцай, Чжоу Гулин, Ло Вэйдун, 2017] Участие России в его реализации, безусловно, способно дать новые возможности для развития Дальнего Востока.

Произошел существенный сдвиг в разработке и реализации на Дальнем Востоке России специальных институциональных режимов. Формирование льготных пространственных структур, названных «территориями опережающего развития» и порто-франко, дает новые импульсы для приграничного сотрудничества Дальнего Востока с Китаем. Неслучайно именно китайские инвесторы составляют значительную часть иностранных участников этих проектов.

При этом, кроме стандартных льгот, которые могут получить все инвесторы в этих режимах, для иностранных участников проектов разрабатываются и формируются дополнительные проекты, учитывающие трансграничность осуществляемых операций. Одним из таких дополнений является принципиально новый для России и действующий только на Дальнем Востоке упрощенный визовый режим для граждан ряда стран, включая Китай. Он предполагает ускоренное бесплатное получение электронной визы на въезд в Россию через пункты пропуска на территориях, работающих в режиме «свободного порта». Это служит заметным подспорьем в увеличении и более эффективной организации деловых связей и повышению оценок инвестиционного климата региона.

Однако при всех заметных сдвигах в программах и проектах межрегионального сотрудничества их современная результативность далека от уровня взаимных потребностей и возможностей при решении сложных социально-экономических задач сопредельных территорий. На позитивное разрешение значительной части накопившихся проблем ориентирована перспективная «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018 – 2024 годы». Она была подписана на Восточном экономическом форуме в сентябре 2018 года. Пока она носит, скорее, концептуальный характер, однако, в обозримой перспективе может стать эффективным инструментом для организации межрегионального взаимодействия между странами.

Список литературы:

1. Зуенко И. Почему мы провалили программу приграничного сотрудничества // Фонд Карнеги. 2018. URL: https://carnegie.ru/commentary/77081

2. Инь Цзяньпин. Базовые условия экономического сотрудничества и совместного развития Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая // Пространственная экономика. 2007. № 4. С. 68–78

3. Рыжов Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.

4. Тарасюк А. Экономический потенциал Северо-Восточного Китая и его влияние на развитие сотрудничества с приграничными районами России // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 2. С. 97–108.

5. Шлык Н. Л.Внешнеэкономические связи на Дальнем Востоке. М.: Советская Россия.1989. 152 с.

6. Цинь Юйцай, Чжоу Гулин, Ло Вэйдун. Один пояс и один путь: комментарий. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2017. 279 с.

7. Ianchovichina Elena; Ivanic Maros; Martin Will (2009) Implications of the Growth of China and India for the Other Asian Giant: Russia The World Bank Policy Research Working Paper 5075.

8. Sanghi, Apurva; Burns, Andrew; Djiofack, Calvin; Prihardini, Dinar; Dissanayake, Jagath; Hollweg, Claire. (2017). A Rebalancing China and Resurging India : How Will the Pendulum Swing for Russia? Alex Publishers. World Bank, p. 20.

Библиографическое описание статьи

Рензин О. М. Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 8–13. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-8-13

Renzin Oleg Markovich – deputy director, the Economic Research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, the Russian Federation). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

Regional cooperation in the context of the new stage of relations between Russia and China

I*n the modern conditions, the role and importance of bilateral relations between Russia and China is rapidly increasing, therefore, the search for new, effective solutions in this area is necessary. Particular attention is attracted to the improvement in the perspective of cooperation between the border areas. The experience gained over the decades (both positive and negative) makes it possible to intensify the existing tools of interregional economic interaction, as well as to form the new institutional approaches. Directions for the future development of relations between the Russian Far East and the Northeastern China, which are being developed and discussed, are not only aimed at solving the local development problems, but also to a large extent contain the answers to the expected macroeconomic risks associated with changes in the future characteristics of the development of both countries. Expanding the range of programs of interregional cooperation the author gives grounds for the joint search and implementation of the mutually beneficial projects.*

Keywords: *PRC; the Northeast China; the Russian Far East; interregional cooperation.*

References:

1. Zuenko I. Why we failed the program of cross-border cooperation. *Fond Karnegi* [Carnegie Foundation], 2018. URL: https://carnegie.ru/commentary/77081

2. Yin Jianping. Basic conditions of economic cooperation and joint development of the Far East of Russia and the North-East of China. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economy], 2007, no. 4, pp. 68–78. (In Russian).

3. N. Ryzhov. Economic Integration of Border Regions. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2013, p. 352. (In Russian).

4. Tarasyuk A. Economic Potential of Northeast China and its Impact on the Development of Cooperation with the Border Regions of Russia. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 2007, no. 2, pp. 97–108. (In Russian).

5. N. Shlyk. Foreign Economic Relations in the Far East. M .: Soviet Russia, 1989, p. 152. (In Russian).

6. Qin Yucai, Zhou Gulin, Luo Weidong. One belt and one way: comment. M .: International Chance publishing company, 2017, p. 279.

7. Ianchovichina Elena; Ivanic Maros; The World Bank of China.

8. Sanghi, Apurva; Burns, Andrew; Djiofack, Calvin; Prihardini, Dinar; Dissanayake, Jagath; Hollweg, Claire. (2017). China: How will the Pendulum Swing for Russia? Alex Publishers. World Bank, p. 20.

Reference to the article

Renzin O. M. Regional cooperation in the context of the new stage of relations between Russia and China // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 8–13. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-8-13

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-14-21
УДК 339.5 (571.6): (518.3)

Цзоу Сютин

Исследование экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией за последние десять лет

***К**итайская провинция Хэйлунцзян исторически является крупнейшим приграничным партнером Российского Дальнего Востока. На всех этапах российско-китайского сотрудничества ее экономика создавала предпосылки для эффективного межрегионального взаимодействия. Несмотря на то, что объемные характеристики торговли между провинцией и Россией существенно не увеличивались в течение последних десяти лет, объективно расширяются сферы и глубина сотрудничества, создаются новые инструменты и институты эффективного взаимодействия.*

***Ключевые слова:** провинция Хэйлунцзян, Россия, торгово-экономическое сотрудничество.*

Провинция Хэйлунцзян соседствует с Россией и объективно является одним из важнейших участников межгосударственного сотрудничества Китая и России, поскольку имеет самую протяженную границу и долгую историю торгово-экономического взаимодействия. Доля России во внешней торговле провинции составляет более 50% от общего объема как по импортным, так и по экспортным операциям. Сфера инвестиционного сотрудничества с Россией также постоянно расширяется. Один за другим завершаются российско-китайские проекты, в т. ч. проекты строительства пограничных мостов через р. Амур. По двухпутному нефтепроводу между Россией и Китаем осуществляется транспортировка нефти, а строительство газопровода успешно продвигается вперед. За последние десять лет торгово-экономическое сотрудничество между провинцией Хэйлунцзян и Россией переживало как успехи, так и неудачи и трудности, и теперь оно сталкивается с новыми возможностями и вызовами.

1. Торгово-экономическое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией. Торгово-экономические связи между Россией и провинцией Хэйлунцзян за анализируемый нами период были подвержены как взлетам, так и падениям.

В начале XXI в. торгово-экономическое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией вступило в период устойчивого и быстрого роста. С 2000 г. объем торговли провинции Хэйлунцзян с Россией начал резко расти, и рост продолжался вплоть до кризисного для мировой экономики 2009 г. Вследствие мирового финансового кризиса экономическое и торговое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией сильно пострадало. Объем торговли упал примерно на 50%. Однако после приложения усилий правительствами двух стран с 2010 г. положительная внешнеторговая динамика была восстановлена. В последующие пять лет устойчивый рост объемов торговли возобновился (табл. 1).

Во многом это было связано с официальным открытием российско-китайского нефтепровода в 2011 г., поскольку импорт сырой нефти стал учитываться в региональной внешней торговле. Товарооборот провинции Хэйлунцзян с Россией существенно вырос и продолжал расти вплоть до 2014 г.

В 2015 г. из-за введения антироссийский экономических санкций со стороны западных стран и последующего экономического спада объем торговли провинции Хэйлунцзян с Россией резко сократился. Однако этот период продолжался недолго.

Цзоу Сютин – научный сотрудник, Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР (г. Харбин, КНР). *E-mail: zouxiuting@sohu.com*

Таблица 1

Объем торговли провинции Хэйлунцзян с Россией

Год	Общий объем экспорта-импорта (в 100 млн долл. США)	По сравнению с аналогичным периодом (прошлого года), %	Общий объем импорта из России (в 100 млн долл. США)	По сравнению с аналогичным периодом (прошлого года), %	Общий объем экспорта в Россию (в 100 млн долл. США)	По сравнению с аналогичным периодом (прошлого года), %
2009	55,77	-49,59	23,09	-25,35	32,68	-58,99
2010	74,74	34,00	31,89	38,12	42,85	31,09
2011	189,90	154,00	146,40	359,00	43,50	1,50
2012	213,10	12,20	149,70	2,30	63,40	45,80
2013	223,65	5,82	154,60	3,30	69,10	9,00
2014	232,83	4,10	142,80	-7,60	90,03	30,30
2015	108,46	-53,40	84,94	-40,50	23,53	-73,90
2016	91,92	-15,30	74,92	-11,80	17,00	-27,70
2017	109,88	19,5	93,77	25,1	16,11	-5,3

Источник: Статистические данные Управления коммерции провинции Хэйлунцзян. URL: http://www.hljswt.gov.cn

Перелом в позитивную зону произошел в 2017 г. и продолжается по настоящее время. Согласно официальным оценкам, в первые три квартала 2018 г. импортные и экспортные операции между провинцией Хэйлунцзян и Россией достигли 86,7 млрд юаней, увеличившись на 58,3% в годовом исчислении.[1]

При этом в последние годы характерной особенностью этой торговли является преимущественное положение в ней российского импорта, который составляет 60 – 80% от общего объема торговли провинции Хэйлунцзян с Россией. Для сравнения, вплоть до 2011 г. доля экспорта провинции Хэйлунцзян в Россию была больше импорта. В основном экспортировались одежда и аксессуары для одежды, обувь, текстильные нити, ткани и изделия, овощи, сумки и аналогичные емкости, свежие и сушеные фрукты и орехи.

Произошедшие изменения были тесно связаны со структурой импорта и экспорта товаров между провинцией Хэйлунцзян и Россией, с одной стороны, и конъюнктурой международных сырьевых рынков.

Из таблицы 2 ясно видно, что сырая

Таблица 2

Импорт основных товаров из России в провинцию Хэйлунцзян (2015–2017 гг.)

	Сырая нефть			Необработанная древесина			Пиломатериалы		
	Общий объем (в десять тысяч тонн)	По сравнению с аналогичным периодом прошлого года, %	Доля в общем объеме импорта, %	Общий объем (в 10 000 куб. м)	По сравнению с аналогичным периодом прошлого года %	Доля в общем объеме импорта, %	Общий объем (в 10 000 куб. м)	По сравнению с аналогичным периодом прошлого года %	Доля в общем объеме импорта, %
2015	1548,04	-1,1	74,8	472,11	-3,1	6,9	176,75	18,9	4,4
2016	1668,1	7,8	70,3	556,4	17,9	8,6	257,3	45,6	7,0
2017	1670,9	0,2	71,0	618	11,1	8,3	311,2	21,7	6,9

Источник: Статистические данные Управления коммерции провинции Хэйлунцзян. URL: http://www.hljswt.gov.cn

[1] *Материалы о российско-китайском сотрудничестве. URL: http://www.chinaru.info/zhongejmyw/zhongemaoyi/54828.shtml, 05.11.2018*

нефть составляет более 70% от общей стоимости импорта провинции Хэйлунцзян из России. Таким образом, рост и падение цен на сырую нефть на международном рынке оказывает огромное влияние на оценки объема торговли между провинцией Хэйлунцзян и Россией. Кроме того, значительный прирост объема поставок из России таких сырьевых товаров как пиломатериалы и необработанная древесина также оказали существенное воздействие на итоговые положительные показатели роста внешней торговли.

Другая особенность динамики торговли провинции Хэйлунцзян с Россией состоит в постепенной утрате регионом ведущих позиций в осуществлении торговых операций в этом направлении. В связи с отменой преференциальной политики приграничной торговли географические преимущества провинции Хэйлунцзян в экономическом и торговом сотрудничестве с Россией постепенно уменьшаются.

Хотя провинция Хэйлунцзян попрежнему является крупнейшей торговой провинцией с Россией с точки зрения статистики, торговая ситуация не является оптимистичной с точки зрения экспортных операций. Уже в 2010 г. некоторые провинции на юге Китая, в частности, Чжэцзян и Гуандун, превзошли провинцию Хэйлунцзян по экспорту в Россию. Это свидетельствует о существовании в экономическом и торговом сотрудничестве провинции Хэйлунцзян с Россией многих проблем, которые требуют своего решения.

2. Инвестиции провинции Хэйлунцзян в Россию.

Хэйлунцзян является крупнейшей инвестиционной (в российскую экономику) провинцией Китая: общая сумма осуществленных инвестиций составляет треть от общих инвестиций Китая в Россию.

При этом объем инвестиций динамично увеличивался. В 2012 г. инвестиции из провинции Хэйлунцзян в Россию составили всего 400 млн долларов США, в 2013 г. они выросли до 700 млн долларов США, а в 2014 году достигли 1,3 млрд долларов США.[Лу Хао, 2016] По состоянию на 2017 г. в провинции Хэйлунцзян было зарегистрировано 574 предприятий, осуществлявших прямое инвестирование в Россию, и участие в реализации 674 строительных проектов.[2]

Приоритетным направлением для таких инвестиций является Российский Дальний Восток. Проекты инвестиционного сотрудничества преимущественно осуществляются в Приморском крае, Хабаровском крае, Еврейской автономной области, Амурской области и Забайкальском крае.

В отраслевой структуре инвестиций значительное место занимают топливно-энергетическая и перерабатывающая промышленность, лесное и сельское хозяйство. В частности, крупномасштабные инвестиции из провинции Хэйлунцзян осуществляются в строительство в Амурской области цементного завода мощностью 600 тыс. тонн цемента производства, Амазарского целлюлозно-бумажного комбината в Забайкальском крае, комплекс по переработке, хранению и транспортировке нефтепродуктов через границу Амур-Хэйхэ.

3. Энергетическое сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией.

Провинция Хэйлунцзян всегда уделяла большое внимание энергетическому сотрудничеству с Россией, стремясь принять в нем участие. Однако, поскольку сотрудничество в области энергетики относится, как правило, к крупнейшим проектам, часто возглавляемым государством, местному правительству трудно осуществить его самостоятельно. В настоящее время через провинцию Хэйлунцзян проходят два крупнейших энергетических проекта России и Китая: российско-китайский нефтепровод и газопровод «Сила Сибири».

Проект энергетического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией – это проект комплекса по переработке, хранению и транспортировке нефтепродуктов через границу Амур-Хэйхэ компании «Мэнлань Синхэ» (Menglan Galaxy Energy Corporation) также яв-

[2] *Сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией вступило во всеохватывающую эру, местное сотрудничество тоже вышло на новый уровень. URL: http://www.heihe.gov.cn/info/ 1185/87781.htm, 12.02.2018*

ляется одним из приоритетных проектов развития Амурской области России. Правительство области создало российско-китайскую рабочую группу для совместного контроля за реализацией этого проекта. Проект был начат в 2016 году и, как ожидается, будет введен в эксплуатацию через три года с годовой производственной мощностью 6 миллионов тонн нефти и газа.

Покупка электроэнергии у России всегда была одним из проектов сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией в области энергетики. Тем не менее, с января 2007 года по февраль 2009 года операции по закупке у России электроэнергии находились в состоянии временной стагнации из-за многих факторов, таких как реформа российской энергосистемы и резкий рост цен на электроэнергию, экспортируемую в Китай. Благодаря совместным усилиям России и Китая, операции по торговле электроэнергией на границе между Россией и Китаем были возобновлены в марте 2009 года, когда провинция Хэйлунцзян импортировала 830 млн КВтч российской электроэнергии. С тех пор импорт электроэнергии из России в провинцию Хэйлунцзян увеличивается с каждым годом. В 2012 г. провинция Хэйлунцзян импортировала 2,53 млрд КВтч электроэнергии из России, 2014 г. – 3,375 млрд КВтч, 2015 г. – 3,299 млрд КВтч, 2016 г. – 3,32 млрд КВтч. В настоящее время на границе между Китаем и Россией построены четыре трансграничные линии электропередачи.

4. Сельскохозяйственное сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией.

Сотрудничество в сфере сельского хозяйства между провинцией Хэйлунцзян и Россией проходит довольно успешно. Провинция Хэйлунцзян осуществляет сельскохозяйственное сотрудничество с Дальневосточным федеральным округом, Сибирским и Уральским федеральными округами. В частности, она установила долгосрочные и стабильные отношения сельскохозяйственного сотрудничества с 10 региональными правительствами на Дальнем Востоке, такими как Амурская область, Хабаровский край, Приморский край и Еврейская автономная область.

Растениеводство и животноводство являются ключевыми моментами сотрудничества предприятий провинции Хэйлунцзян с Россией в сельском хозяйстве. В 2017 г. 222 предприятия занимались развитием сельского хозяйства в России. Площадь сельскохозяйственного развития достигла 8,7 млн му (1 му — 0,07 га), поголовье скота и птицы быстро увеличилось. На данный момент имеется 11 000 голов мясных коров, 80 000 голов свиней и 430 000 штук домашней птицы.

5. Строительство транспортной инфраструктуры между провинцией Хэйлунцзян и Россией.

В последние годы в провинции Хэйлунцзян сделаны крупные прорывы в строительстве транспортных коридоров в Россию. В настоящее время строительство железнодорожного моста «Нижнеленинское-Тунцзян» с китайской стороны в основном завершено, а с российской стороны находится на стадии завершения строительства. Были ускорены предварительные работы по строительству автодорожного трансграничного моста Полтавка-Дуннин. Провинция Хэйлунцзян также открыла грузовые контейнерные перевозки по маршруту Харбин-Россия, Харбин-Европа, а также по сухопутно-морскому маршруту Харбин – Суйфэньхэ – Владивосток – Пусан. В 2017 г. объем грузоперевозок по ним составил 38174 стандартных контейнеров на сумму 1,455 млрд долларов. Также были открыты три воздушных маршрута: грузовой чартер Харбин-Екатеринбург и смешанные пассажиро-грузовые маршруты Харбин-Новосибирск, Харбин-Екатеринбург. Количество авиамаршрутов из аэропорта Харбина в Россию увеличилось до 13. В 2017 г. объем грузовых чартерных авиаперевозок из Харбина в Россию составил 2912 тонн, увеличившись на 32,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В том же году через Суйфэньхэ было отправлено 672 000 международных почтовых посылок в Россию наземным транспортом на сумму 19,59 млн долларов США.

6. Проблемы, существующие в торгово-экономическом сотрудничестве провинции Хэйлунцзян с Россией.

В настоящее время существует отчетливое понимание того, что в организации эффективного экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян имеются значительные дополнительные возможности.

Во-первых, пока торговля с Россией слабо влияет на экономику провинции. Это касается как экспортных, так и импортных операций.

Так, основными товарами, экспортируемыми из провинции Хэйлунцзян в Россию, согласно статистическим данным, являются текстиль, одежда и различные товары легкой промышленности, т.е. продукты с низкой добавленной стоимостью. При этом менее 14,1% продукции экспортируется предприятиями, локализованными в самой провинции, остальные – это товары из других провинций, проходящих через таможню провинции Хэйлунцзян.

Кроме того, возможности для расширения участия предприятий провинции в поставках в Россию сильно ограничены. Дальневосточный российском рынок товаров легкой промышленности имеет небольшую ёмкость в связи с низкой численностью населения, а выход в другие регионы России сильно ограничен высокой конкурентностью производителей. В другом крупном сегменте российско-китайской торговли, включающем механические и электрические изделия, перспективы тоже не слишком оптимистичны. Хотя их поставки очень масштабны и составляют более половины экспорта из Китая в Россию, в провинции Хэйлунцзян этот промышленный сектор развит значительно слабее, чем в южных регионах, что не позволяет полноценно использовать географические преференции.

Аналогичная ситуация наблюдается и в использовании для регионального развития встречных поставок из России. Более 70% российской продукции, поставляемой в Китай через Хэйлунцзян, составляют древесина, нефть и другие ресурсы. Большинство из них транспортируется за пределы провинции в центральные и южные районы для дальнейшей обработки. Импортируемые ресурсы и продукты также в основном являются объектами транзитной торговли, а не служат удовлетворению промышленных потребностей провинции. Провинция Хэйлунцзян получает только плату за обслуживание товарных потоков, имея в значительной степени лишь косвенный эффект. Это делает торговлю с Россией для экономики провинции Хэйлунцзян менее эффективной по сравнению с имеющимися возможностями.

7. Перспективы развития и направления торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией

Хотя существует много проблем в торгово-экономическом сотрудничестве между провинцией Хэйлунцзян и Россией, правительства России и Китая придают большое значение активизации экономического и торгового сотрудничеству в приграничных районах, поощряют региональные и местные власти к укреплению взаимосвязей, принимают и реализуют различные планы и программы по совместному развитию приграничных территорий.

В последние годы правительства Китая и провинции Хэйлунцзян выпустили много планов по развитию сотрудничества с Россией. В январе 2010 г. провинция Хэйлунцзян обнародовала «Мнения правительства провинции Хэйлунцзян о содействии корректировки стратегической адаптации сотрудничества с Россией», также были выдвинуты новые идеи для стандартизации торгового порядка с Россией, улучшения структуры торговли, углубления инвестиционного сотрудничества и повышения качества и эффективности сотрудничества.

В сентябре 2013 года Государственный совет Китая утвердил «План развития и открытия границ Хэйлунцзяна и северо-восточных районов Внутренней Монголии». Общая схема сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией предусмотренная в «Плане» включает в себя ускорение строительства инфраструктуры железнодорожного, автомобильного, авиационного, водного и трубопроводного транспорта с упором на трансграничные переходы и порты. Это должно обеспечить формирование комплексной

транспортной системы, связывающей Китай и Россию, распространяющейся на Северо-Восточную Азию, строительство быстрого и удобного большого транспортного международного канала с функциональным соответствием и тесной связующей функцией.

Провинция Хэйлунцзян в 2016 году была включена в национальное строительство экономического коридора «Россия – Монголия – Китай». С одной стороны, строительство экономического коридора «Россия – Монголия – Китай» может в полной мере использовать преимущества провинции Хэйлунцзян в соединении Европы и Азии, построить крупный международный грузовой транспортный коридор, соединяющий Европу и Азию, с тем чтобы продвинуть провинцию Хэйлунцзян в мир и изменить ее невыгодное местоположение. С другой стороны, благодаря строительству и постоянному совершенствованию этот большой коридор будет привлекать отечественную и иностранную промышленность для концентраций вдоль большого коридора, что позволит вырастить новые точки роста для экономики провинции Хэйлунцзян и изменить традиционный режим экономического роста.

Россия также уделяет большое внимание развитию Дальнего Востока. С точки зрения политики и механизмов, она оказывает сильную поддержку развитию этого региона. Главы государств России и Китая определили 2018-2019 годы в качестве годов российско-китайского регионального сотрудничества и обмена, чтобы стимулировать энтузиазм и потенциал кооперации между двумя странами, чтобы поощрять больше регионов, предприятий и людей присоединяться к прагматическому сотрудничеству России и Китая.

В качестве основных направлений российско-китайского регионального сотрудничества в принятых документах рассматриваются ряд важных предложений:

1. Содействовать трансграничному подключению инфраструктуры.

Провинция Хэйлунцзян ускорит строительство железнодорожного моста «Нижнеленинское-Тунцзян», пограничного мостового перехода через реку Амур, автодорожного трансграничного моста через пункт пропуска «Полтавка–Дуннин» и пункт пропуска «Покровка–Логухэ». Повысит рыночный уровень эксплуатации грузовых контейнерных перевозок по маршруту Харбин-Россия, Харбин-Европа, а также по сухопутно-морскому маршруту Харбин–Суйфэньхэ–Владивосток–Пусан;

2. Углублять сельскохозяйственное сотрудничество между провинцией Хэйлунцзян и Россией.

Министерства сельского хозяйства России и Китая совместно готовят планы развития сельского хозяйства на северо-востоке Китая, на Дальнем Востоке России и на Байкале. Данный план обеспечит лучшее руководство для двустороннего сотрудничества в области сельского хозяйства, больше удобства для торговли сельскохозяйственной продукцией и двусторонних инвестиций, а также будет способствовать сотрудничеству в области сельского хозяйства с Россией. С помощью экономического коридора «Россия – Монголия – Китай» провинция Хэйлунцзян ускорит развитие экспортной торговли сельскохозяйственной продукцией в Россию и строительство сельскохозяйственных парков в России, а также будет способствовать развитию трансграничной сельскохозяйственной промышленной цепи;

3. Содействовать строительству промышленных парков.

В настоящее время в провинции Хэйлунцзян созданы промышленные парки, ориентированные на импорт и переработку российской энергии и сырья, а также на обрабатывающие и производственные промышленные базы, ориентированные на экспорт в Россию. В городах Хэйхэ и Суйфэньхэ были построены две пограничные зоны экономического сотрудничества государственного уровня, а в пограничных портах создано 10 российско-китайских пограничных торговых зон. В России построено 18 зарубежных парков, три из которых государственного уровня: уссурийская зона российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, российско-китайская зона современного сельскохозяйственного экономического сотрудничества (Приморский край)

и российская лесохозяйственная зона торгово-экономического сотрудничества «Лунъюэ». В Харбине и Суйфэньхэ есть две комплексные бондовые зоны, экспериментальная зона освоения и открытости Суйфэньхэ–Дуннин. Следующим шагом будет содействие строительству российско-китайской зоны свободной торговли в провинции Хэйлунцзян. В то же время провинция Хэйлунцзян с Россией также планирует построить трансграничную зону экономического сотрудничества Суйфэньхэ–Пограничный, чтобы обеспечить платформу для инвестиций российских предприятий;

4. Повышать уровень торгово-экономического сотрудничества.

В перспективе провинция Хэйлунцзян должна, с одной стороны, увеличить долю механической и электротехнической продукции и местной продукции, экспортируемой в Россию, с другой стороны, расширить масштабы импорта сырой нефти, природного газа, древесины, целлюлозы и других продуктов, повысить коэффициент использования при переработке импортной продукции. Кроме того, необходимо стремиться к расширению способов инвестирования, расширить расчеты в местной валюте между Россией и Китаем, а также создать на высоком уровне условия для осуществления либерализации и упрощения процедур торговли и инвестиций.

Для этого необходима не только структурная перестройка экономики, но и создание более благоприятных институциональных условий, организация крупных торговых и финансовых предприятий, конкурентоспособных на международном рынке. Существующие предприятия торгово-экономического сотрудничества недостаточны по количеству, качеству или масштабам для удовлетворения требований быстрого развития торгово-экономического сотрудничества с Россией. У таких предприятий меньше капитала, недостаточные инвестиции в Россию, слабые финансовые возможности, ограниченные операционные возможности, недостаток опыта в транснациональных инвестициях, ограниченное сотрудничество с Россией в сельском хозяйстве, энергетике и сфере сырьевых услуг, а также отсутствие обмена и сотрудничества в крупных проектах сотрудничества в сфере науки и техники, что серьезно ограничивает развитие экономического и торгового сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией.

Эффективное взаимодействие провинции Хэйлунцзян с Российским Дальним Востоком и в целом с Россией в современных условиях не является локальной задачей, решение которой может быть получено на основании географических и институциональных преференций. Оно требует формирования в регионе экономической и технологической мощи, повышения уровня управления и международной конкурентоспособности производимой продукции.

Список литературы:

1. Лу Хао. Лидерство Хэйлунцзяна в торговле и инвестициях с Россией будет способствоватьдальнейшемуукреплению экономического сотрудничества с Россией. URL: http://www.ccpit.org/Contents/ Channel_3974/2016/0713/670844 / content _670844.htm, 15.07.2016

2. Материалы о китайско-российском сотрудничестве. URL: http://www.chinaru.info/ zhongejmyw/zhongemaoyi/ 54828.shtml, 05.11.2018

3. Провинция Хэйлунцзян прилагает все усилия для повышения уровня торгово-экономического сотрудничества с Россией. URL: http://www.hkcd.com/ content_p/2018-03/09/content_55563.html

4. Сотрудничество провинции Хэйлунцзян с Россией вступило во всеохватывающую эру, местное сотрудничество тоже вышло на новый уровень. URL: http://www.heihe.gov.cn/info/ 1185/87781.htm, 12.02.2018

5. Статистические данные Управления коммерции провинции Хэйлунцзян, URL: http://www.hljswt.gov.cn.

Библиографическое описание статьи

Цзоу Сютин Исследование экономического и торгового сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией за последние десять лет // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 14–21. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-14-21

Zou Xiuting – research associate, the Institute of Russia of the Academy of social sciences of the Province of Heilongjiang of the People's Republic of China (Harbin, the People's Republic of China). *E-mail: zouxiuting@sohu.com*

Research of economic and trade cooperation between the province of Heilongjiang and Russia for the last ten years

***T**he Chinese province of Heilongjiang historically is the largest border partner of the Russian Far East. At all stages of the Russian-Chinese cooperation its economy created prerequisites for the effective interregional interaction. In spite of the fact that volume characteristics of trade between the province and Russia significantly didn't increase within the last ten years, spheres and depth of cooperation objectively extend, new instruments and institutes of effective interaction are created.*

Keywords: *People's Republic of China, Province of Heilongjiang, Russia, the Russian Far East, external economic cooperation.*

References:

1. Lu Hao. Heilongjiang's leadership in trade and investment with Russia will further strengthen economic cooperation with Russia. URL: http://www.ccpit.org/Contents/Channel_3974/2016/0713/670844 / content _670844.htm, 07/15/2016

2. Materials on Sino-Russian cooperation. URL: http://www.chinaru.info/zhongejmyw/zhongemaoyi/54828.shtml, 11/05/2018

3. Heilongjiang Province is making every effort to increase the level of trade and economic cooperation with Russia. URL: http://www.hkcd.com/content_p/2018-03/09/content_55563.html

4. Heilongjiang Province cooperation with Russia has entered a comprehensive era, local cooperation has also reached a new level. URL: http://www.heihe.gov.cn/info/ 1185/87781.htm, 12.02.2018

5. Statistics from the Heilongjiang Commerce Department, URL: http://www.hljswt.gov.cn.

Reference to the article

Zou Xiuting. Research of economic and trade cooperation between the province of Heilongjiang and Russia for the last ten years // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 14–21. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-14-21

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-22-27
УДК 339.5 (571.6): (518.3)

Чжан Мэй

Современное состояние и прогноз перспектив торгово-экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией

***Р**ассматривается торгово-экономическое сотрудничество провинции Хэйлунцзяна с Россией в 2018 г. Даются оценки сложившихся тенденций и роль региональных взаимосвязей в реализации российско-китайских проектов. Проанализированы факторы роста объемов торговли на 64,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и достижения рекордных показателей в 74,77 млрд юаней. Прогнозируется ускорение китайско-российского торгово-экономического сотрудничества, дальнейший рост объемов импорта и экспорта торговли Хэйлунцзяна с Россией.*

***Ключевые слова:** Китай, провинция Хэйлунцзян, Россия, Российский Дальний Восток, торгово-экономическое сотрудничество.*

Аналитические оценки динамики торгово-экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией показывают, что торговля с Россией является одной из наиболее значимых составляющих регионального внешнеэкономического процесса. В 2018 г. общая стоимость импортно-экспортных операций провинции Хэйлунцзян составила 174,77 млрд юаней. Из нее общая стоимость импорта и экспорта в Россию составила 122,06 млрд. юаней (18,5 млрд. долларов США), что составляет 69,8% от общей стоимости импорта и экспорта провинции.

По товарообороту с Россией провинция Хэйлунцзян занимает первое место среди регионов Китая, его доля составляет 17,3% от общей стоимости импорта и экспорта страны в Россию. При этом темпы роста торговли с Россией в последние годы были заметно выше, чем общие темпы роста импорта и экспорта провинции. В результате доля России в торговом балансе региона и ее роль для экономики провинции Хэйлунцзян устойчиво повышалась.

Особенно быстро растет импорт из России. В 2018 г. его величина достигла рекордного уровня в 114,6 млрд юаней, увеличившись на 80,4%. Основным фактором, стимулирующим рост региональной внешней торговли, является резкое увеличение импорта сырой нефти из России в Китай через провинцию Хэйлунцзян.

В последние годы, на фоне активного продвижения правительством Китая глобального проекта «Один пояс и один путь», экономические и торговые обмены между Китаем и Россией становятся все более частыми, а российские ресурсы нефти, угля и природного газа стали «ходовыми товарами» для Китая. Благодаря своему географическому преимуществу, приграничному положению к российскому Дальнему Востоку, Хэйлунцзян активно осуществлял импортно-экспортную торговлю с Россией, в т. ч. стал важной платформой для реализации планов «Пояса и пути» [Minakir, Suslov, 2017; Suslov, 2016].

В настоящее время в провинции Хэйлунцзян есть два трансграничных нефтепровода. В 2011 г. был открыт китайско-российский нефтепровод из России на Дальний Восток, а в январе 2018 г. была введена в строй его вторая ветка. Россия является важным источником для китайского импорта сырой нефти, а Хэйлунцзян стал важным портом ее поставки. Так, в 2017 г. общий объем импорта сырой нефти в провинцию Хэйлунцзян уве-

Чжан Мэй – научный сотрудник Института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР (г. Харбин, КНР). *E-mail: 42576682@qq.com*

личился на 2,9%, средняя цена импорта увеличилась на 28,1%, а общая стоимость импорта увеличилась на 31,8%.

Рост цен на сырую нефть является основным фактором, стимулирующим рост внешней торговли в провинции Хэйлунцзян, и влияние на рост импорта и экспорта, особенно рост импорта, очевидно. Стоимость импорта сырой нефти составила 41,5% во внешнеэкономическом товарообороте провинции за тот же период. От общего объема импорта провинции она составляет 58%.

С учетом того, что Всемирный банк прогнозирует в перспективе значительный рост цены на энергоносители, включая сырую нефть, природный газ и уголь, можно ожидать дальнейший рост внешнеэкономических показателей сотрудничества Дальнего Востока России и провинции Хэйлунцзян. Стимулировавшееся официальным раундом благоприятной политики Китая по активизации Северо-Восточного Китая открытие китайско-российского нефтепровода, несомненно, еще больше стимулировало импорт Китаем российской сырой нефти, а также значительно ослабило давление на преобразование старой промышленной базы в Северо-Восточном Китае, представленной Хэйлунцзяном.

Другим важным фактором усиления регионального сотрудничества с Россией является взаимодействие в сфере сельскохозяйственного производства.

Хэйлунцзян в полной мере использовал международные и внутренние рынки и ресурсы для реализации совместных с российскими коллегами сельскохозяйственных проектов, ускорения развития экспортной торговли российской сельскохозяйственной продукцией и строительства сельскохозяйственных парков.

В настоящее время проекты сотрудничества в области развития сельского хозяйства в основном сосредоточены на Дальнем Востоке России в четырех основных зернопроизводящих территориях – Амурской области, Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области. Существует более 100 зарубежных сельскохозяйственных инвестиционных организаций и 20 сельскохозяйственных кооперативных проектов с масштабом посадки более 100,000 му (мера площади, равная 1/15 га). Сотрудничество распространяется от выращивания зерна до свиноводства, скотоводства (мясной скот) и птицеводства, переработки кормов, складирования, логистики и транспортировки. Непрерывное развитие сельскохозяйственного сотрудничества с Россией также стимулировало экспорт рабочей силы в Россию, расширило возможности для фермеров по увеличению их доходов и способствовало стабильному экономическому и социальному развитию приграничных территорий.

Одновременно в провинцию Хэйлунцзян из России для продажи на внутреннем рынке поступали высококачественные, не содержащие генных модификаций, соевые бобы и кукуруза, удовлетворяя потребности перерабатывающих предприятий и населения.

Дальнейшее развитие этого сегмента экономического сотрудничества имеет очень большие перспективы, одновременно способствуя как производственной кооперации, так и увеличению внешней торговли.

В последние годы одной из быстро расширяющихся областей сотрудничества является формирование и расширение трансграничных каналов электронной торговли. Эта новаторская инфраструктура сотрудничества занимает важное значение как для предприятий провинции Хэйлунцзян, так и для их российских партнеров.

Во-первых, успешное функционирование трансграничных логистических магистралей для электронной коммерции ускоряет развитие предприятий. Во-вторых, они в полной мере позволяют использовать географические преимущества в торгово-экономическом сотрудничестве провинции с Россией, позволяя активно развивать внешнеторговые потоки как китайских, так и российских товаров. В-третьих, в этой сфере возможно вводить новшества в трансграничные финансовые услуги, преодолевать «узкие места» в осуществлении платежей и расчетов. Немаловажно также, что пра-

вительства Китая и России оказывают поддержку развитию логистических магистралей электронной коммерции.

В 2018 г. экономика провинции Хэйлунцзян приложила большие усилия для содействия здоровому и быстрому развитию трансграничной электронной торговли. Цепочки трансграничной электронной торговли продолжали расширяться, и темпы строительства каналов трансграничных электронной торговли ускорились. Это дополнило преобразования традиционного режима роста внешней торговли и ускорило ее рост.

Трансграничная электронная торговля активно развивается по всей провинции. В Харбине функционируют таможенные и логистические организации, эффективно обслуживающие участников электронной коммерции. В Суйфэньхэ построено 6 трансграничных платформ электронной торговли, которые занимаются продажей в Китае российских товаров и продажей китайских товаров в России. Компания «Suifenhe Rushanghui E-Commerce Co., Ltd» создала «Платформу Lee Buying», которая реализует функции поставок, оптовой торговли, дистрибуции, розничной торговли и т. д., позволяя пользователям напрямую осуществлять оптовую и розничную торговлю товарами в режиме он-лайн. Всего в настоящее время в провинции Хэйлунцзян построено 19 трансграничных платформ электронной торговли. Для компаний, занимающихся электронной торговлей, эта модель прямых закупок снизит себестоимость операций, одновременно минимизируя риски накопления товаров.

Важным институциональным дополнением к реализации программ сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией является формирование специальных зон сотрудничества. [Суслов, 2016]

Провинция Хэйлунцзян развивает 18 зон сотрудничества с экономикой Дальнего Востока России. В общей сложности в такие зоны включены 146 предприятий.

В свою очередь, Россия предоставляет возможности для использования специальных режимов хозяйствования для китайских предприятий. В режимы «территория опережающего развития» и «свободный порт Владивосток» вошли более 25 предприятий с китайским капиталом.

Однако, следует признать, что предоставляемые в этом случае льготы не оказывают интенсивного воздействия на инвестиционные потоки из провинции Хэйлунцзян на Российский Дальний Восток. В 2018 г. прямые инвестиции из провинции Хэйлунцзян в Россию резко сократились. Фактические инвестиции китайской стороны составили менее 100 млн долларов США, сократившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 24,7%.

Это, несомненно, должно активизировать разработку и реализацию новых направлений, планов и программ торгово-экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россиейю

Важной предпосылкой для таких действий служат частые встречи между китайским и российским лидерами, а также представителями региональных и местных властей приграничных регионов.

В сентябре 2018 г. на 4-м Восточном экономическом форуме Китай и Россия подписали «Китайско-российский план регионального сотрудничества и развития на Дальнем Востоке (2018 – 2024 гг.)», который является программным документом, регулирующим региональное сотрудничество между двумя странами, и может рассматриваться как руководство по развитию местной и корпоративной приграничной кооперации. Кроме того, Министерство торговли Китая и Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики подписали «Меморандум о взаимопонимании между северо-восточным Китаем и Дальним Востоком России в Байкальском регионе», направленный на содействие реализации и координации межфирменных проектов, предоставление информационных, консультационных услуг предприятиям и оперативное решение проблем, возникающих в рамках сотрудничества.

В июне 2018 г. Китай и Россия провели в Хабаровском крае важное межрегиональное мероприятие, в котором приняла участие делегация провинции во главе

с губернатором Ван Вэньтао. Участники встречи договорились сформировать совместную рабочую группу по освоению острова Большой Уссурийский.

Стороны достигли взаимопонимания и подтвердили, что Хабаровский край и Хэйлунцзян заинтересованы в совместной разработке и реализации проекта по экономическому освоению острова Большой Уссурийский. Он включает организацию пассажирских и грузовых портов, совместное строительство гидротехнических сооружений, согласование планов по формированию пунктов пересечения границ в рамках общей концепции развития острова.

Реализация этих планов даст существенные предпосылки дальнейшему развитию экономического и торгового сотрудничества как на национальном уровне – между Россией и Китаем, так и региональном – между приграничными территориями провинции Хэйлунцзян и Хабаровского края.

Формирование контактной зоны межрегионального взаимодействия на берегах реки Амур включает не только проект Большого Уссурийского острова, но и ряд других важных инфраструктурных объектов. Они согласуются с важной инициативой китайского руководства по реализации проекта «Один пояс и один путь». Этот проект открывает широкие возможности для планирования и строительства Восточного экономического пояса Шелкового пути, гибкого использования государственной преференциальной политики, содействия развитию провинции Хэйлунцзян.

Особое значение для реализации этих планов имеет строительство новых трансграничных переходов, которые инициируют формирование новых точек экономического роста и регионального экономического развития.

Примером эффективной реализации такой стратегии является строительство железнодорожного моста «Нижнеленинское – Тунцзян». Он станет первым трансграничным железнодорожным мостом через реку Амур.

26 февраля 2014 г. в рамках проекта была проведена церемония закладки фундамента этого моста протяженностью 2,2 км, а в июне было официально начато строительство, которое, как ожидается, будет завершено в конце 2019 года. После открытия моста железорудный концентрат, произведенный в Еврейской автономной области на обогатительной фабрике Кимкано-Сутарского месторождения, можно будет экспортировать в Китай по кратчайшему транспортному маршруту.

Мост имеет не только транспортное, но и системообразующее значение. В его ареале будет сформирована платформа для трансграничного интерактивного сотрудничества, в которой планируется создание восьми импортно-экспортных промышленных кластеров, включающих лесную, энергетическую и химическую промышленность, производства легкой текстильной продукции и электромеханическую сборка. С 2017 г. более 60 известных китайских предприятий, зарегистрированных на бирже компаний и бизнес-ассоциаций, включая такие как «Национальная резервная энергетическая и химическая промышленность», «Zhonglin Group», «Panjiang Logistics» и «Tianjin Yangbei Road Timber City», с оптимизмом рассмотрели перспективы развития Тунцзяна и присоединились к проекту.

Кроме того, с введением в эксплуатацию моста откроется международный интермодальный транспортный коридор, соединяющий Россию и Европу. Магистраль, сформированная при введении в эксплуатацию моста, обеспечит прямую взаимосвязь между городами Китая и России и добавит в качестве важной составляющей трансграничную инфраструктуру для формирования китайско-монгольско-российской экономической кооперации и строительства на этом направлении пояса Шелкового пути Лунцзян в рамках проекта «Пояс и путь».[1]

Строительство транспортных маги-

[1] *По оценкам российских специалистов именно с этим проектом связано будущее развития всего макрорегиона. См. Михеев В., Луконцев С., Чже С. Многовариантность: большой стратегический ответ Си Цзиньпина //МЭиМО. 2015. № 12. С. 10 – 12.*

стралей откроет новые возможности для сотрудничества предприятий, локализованных в провинции Хэйлунцзян и Дальнем Востоке России. В особой мере это касается условий, предоставляемых предприятиям малого и среднего бизнеса.

В последние годы, когда Россия в условиях недружественных санкций ряда стран осуществляет активную политику импортозамещения, создание условий для роста малых и средних предприятий, в т.ч. и за счет международных контактов, является одним из важных направлений формирования бизнес-среды.

На этом фоне экономическое сотрудничество между провинцией Хэйлунцзян и Россией может значительно расширить каналы торгово-экономического сотрудничества в сфере малого и среднего бизнеса. В этой сфере возникают новые возможности для предприятий. Они могут участвовать в совместном строительстве международных трансграничных промышленных парков и парков экономического сотрудничества, сформировать китайско-российские совместные предприятия как основной корпус аграрной и промышленной кооперации.

Именно на уровне малого и среднего бизнеса могут эффективно осуществляться не только экономические, но и гуманитарные взаимосвязи между приграничными регионами, включая туризм, образование, медицинское обслуживание, культуру, науку и технику, выставки и средства массовой информации.

Можно предсказать, что провинция Хэйлунцзян продолжит расширять сотрудничество с Дальним Востоком России в создании китайско-российских совместных медицинских учреждений, включая модель «одна больница, два места», регулярно проводить обмен медицинским персоналом и специалистами социальных служб; в организации школ и центров обучения китайскому языку в России и русскому языку в Китае. Безусловно необходимым является дальнейшее укрепление сотрудничества в области научных исследований, в формировании совместных исследовательских групп, разрабатывающих предложения для принятия решений для своих правительств, по вопросам, представляющим общий интерес.

Особое место в перспективе занимает повышение эффективности сотрудничества в использовании преференциальных режимов хозяйствования на Дальнем Востоке России. Формирование в приграничном с провинцией Хэйлунцзян регионе беспрецедентной льготной политики для ведения экономической деятельности в виде территорий опережающего развития и режима СПВ (Свободный порт Владивосток) предоставляют для регионального бизнеса редкую возможность для дальнейшего развития сотрудничества с Россией.

Именно в этих локациях, дающих по сравнению с обычными условиями дополнительный выигрыш за счет сниженных налогов и принятия государством на себя затрат по формированию производственной инфраструктуры, может особенно эффективно быть организовано сотрудничество в области сельского хозяйства и производства экологически чистых продуктов питания, развития высоких технологий и электронной торговли.

Заинтересованность и поддержка таких проектов существует и с китайской, и с российской стороны. Включение их в согласованные планы развития Дальнего Востока России и китайской провинции Хэйлунцзян может оказать существенное позитивное влияние на развитие обоих приграничных регионов.

Список литературы:

1. Бакланов П. Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 12–19.

2. Михеев В., Луконцев С., Чже С. Многовариантность: большой стратегический ответ Си Цзиньпина // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 12. С. 5–14.

3. Суслов Д. В. Проблемы и перспективы экономического взаимодействия КНР и России // Власть и управление на Востоке России. № 2. 2016. С. 22–33.

4. Arai Hirofumi. New instruments attracting investment into the Russian

Far East: preliminary assessment // Пространственная экономика. 2019. № 1. С. 157–169

5. Minakir P. A., Suslov D. W Prospects and Limitations of Russo-Chinese Economic Relations // The Asan Forum. September-October 2017. Vol. 5. No. 5.

6. Suslov D. W. Problems and perspectives of economic relations between China and Russia // The Journal of Siberian and Far Eastern Studies. No.15. Winter 2016. Pp. 54–81.

Библиографическое описание статьи

Чжан Мэй. Современное состояние и прогноз перспектив торгово-экономического сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 22–27. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-22-27

Zhang Mei – research associate, the Institute of Russia of the Academy of social sciences of the Province of Heilongjiang of the People's Republic of China (Harbin, the People's Republic of China). *E-mail: 42576682@qq.com*

Current state and forecast of prospects of trade and economic cooperation between the province of Heilongjiang and Russia

T*rade and economic cooperation of the province of Heilongjiang with Russia in 2018 is considered. Evaluations of the developed trends and the role of regional interrelations in implementation of the Russian-Chinese projects are given. Factors of growth of the volumes of trade for 64.7% in comparison with the same period of last year and achievement of the best levels in 174.77 billion yuans are analyzed. Acceleration of the Chinese-Russian trade and economic cooperation, further the growth of volumes of import and export of trade of Heilongjiang with Russia is considered.*

Keywords: *China, province of Heilongjiang, Russia, the Russian Far East, trade and economic cooperation.*

References:

1. Baklanov P. Ya. Advanced Development Territories: Concept, Structure, Approaches to Allocation *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Studies], 2014, no. 3, pp. 12–19. (In Russian).

2. Mikheev V., Lukontsev S., Zhe S. Multivariance: a great strategic response to Xi Jinping *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 12, pp. 5–14. (In Russian).

3. Suslov D. V. Problems and Prospects for the Economic Cooperation of the PRC and Russia *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2, 2016, pp. 22–33.

4. Arai Hirofumi. New instruments attracting investment into the Russian Far East: preliminary assessment *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2019, no 1, pp. 157–169.

5. Minakir P. A., Suslov D. W. Prospects and Limitations of Russo-Chinese Economic Relations. *The Asan Forum*, 2017, vol. 5.

6. Suslov D. W. Problems between China and Russia. *The Journal of Siberian and Far Eastern Studies*, no.15, Winter 2016, pp. 54–81.

Reference to the article

Zhang Mei. Current state and forecast of prospects of trade and economic cooperation between the province of Heilongjiang and Russia // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 22–27. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-22-27

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-28-33
УДК 339.5 (571.6): (518.3)

Ань Чжао Чжэнь

Привлечение иностранного капитала в экономику провинции Хэйлунцзян КНР и Новая политика

***За** 40 лет осуществления в Китае политики реформ и открытости китайская провинция Хэйлунцзян достигла значительных результатов в использовании иностранного капитала, однако в этой сфере по-прежнему сохраняется большой разрыв в сравнении с развитыми провинциями южного Китая. Основная проблема заключается в том, что относительно слаборазвитая экономика накладывает ограничения на привлечение инвестиций. Чтобы активизировать фактор открытости для внешнего мира, в провинции Хэйлунцзян реализуется новая политика привлечения иностранного капитала за счет создания и усиления дополнительных преимуществ для иностранных инвестиций.*

***Ключевые слова:** Китай, провинция Хэйлунцзян, иностранный капитал, Новая инвестиционная политика.*

Провинция Хэйлунцзян расположена в северо-восточной части Китая и является важной промышленной базой страны, занимающей особые позиции в ряде сфер деятельности. Она активно участвует в развитии производственной системы КНР, в обеспечении национальной продовольственной безопасности, в функционировании экологического и оборонного комплексов. За период осуществления в Китае политики реформ и открытости провинция Хэйлунцзян активно применяла политику привлечения иностранных инвестиций, которые стали одним из важных источников регионального экономического роста.

1. Динамика привлечения иностранного капитала в экономику провинции Хэйлунцзян КНР (1984 – 2018 гг.)

Использование иностранного капитала в экономике провинции Хэйлунцзян началось в середине 1980-х гг. В 1984 г. здесь было зарегистрировано первое предприятие с иностранными инвестициями. В последующий период с 1985 г. по 1991 г. в провинции Хэйлунцзян ежегодно реализовалось не менее 100 иностранных инвестиционных проектов, при этом объем привлеченных прямых иностранных инвестиций составлял десятки миллионов долларов. К 1992 г. контрактные иностранные инвестиции в провинцию достигли 570 млн долларов США, в 1993 г. они впервые превысили 1 млрд долл. США, а в 1994 г. достигли 1,1 млрд долл. США.

Всего в период с 1984 г. по 2001 г. провинциальные власти одобрили в общей сложности 6687 проектов иностранных инвестиций, из которых контрактные иностранные инвестиции оставили 8,2 млрд. долл. США, а фактическое использование иностранного капитала оценивалось в размере 5,58 млрд долл. США.

В структурном плане основные иностранные инвестиции в этот период направлялись в обрабатывающую промышленность. В первичные отрасли (добывающую промышленность и сельское хозяйство) было вложено всего 87,09 млн долл. США, т. е. только 1,55% от общего объема. Лидировали с колоссальным отрывом от остальных инвестиции во вторичные отрасли - 4,64 млрд. долл. США, что составило 83,15% от общего объема. В третичный сектор (сферу услуг) было инвестировано 844 млн долл. США или 15,12% от общего объема. [Цзян Гуовен, 2002].

За период 10-й пятилетки (2001 –

Ань Чжао Чжэнь – заместитель директора, научный сотрудник, Российский институт провинции Хэйлунцзян Академии общественных наук КНР (г. Харбин, КНР). *E-mail: azzcn@vip.sina.com*

2005 гг.) в провинции Хэйлунцзян было реализовано 1284 совместных проекта с использованным иностранным капиталом в размере 6,65 млрд. долл. США. За пятилетний период он вырос на 35,3% по сравнению с предыдущей девятой пятилеткой.[1] В течение этого периода ежегодное количество ярмарок, проводимых в Харбине, и других мероприятий, включенных в проект «Год инвестиций», непрерывно увеличивалось, что обеспечивало прирост инвестиций в экономику региона. [Ван Вэйтао, Хоу Шэнчао, 2009]

В 2011 г. в структуре иностранных инвестиций в провинцию Хэйлунцзян наметился позитивный сдвиг, она стала более сбалансированной. Из 3,46 млрд. долл. США фактически использованного иностранного капитала только 62,6% было инвестировано во вторичный сектор, что обеспечивало усиление позиций первичного и третичного секторов.

В 2015 г. в провинции Хэйлунцзян КНР началась пилотная реформа управления предприятиями с иностранным капиталом, ориентированная на упрощение процедур их создания и функционирования. Это еще больше повысило привлекательность пилотных территорий для иностранных инвестиций. По состоянию на декабрь 2014 г. фактическое использование иностранного капитала в рамках прямых иностранных инвестиций в провинцию увеличилось на 30% в годовом исчислении и достигло самого высокого исторического уровня на тот период.[2]

В 2016 г. в провинции Хэйлунцзян КНР было создано 116 новых предприятий с иностранными инвестициями, фактическое использование иностранного капитала составило 5,82 млрд долл. США, увеличившись на 6,8%.

Сложившаяся за рассматриваемый период позитивная динамика иностранных инвестиций в экономику провинции Хэйлунцзян сохраняется и в настоящее время. В первой половине 2018 г. было создано 66 предприятий с иностранными инвестициями, что на 29,41% больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, фактическое использование иностранного капитала составило 2,23 млрд.

Структурные характеристики иностранных инвестиций довольно устойчивы. Основными отраслями, в которые вкладывается иностранный капитал, являются пищевая промышленность, обрабатывающая промышленность общего назначения и индустрия недвижимости, торговля и общественное питание. Доля первичной промышленности попрежнему продолжает оставаться низкой, что крайне несоразмерно статусу Хэйлунцзяна как сельскохозяйственной провинции КНР. [Чун Данянь, 1994]

Иностранные инвестиции в провинции Хэйлунцзян КНР – это в основном небольшие по масштабам проекты, поэтому средний размер инвестиций невелик. Так, среднее использование иностранного капитала на один проект составляет всего 3,233 млн. долл. США. Это определяет небольшие в среднем возможности по использованию передовых технологий, что привело к использованию отсталых технологи и низкой эффективности. [Хоу Ли, Ли Шуан, 2000]

В географическом плане инвестиционная картина разнообразна. Здесь осуществляли проекты инвесторы из более ста стран мира. Глаными по масштабам являются инвестиции из Гонконга. Они составляют около 70% фактического использования иностранного капитала в провинции Хэйлунцзян.[3]

Несмотря на позитивные характери-

---

[1] *Бюро статистики провинции Хэйлунцзян, Комплексное состояние национального экономического и социального развития в период «десятой пятилетки» в провинции Хэйлунцзян (часть вторая) [J] Статистика и консалтинг, 2006 (2), с. 4–6.*

[2] *Фактическое использование иностранного капитала в провинции Хэйлунцзян достигло самого высокого уровня за последние годы [EB/OL] // Хэйлунцзян газета,16 февраля 2015 г. URL: http://hlj.people.com.cn/n/2015/0216/c220027-23928220.html*

[3] *Инвестиции в провинцию Хэйлунцзян в первой половине 2018 г. [EB/OL], 2 августа 2018 г. URL: http://www.hljswt.gov.cn/newsshow.php?cid=143&id=1672*

стики динамики привлечения инвестиций, необходимо отметить, что с точки зрения благоприятности инвестиционной среды для иностранных вложений провинция Хэйлунцзян, также как все другие северо-восточные и западные регионы Китая, проигрывает. По этой позиции в стране доминируют восточные провинции Китая, лучшей из которых, согласно национальным отчетам об инвестиционной среде, является провинция Гуандун. Существование такого разрыва определяет необходимость совершенствования региональной политики привлечения и использования иностранных инвестиций в провинцию Хэйлунцзян.

2. Основные проблемы привлечения иностранных инвестиций в провинцию Хэйлунцзян.

Одним из наиболее влиятельных на эффективность процессов привлечения иностранных инвестиций негативным фактором является относительно слаборазвитая экономика региона по сравнению с другими территориями Китая.

Системный переход на северо-востоке страны к новым условиям хозяйствования происходил более медленно, структурные противоречия в хозяйственной организации были более глубокими, а эффективный механизм функционирования рыночной экономики пока не сформирован полностью, особенно в части управления государственными предприятиями. В промышленном потенциале провинции высока доля старых предприятий, использующих отсталые производственные технологии и устаревшее оборудование, использующих персонал с низкой квалификацией. Это ложится тяжелым бременем на всю региональную экономическую систему, что создает объективные ограничения для привлечения инвестиций. Отсталый механизм и плохая экономическая среда компаний негативно влияют на заинтересованность иностранных инвесторов во вхождении в такую систему и определяют их относительно небольшую численность.

Другим важным ограничителем для иностранных инвестиций является отсталая инфраструктура. Ее средняя плотность в провинции Хэйлунцзян по отношению как к численности населения, так и площади территории региона, сильно уступает средней по стране. Проигрывает регион и по насыщенности скоростными железными дорогами, и по развитию автомагистралей, и по обеспеченности авиационным транспортом. Отсталые инфраструктурные условия затрудняют привлечение не только иностранных бизнесменов, но также и китайских транснациональных компаний.

Известным фактором формирования инвестиционного поведения иностранного капитала и выбора инвестиционного проекта является сложившаяся в регионе институциональная среда. Недостаточность проводимых институциональных реформ сдерживает привлечение иностранных инвестиций в провинцию Хэйлунцзян, которая долгое время была регионом с государственной экономикой в качестве опоры.

Консервативная структура экономики, медленная реструктуризация предприятий и устаревшая система корпоративного управления служат препятствием для иностранных инвесторов. Кроме того, для таких предприятий существуют сложности в получении банковских кредитов и организации корпоративного финансирования.

Эти отягощающие факторы пока не компенсируются существующими в провинции режимами стимулирования иностранных инвестиций. Хотя большинство городов и округов региона испытывают энтузиазм в отношении привлечения иностранных инвестиций, используемый ими инструментарий недостаточно эффективен.

Оценивая в целом состояние дел с привлечением иностранных инвестиций в экономику провинции Хэйлунцзян, необходимо отметить, что хотя она добилась существенного прогресса по сравнению с предыдущими периодами, масштабы, потенциал и уровень развития этого процесса пока не соответствует задачам эффективного развития этого региона.

3. Новая политика провинции Хэйлунцзян КНР по привлечению иностранных инвестиций.

В 2018 г., чтобы полностью построить новую модель открытости для внешнего мира, в народном правительстве провинции Хэйлунцзян было начато формирование дополнительных приоритетных условий, положительно влияющих на привлечение в регион иностранных инвестиций.[4]

Прежде всего, внимание было обращено на снижение ограничений для доступа иностранных инвесторов в экономику провинции. В системе управления регионом были предусмотрены мероприятия по дальнейшему повышению открытости, прозрачности, нормативности и перспективного характера региональной инвестиционной среды. Во-вторых, создаются более благоприятные условия для установления контактов иностранных инвесторов с министерствами и комиссиями, другими органами государственной власти, а также с финансовыми структурами, работающими в провинции. С этой целью осуществляется целенаправленное формирование и поддержка инвестиционных площадок, в т. ч. за счет активизации использования достижений науки и техники, современных технологий коммуникаций в локальной экономике. Так, в частности, в 2018 г. в провинции Хэйлунцзян была введена в действие модель поддержки инвесторов «Интернет + торговцы», что полностью изменило ситуацию в этой сфере.[5]

Существенным направлением поддержки и стимулирования иностранных инвесторов стало использование налоговых льгот, прежде всего, для проектов, поддерживаемых государством. Осуществляется целенаправленное поощрение транснациональных компаний за создание региональных штаб-квартир, активное участие в корректировке региональной промышленной структуры. Особую поддержку получает развитие отечественных и зарубежных проектов в сфере высоких технологий и проектов с высокой добавленной стоимостью. Предполагается поощрять иностранных инвесторов за участие в оптимизации и реструктуризации региональных предприятий, поддерживать иностранных инвесторов в создании предприятий с иностранными инвестициями посредством слияний и поглощений, а также поощрять иностранные инвестиции за участие в реформе государственных предприятий.

Важной составляющей новой политики является улучшение инвестиционной среды путем формирования различных типов зон развития. Оно включает создание эффективной системы административной поддержки, предполагающей улучшение условий получения иностранными инвесторами необходимых локальных ресурсов, в т. ч. земельных. Предусматривается также активная эмиссия государственных облигаций для поддержки строительства инфраструктуры зон развития на уровне провинций, приграничных и трансграничных зон экономического сотрудничества.

Институциональная программа, направленная на активизацию инвестиционных процессов в провинции, также является важной составляющей новой модели поддержки иностранных инвесторов. Она предполагает, прежде всего, улучшение и корректировку местных нормативных актов, государственных нормативных актов и политических документов, регламентирующих процессы иностранных инвестиций. Важным блоком является повышение уровня юридического обслуживания иностранных инвестиций: предполагается опробовать новую модель для регистрации бизнеса с иностранными инвестициями и регистрации предприятий «единое окно, единая форма», создание эффективной и удобной для инвесторов системы надзора и обслуживания, в т. ч. усовершенство-

[4] *Уведомление народного правительства провинции Хэйлунцзян о нескольких мерах по стимулированию роста иностранного капитала [EB/OL]. URL: http://www.hlj.gov.cn/wjfg/system/2018/05/14/010871637.sht*

[5] *Провинция Хэйлунцзян привлекает инвестиции и внедряет модель «Интернет + торговцы» для создания библиотеки ключевых проектов [EB/OL], URL: http://sh.qihoo.com/pc/9d20f6e081b65e320?cota=1&refer_scene=so_1&sign=360_e39369d1*

вание механизмов рассмотрения жалоб предприятий с иностранными инвестициями. Существенным блоком является включение в локальную программу поддержки инвестиций, сформированную в провинции, требований международных стандартов ведения бизнеса, на которые ориентированы потенциальные зарубежные инвесторы, в т. ч. это финансовые нормативы, определяющие свободный перевод прибыли, нормативы защиты интеллектуальной собственности и конкурентной среды.

В совокупности все выдвинутые предложения могут оказать значительное воздействие на улучшение инвестиционной ситуации в провинции Хэйлунцзян, привлечь дополнительные ресурсы иностранных инвесторов и полностью решить задачи, поставленные руководством Китая по улучшению экономического развития региона.

Список литературы:

1. Цзян Гуовен. Встреча новых возможностей и повышение уровня иностранных инвестиций в провинции Хэйлунцзян, КНР [J] // Хэйлунцзян, Внешняя торговля, 2002 (4). С. 4–7.

2. Ван Вэйтао, Хоу Шэнчао. Сравнительный анализ использования иностранного капитала в провинции Хэйлунцзян и развитых провинциях и городах [J] // Хэйлунцзян, Внешняя торговля, 2009 (3). С. 30–32.

3. Хоу Ли, Ли Шуан. Текущая ситуация и перспективы использования иностранного капитала в Северо-Восточном Китае [J] // Северо-Восточный Азиатский Форум, 2000 (2). С. 69–72.

4. Чун Данянь. Расследование по использованию иностранного капитала в провинции Хэйлунцзян // Хэйлунцзян, Внешняя торговля, 1994 (2). С. 46–48.

Библиографическое описание статьи

Ань Чжао Чжэнь. Привлечение иностранного капитала в экономику провинции Хэйлунцзян КНР и Новая политика // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 28–33. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-28-33

An Zhao Zhen – deputy director, research associate, the Russian institute, province of Heilongjiang of the Academy of social sciences of the People's Republic of China (Harbin, the People's Republic of China). *E-mail: azzcn@vip.sina.com*

Attraction of foreign capital in the economy of the province of Heilongjiang of the People's Republic of China and the New policy

***In** 40 years of implementation in China of the policy of reforms and openness the Chinese province of Heilongjiang achieved considerable results in a use of foreign capital, however in this sphere the big gap in comparison with the developed provinces of the southern China still remains. The main problem is that rather underdeveloped economy imposes restrictions for attraction of the investments. To make active an openness factor for the outside world, in the province of Heilongjiang the new policy to attract the foreign capital due to creation and strengthening of additional benefits for the foreign investments is implemented.*

Keywords: *China, province of Heilongjiang, foreign capital, New investment policy.*

References:

1. Jiang Guoven. Meeting New Opportunities and Increasing Foreign Investment in Heilongjiang Province, China [J] *Kheyluntszyan, Vneshnyaya torgovlya* [Heilongjiang, Foreign Trade], 2002 (4), pp. 4–7.

2. Wang Waitao, Hou Shenchao. Comparative analysis of the use of foreign capital in Heilongjiang Province and developed provinces and cities [J] *Kheyluntszyan, Vneshnyaya torgovlya* [Heilongjiang, Foreign Trade], 2009 (3). Pp. 30–32.

3. Hou Lee, Li Shuang. The current situation and prospects for the use of foreign

capital in Northeast China [J] *Severo-Vostochnyy Aziatskiy Forum* [Northeast Asian Forum], 2000 (2). Pp. 69–72.

4. Chun Danyan. Investigation of the use of foreign capital in Heilongjiang Province *Kheyluntszyan, Vneshnyaya torgovlya* [Heilongjiang, Foreign Trade], 1994 (2). Pp. 46–48.

Reference to the article

Zhang Mei. Current state and forecast of prospects of trade and economic cooperation between the province of Heilongjiang and Russia // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 28–33. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-28-33

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-34-40
УДК 338.2

В. К. Резанов
Е. А. Осипова

Стратная модель системы сбалансированных показателей как инструмент стратегического управления лесопромышленной компании

В *статье рассматривается сбалансированная система показателей как инструмент стратегического управления лесопромышленной компанией, наиболее соответствующий принципам устойчивого развития и адаптивного лесопользования. На основе анализа различных моделей системы сбалансированных показателей предлагается авторская стратная социально-эколого-экономическая модель сбалансированной системы показателей лесопромышленной компании. Особенностью предлагаемой модели является выделение внутри проекций сбалансированной системы показателей социальной, экономической и лесоводственно-экологической страт, в которые включаются соответствующие показатели. Приведены принципы отбора показателей, показан алгоритм построения стратной модели сбалансированной системы показателей и интегральной оценки уровня устойчивого, адаптивного развития компании.*

Ключевые слова: *лесопромышленная компания, система сбалансированных показателей, стратная модель, интегральная оценка устойчивого развития.*

Лесной комплекс имеет особое значение для Хабаровского края по стратегическому потенциалу, так как лесная промышленность является одной из отраслей специализации. Именно в этой отрасли абсолютизация экономических приоритетов может привести в нежелательным последствиям. Ведь государство здесь является не только стабилизирующим фактором развития нерыночных лесных отношений, но и собственником лесных ресурсов. Поэтому при формировании концептуальных положений стратегического управления устойчивым развитием лесного комплекса необходимо учитывать интересы всех его субъектов для обеспечения максимальных условий его развития.

Длительное время лесопромышленные компании региона находились в погоне только за высоким уровнем дохода, что, в конечном итоге, привело к дисбалансу в развитии отдельных компонентов лесопромышленного комплекса, выражающихся в абсолютизации экономических приоритетов [Резанов, 2015; Резанов, Осипова, 2017]. Тогда как значение социальных и экологических приоритетов в развитии компаний лесного комплекса региона должно возрастать. Это объясняется тем, что лесозаготовительные предприятия региона расположены в небольших зачастую отдаленных населенных пунктах, благополучие населения

Владимир Константинович Резанов – д-р экон. наук, профессор кафедры производственного менеджмента, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). *E-mail: rezanov@mail.ru*

Елена Андреевна Осипова – заместитель начальника отдела мониторинга и анализа социальных процессов комитета по внутренней политике, Правительство Хабаровского края (680000, Россия г. Хабаровск, ул. Пушкина, д. 23). *E-mail: osipova.elena92@gmail.com*

которых напрямую зависит от успешности работы этих компаний, а также стабилизирующей функцией лесов как важнейшей подсистемы биосферы Земли [Резанов, 2015].

Понимание того, что существующие подходы к оценке эффективности деятельности лесопромышленных компаний не соответствуют целям и принципам устойчивого развития и стратегического управления, привело к необходимости разработки новых подходов, направленных на устойчивое развитие предприятий [Резанов, Осипова, 2017]. Одним из методов разрешения сложившейся ситуации является внедрение на предприятиях лесного комплекса инструментов стратегического управления, направленных по повышение организационной эффективности. Одним из таких инструментов может стать система сбалансированных показателей (ССП) как метод стратегического управления, получивший наиболее широкое признание как в научном сообществе, так и в практике управления предприятиями. Многие ведущие компании мира разработали и успешно реализовали ССП. Такая популярность данного метода, по нашему мнению, обуславливается тем, что он является органичным наполнением и конкретизацией системного подхода, что и предопределяет его широкое применение в любой сфере деятельности при любом стиле управления [Резанов, Осипова, 2017, Осипова, 2017].

Система сбалансированных показателей представляет стратегию компании через совокупность взаимосвязанных измеримых показателей, сгруппированных по проекциям [Каплан, Нортон, 2008]. В настоящий момент разработаны различные подходы к построению ССП (модели Р. Каплана и Д. Нортона; Х. Фридага и В. Шмидта; Х. Рамперсада и др.). Несмотря на то, что каждый из этих подходов является оригинальным, в каждой модели ССП выделяются в качестве константы проекции, стратегические цели, стратегическая карта, включающая множество показателей и их целевые значения [Резанов, Осипова, 2017, Осипова, 2017, Шабалина, Резанов, 2011].

Применительно к лесопромышленным компаниям ССП должна учитывать особенности развития организации, ее управленческий потенциал, а также особенности лесопромышленного комплекса в целом. В связи с этим нами предлагается стратегический подход к управлению лесопромышленной компанией, основой которого выступает стратная социально-эколого-экономическая модель системы сбалансированных показателей [Резанов, Осипова, 2017]. Ее отличают согласованность интересов участников; сбалансированность; соподчиненность целей; учет специфики деятельности и развития; наличие видения будущего (возможность его реализации). Благодаря этим характеристикам ССП создает эффективную основу для обеспечения устойчивого развития компании.

Формирование стратной социально-эколого-экономической модели ССП включает в себя адаптацию классического варианта построения ССП к особенностям деятельности лесопромышленных компаний в контексте устойчивого развития. При разработке модели учитывались также факторы устойчивого развития, оказывающие влияние на компанию и существующий опыт разработки ССП для лесопромышленного комплекса в целом [Резанов, Осипова, 2017, Осипова, 2015]. Как и в классических разработках Р. Каплана и Д. Нортона, логика построения стратной модели ССП основана на выделении четырех проекций: «Финансы», «Окружение», «Внутренние процессы», «Потенциал» [Осипова, 2015].

Так, в проекцию «Финансы» включаются экономические показатели деятельности компании, являющие индикаторами соответствия стратегии развития компании общему плану развития в целом. В ССП Р. Каплана и Д. Нортона финансовые показатели стоят во главе дерева целей компании, однако авторы подчеркивают наличие тесной взаимосвязи с целями и показателями в других проекциях [Калашникова, Кармазина, 2014]. По мнению авторов ССП, «… финансовые показатели относятся к прибыльности и измеряются, например, операционной прибылью, доходностью заемного капитала или добавленной стоимостью. Альтернативными финансовыми целями

могут быть быстрый рост объема продаж или генерирование потока наличности» [Каплан, Нортон, 2008].

В проекции «Внутренние процессы» отражаются показатели, характеризующие основные бизнес-процессы, протекающие внутри компании или холдинга. При этом выделяются основные бизнес-процессы, связанные с осуществлением лесозаготовки, деревопереработки и доставки произведенных продуктов до потребителя, и второстепенные процессы, направленные на создание условий для успешной реализации основных процессов.

В основу ССП Р. Капланом и Д. Нортоном заложена идея о том, что, оценивая успешность деятельности той или иной корпорации, необходимо учитывать влияние и удовлетворение интересов стейкхолдеров (персонала, контрагентов). Наше видение этого положения заключается в проекции «Окружение», которая включает в себя показатели, отражающие все взаимосвязи компании с субъектами внешней среды.

Показатели проекции «Потенциал» отражают возможные будущие результаты деятельности компании. Данная проекция направлена на обеспечение высокой эффективности инициируемых социально-эколого-экономических процессов деятельности компании. Она является, по нашему мнению, ключевой в процессе обеспечения устойчивого развития компании.

При этом стоит отметить, что предложенный перечень проекций не является исчерпывающим и не претендует на полноту охвата всех направлений деятельности лесопромышленной компании, ее эко-бизнес-пространства. Для каждой конкретной компании ССП должна формироваться с учетом ее специфики деятельности, сложившейся системы управления, потребностях в текущем и будущих периодах [Резанов, Осипова, 2017, Осипова, 2015].

Исходя из приоритетов и тенденций развития лесного комплекса, внутри каждой проекции нами выделяются экономическая, социальная и лесоводственно-экологическая страты или подпроекции ССП. Именно в связи выделением страт внутри проекций ССП, предлагаемая нами модель получила название стратной. Потребность в выделении социальной, экономической и лесоводственно-экологической страт внутри ССП лесопромышленной компании объясняется соответствием требованиям устойчивого развития (адаптивного лесопользования), где традиционно выделяются три составляющие: экономическая, экологическая и социальная компоненты. При этом для обеспечения устойчивого развития данные компоненты должны находится в балансе.

Экономическая страта предполагает создание условий, направленных на поддержание необходимого уровня ее экономической эффективности как базиса для дальнейшего развития [Осипова, 2017]. Экологическая компонента представляет собой деятельность по защите и восстановлению окружающей среды, минимизации ущерба, нанесенного в ходе хозяйственной деятельности и достижения необходимого уровня экологической эффективности. Для лесопромышленной компании наличие системы экологического менеджмента является необходимостью и свидетельствует о признании экологически безопасного и стабильного соответствия параметров и характеристик процессов и продукции природоохранным нормам и правилам [Дерягина, Астафьева и др. 2007]. В контексте деятельности лесопромышленной компании помимо экологической составляющей необходимо выделить и лесовостенную компоненту, заключающуюся в разработке и реализации программ восстановления лесов, направленную на внедрение модели интенсивного использования и воспроизводства лесов.

Социальная страта основана на разработке и реализации программ повышения эффективности и результативности персонала путем создания комфортных и безопасных условий труда, обеспечении медицинского обслуживания и социального страхования, стабильной выплаты заработной платы, реализации программ обучения и повышения квалификации персонала. Для лесопромышленных компаний социальная составляющая устойчивого развития имеет особую ак-

туальность. В связи с тем, что зачастую лесозаготовительные предприятия располагаются в небольших отдаленных моноспециализированных населенных пунктах (лесных поселках), благополучие населения таких поселков напрямую зависит от успешности работы компании и проводимой ею социальной политики [Резанов, Шабалина, 2011]. Несомненно, социальная политика требует дополнительных финансовых вложений компании, но эффект от ее реализации должен превосходить затраты. Вследствие того, что в компании будет сохраняться незначительная текучесть кадров, количество претендентов на занятие вакантных должностей в такой компании будет больше, следовательно, велика вероятность приема на работу специалиста, способного выполнять работу с наименьшими затратами, а это, в свою очередь, позволит повысить производительность труда и качество работы [Осипова, 2017].

На наш взгляд, выделение страт внутри проекций ССП соответствует миссии лесного комплекса и отражает предпочтения различных заинтересованных сторон. Заметим, что заявленные проекции и страты включают в себя как финансовые, так и нефинансовые данные, описывающие предложения корпоративной ценности, под которой понимается уникальный, отличительный набор выгод потенциальным клиентам и потребителям [Каплан, Нортон, 2006], что в полной мере соответствует методологии построения ССП.

Алгоритм построения ССП на основании стратной социально-эколого-экономической модели (рис. 1) заключается в следующем: а) формулирование миссии холдинга, исходя их стратегии развития компании и с учетом факторов устойчивого развития, которая декомпозируются на ключевые цели холдинга; б) на основе ключевых целей холдинга определяются ключевые цели его бизнес-единиц; в) для каждой цели отбирается ключевые показатели эффективности; г) показатели группируются в проекции и подпроекции;

д) для каждого показателя определяется целевое значение, а также составляется план мероприятий для достижения выбранного целевого значения;

е) проводится интегральная оценка степени устойчивого развития ССП холдинга [Резанов, Осипова, 2017, Осипова, 2017].

В целях конкретизации предмета исследования, в рамках данной работы мы ограничиваемся только этапами постро-

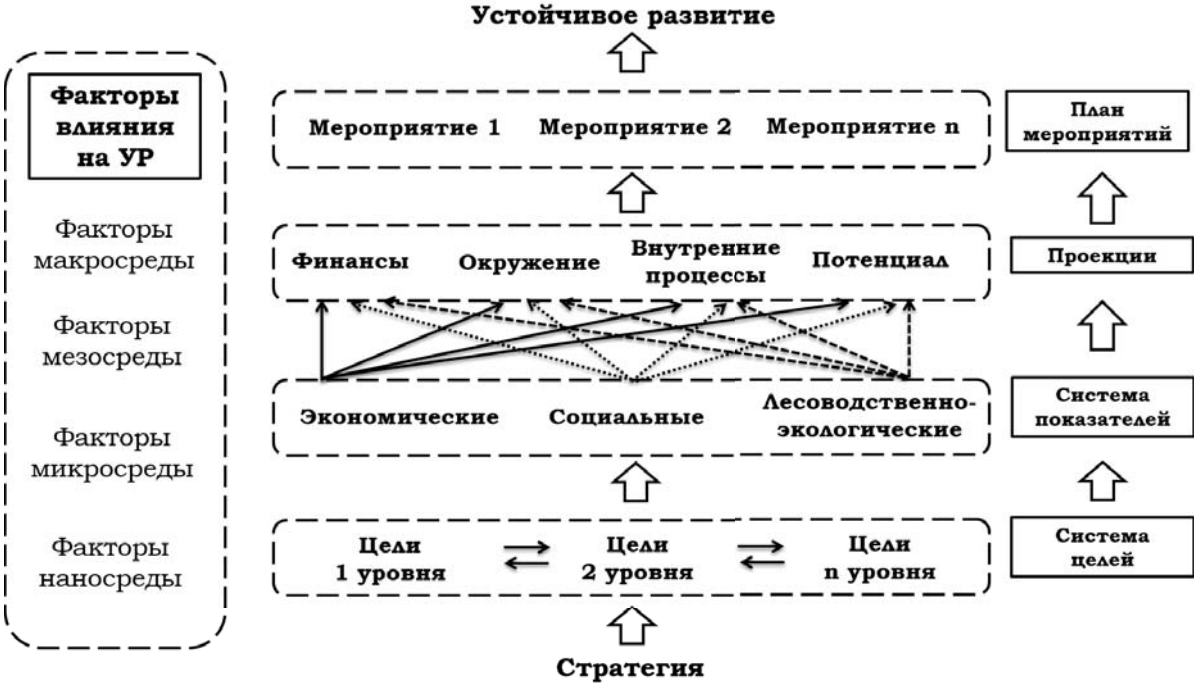

Рис 1. Стратная модель ССП устойчивого развития компании

ения ССП и не рассматриваем этапы ее внедрения в деятельность компании. Так как внедрение ССП является не универсальной последовательностью действий, этапы внедрения разрабатываются применительно к каждой конкретной компании с учетом специфики ее управленческой и организационной структуры. Необходимо заметить, что в связи с формальным отношением к стратегическому управлению многих лесопромышленных компаний, стратегические цели могут не отражать всей полноты стратегии предприятия. Формулирование и уточнение ключевых целей холдинга позволяет прийти к общему пониманию и конкретизировать цели, что упрощает и делает более удобным составление стратегической карты холдинга [Осипова, 2017].

Формирование ключевых целей холдинга осуществляется на основании анализа документов (стратегический план предприятия, миссия и стратегические цели предприятия, политика и цели в области качества, экологическая политика, политика в области безопасности и охраны труда, учитываются требования систем управления рисками и стандартов менеджмента качества). В ходе анализа документов выделяются основные требования, которые должны быть максимально учтены при построении стратегической карты. Алгоритм формирования стратегической карты холдинга включает в себя два основных момента: определение ее структуры (проекций) и системы стратегических целей. Логика построения стратегической карты выглядит следующим образом: а) стратегическая карта формируется на основе миссии, направленной на обеспечение устойчивого развития компании; б) карта наполняется ключевыми целями, необходимыми условиями, при выполнении которых компания достигает успеха в реализации стратегии; в) все ключевые цели логически группируются по проекциям и подпроекциям в соответствии с методикой построения [Резанов, Осипова, 2017]. При этом, не являясь инструментом создания стратегии, построение ССП может привести к необходимости ее переосмысления и доработки. ССП позволяет преобразовать миссию холдинга в цели и конкретные показатели работы – своеобразную «систему координат» действий, а также обеспечить взаимосвязь различных функциональных областей. Отметим, что отбор показателей в каждую проекцию и страту должен осуществляться в соответствии с принципами целенаправленности, информативности, детализации, непротиворечивости и согласованности показателей, своевременности и адекватности, комплексности и сопоставимости показателей [Резанов, Осипова, 2017]. Следует также подчеркнуть, что конструктивной особенностью нашей модели ССП является интегральная оценка степени устойчивого развития компании и ее подразделений на основе метода расстановки приоритетов.

На наш взгляд, построение и реализация стратной социально-эконолого-экономической модели ССП лесопромышленной компании позволит руководству компании сделать систему управления эффективнее, а также реализовывать адаптивную стратегию развития лесного комплекса, поскольку гарантирует сохранение баланса социально-эколого-экономических целей и интересов.

Список литературы:

1. Дерягина С. Е., Астафьева О. В., Струкова М. Н., Струкова Л. В. Экологический менеджмент на предприятии. Екатеринбург: ИПЭ УрО РАН – УГТУ УПИ, 2007.

2. Калашникова Е. Ю., Кармазина Ю. А. Исследование сбалансированной системы показателей Каплана и Нортона при оценке финансового здоровья корпорации // Молодой ученый. 2014. №4. С. 524–526.

3. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: ЗАО «Олимпик-бизнес», 2008.

4. Каплан Р., Нортон Д. Стратегическое единство: создание синергии организации с помощью сбалансированной системы показателей М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2006.

5. Осипова Е. А. Стратегическое управление устойчивым развитием лесопромышленной компании на основе сба-

лансированной системы показателей // Молодые ученые – Хабаровскому краю : материалы XIX краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск, 13-20 янв. 2017 г. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. С. 16–21.

6. Осипова Е. А. Методические основания стратегического управления устойчивым развитием лесопромышленной компании на основе системы сбалансированных показателей // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 4 (73). С. 195–201.

7. Осипова Е. А. От устойчивого развития лесопромышленного комплекса к устойчивому развитию лесопромышленной компании // Власть и управление на Востоке России. 2016. №3 (76). С.158–165.

8. Резанов В. К. Управление адаптивным развитием лесного комплекса. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанск. гос. ун-та, 2015.

9. Резанов В. К., Осипова, Е. А. Стратная модель системы сбалансированных показателей устойчивого развития компании. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017.

10. Резанов В.К., Шабалина М.В. Интегрированная модель системы сбалансированных показателей лесного комплекса. Хабаровск: Из-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011.

11. Шабалина М. В., Резанов В. К. Стратегическое управление лесным комплексом на основе сбалансированной системы показателей. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2011.

Библиографическое описание статьи

Резанов В. К., Осипова Е. А. Стратная модель системы сбалансированных показателей как инструмент стратегического управления лесопромышленной компании // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 34–40. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-34-40

Vladimir K. Rezanov – Doctor of Economics, Professor, Professor of the chair of production management, the Pacific State University (680035, Russia, Khabarovsk, 136, Tikhaya Str.). *E-mail: rezanov@mail.ru*

Elena A. Osipova – Deputy Head of the department of monitoring and analysis of social processes of the Committee on domestic policy, the Government of the Khabarovsk territory (680000, Khabarovsk, Russia, 23, Pushkin Str.). *E-mail: osipova.elena92@gmail.com*

Stratum model of the balanced scorecard as a strategic management tool in the forestry company

T*he article deals with the balanced scorecard as a strategic management tool of the forestry company that best matches the principles of sustainable development, or adaptive management. Based on the analysis of the approaches to the construction of balanced scorecard the model of balanced scorecard in the forestry company to the author's stratum socio-ecological-economic is made. Feature of the proposed model is within the projections of balanced scorecard in the social, economic and ecological forestry striations, which include the appropriate indicators. Specified division fully conforms to the principles and purposes of adaptive forest management. Selecting indicators are the principles and shows the algorithm of stratum balanced scorecard model and integrated evaluation of level of sustainable, adaptive development of the company.*

Keywords: *Forestry company, balanced scorecard, stratum model, integral score of sustainable development.*

References:

1. Deryagina S. E., Astafyeva O. V., Strukova M. N., Strukova L. V. Environmental Management at an Enterprise. Ekaterinburg: IPE UB RAS - USTU UPI, 2007. (In Russian).

2. Kalashnikova E. Yu., Karmazina Yu. A. Investigation of the balanced scorecard of Kaplan and Norton in assessing the fi-

nancial health of a corporation. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2014, no. 4, pp. 524–526. (In Russian).

3. Kaplan R., Norton D. Balanced Scorecard. From strategy to action. M .: Olympic Business, 2008. (In Russian).

4. Kaplan R., Norton D. Strategic unity: the creation of synergy of an organization using a balanced scorecard of Moscow. Williams, 2006. (In Russian).

5. Osipova Ye.A. Strategic management of sustainable development of a timber industry company based on a balanced scorecard. Young scientists to the Khabarovsk Territory: materials of the XIX regional competition of young scientists and graduate students, Khabarovsk, 13-20 January. 2017 Khabarovsk: Pacific Publishing House. state Univ., 2017, pp. 16–21. (In Russian).

6. Osipova Ye.A. Methodological Foundations of the Strategic Management of the Sustainable Development of a Timber Industry Company Based on the Balanced Scorecard. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2015, no. 4 (73), pp. 195–201. (In Russian).

7. Osipova Ye. A. From the sustainable development of the timber industry complex to the sustainable development of the timber industry company. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2016, no. 3 (76), pp.158–165. (In Russian).

8. Rezanov V. K. Management of adaptive development of the forest complex. Khabarovsk: Pacific Publishing House. state University, 2015. (In Russian).

9. Rezanov V. K., Osipova, E. A. Stratus model of the system of balanced indicators of the company's sustainable development. Khabarovsk: Pacific Publishing House. state Un-ta, 2017. (In Russian).

10. Rezanov V. K., Shabalina M. V. Integrated model of a balanced system of forest complex. Khabarovsk: From Pacific. state University, 2011. (In Russian).

11. Shabalina, M. V., Rezanov, V. K. Strategic management of the forest complex on the basis of a balanced scorecard. Khabarovsk: DVGUPS Publishing House, 2011. (In Russian).

Reference to the article

Rezanov V. K., Osipova E. A. Stratum model of the balanced scorecard as a strategic management tool in the forestry company // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 34–40. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-34-40

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-41-50
УДК 332.14:001.895(571.6)

В. Ф. Ефременко
С. М. Бахарев

Динамика развития инновационной инфраструктуры в региональных инновационных системах Дальневосточного федерального округа Российской Федерации

***С**оциально-экономические проблемы Дальнего Востока России во многом обусловлены его технологическим отставанием, низким уровнем инновационного развития. Определяющая роль в формировании инновационной экономики принадлежит институтам инновационной инфраструктуры, являющимся основным элементом региональных инновационных систем. Среди них наиболее важное значение имеют технологическая и финансовая инфраструктура. Анализ динамики развития этих институтов в Дальневосточном макрорегионе показывает, что их формирование происходит с большим запозданием, а переход к инновационному типу воспроизводства не является приоритетом проводимой государственной региональной политики. Исключение составляет только Республика Саха (Якутия), последовательно развивающая институты инновационной инфраструктуры в регионе. Расширяется присутствие институтов развития федерального уровня в Приморском крае. Результаты проведенного анализа могут послужить основанием для принятия органами государственной власти в макрорегионе мер по формированию и развитию институтов инновационной инфраструктуры, что, в свою очередь, может стать важным фактором улучшения социально-экономической ситуации в Дальневосточном федеральном округе РФ.*

Ключевые слова: *инновационная инфраструктура, региональная инновационная система, материально-технические и финансовые услуги, Дальний Восток России.*

Проблемы сбалансированности социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа РФ (далее – ДФО) в значительной степени связаны с его технологическим отставанием, неразвитостью инновационного сектора производства, что приводит к сокращению рабочих мест в высокотехнологичных отраслях и оказывает негативное влияние на параметры социально-демографического воспроизводства [Ефременко, 2019].

ДФО существенно отстает от среднероссийских показателей динамики модернизации и инновационного развития экономики. За период с 2006 по 2017гг. доля инновационных товаров, выполненных работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, произведенных в РФ, увеличилась с 4,7% до 7,2%[1]. В ДФО этот показатель изменился с 1,8% до 3,4% и не достиг среднероссийского уровня более, чем десятилетней давности. Инноваци-

[1] *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf*

Владимир Филиппович Ефременко – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: vladfilef@yandex.ru*

Сергей Михайлович Бахарев – зам. директора по развитию федеральных и региональных инструментов поддержки инновационной деятельности, АНО «Дальневосточное агентство содействия инновациям» (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Дзержинского, д. 52). *E-mail: bakharev@dasi27.ru*

онная активность организаций (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, маркетинговые и организационные инновации, в общем числе обследованных организаций) в 2017 г. составила 8,5%, из них 7,5% организаций осуществляли технологические инновации. В ДФО инновационная активность организаций составила 6,4%, из них организации, осуществлявшие технологические инновации – 5,5%[2].

Затраты на технологические инновации за период 2010 – 2017 гг. выросли в среднем по РФ в 3,5 раза, тогда как по ДФО в 2,4 раза. Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию, в общем объеме инвестиций в основной капитал в ДФО устойчиво ниже, чем в среднем по РФ: 10,6% в 2017г. в ДФО против 16,3% в среднем по РФ. В свою очередь, в этих суммах доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства составляет 22,4% и 29,2% соответственно[3].

Уровень технологического и инновационного развития отраслей экономики в ДФО характеризуется перманентным отставанием от среднероссийских показателей. И этот разрыв не сокращается, а имеет тенденцию к росту.

Важную роль в достижении более высокого уровня инновационного развития играет инновационная инфраструктура, предоставляющая различного рода услуги по обеспечению инновационных процессов и создающая необходимые условия, предпосылки и возможности инновационного производства и воспроизводства.

Инфраструктура включает в себя предприятия различной отраслевой принадлежности (энергетика, транспорт, связь и т. д.), которые непосредственно обеспечивают основные производственные процессы. Они не производят продукцию, а занимаются предоставлением различного рода услуг. В то же время инфраструктура играет определяющую роль в создании общих предпосылок воспроизводственного процесса. «Представляя собой комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур или объектов, составляющих и обеспечивающих основу функционирования системы производства товаров и услуг, инфраструктура, будучи созданной искусственно, сама превращается в фактор дальнейшего развития производительных сил, как это происходит вдоль линий транспортных магистралей или в районах концентрации, обработки и дальнейшего продвижения материальных, денежных, информационных и других потоков» [Ефременко, 2015].

Инновационная инфраструктура «представляет собой специфический комплекс, являющийся совокупностью взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга систем и соответствующих им организационных элементов, имеющих многоуровневое построение (макро-, мезо- и микроуровни) и охватывающих весь цикл осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности» [Инновационный..., 2013. С. 226]. В состав комплекса инновационной инфраструктуры, по определению К.И. Плетнева, входят подсистемы: финансово-экономического обеспечения; информационного обеспечения; экспертного обеспечения; производственно-технологической поддержки освоения новой наукоемкой продукции; продвижения в жизнедеятельность общества новых разработок и наукоемкой продукции; сертификации новой наукоемкой продукции; координации и регулирования развития научной, научно-технической и инновационной деятельности; подготовки и переподготовки кадров для научной, научно-технической и инновационной деятельности [Инновационный...,2013. С. 227].

Функционирование значительной части перечисленных подсистем организуется и финансируется государством в рамках обеспечения деятельности Национальной инновационной системы (далее – НИС) и Региональных инновационных систем (далее – РИС), где под инноваци-

[2] *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Р32 Стат. сб. Росстат. М., 2018. 1162 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.*

[3] *Технологическое развитие отраслей экономики. Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/*

онной инфраструктурой подразумевается «… совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг»[4]. Инновационная инфраструктура является главным связующим элементом региональной инновационной системы, обеспечивающим сохранение и самовоспроизводство РИС [Ефременко, 2015].

Применительно к региональному уровню, перед правительствами соответствующих территориальных образований, ориентированными на формирование работоспособных РИС, в первую очередь, возникают две инфраструктурных проблемы, требующие своего разрешения. Их сформулировал основатель концепции РИС Ф. Кук: «Первая инфраструктурная проблема касается того, какова степень региональной финансовой компетенции» [Кук, 2012. С. 249]. Возможности местного рынка капитала удовлетворять потребности возникающих и растущих инновационных компаний в привлечении рисковых инвестиций является чрезвычайно важным условием обеспечения инновационной деятельности на региональном уровне. Обеспечение «капитала близости» очень важно, так как открытое общение между кредитором и заемщиком рассматривается как важная характеристика снижения рисков финансирования.

«Вторая инфраструктурная проблема», – по мнению Ф. Кука, – «касается компетенции региональных властей в сфере контроля или влияния на инвестиции в физическую инфраструктуру, например, транспорт и телекоммуникации, и в «мягкую» инфраструктуру знаний, например, университеты, научные институты, парки науки и центры передачи технологий» [Кук, 2012. С. 250]. Научные и технологические парки, возводимые при непосредственном участии региональных правительств, выполняют функции производственно-технологической, консалтинговой, маркетинговой поддержки инновационных компаний.

Анализ инновационной инфраструктуры регионов ДФО, проведенный нами в 2015 г. [Ефременко, 2015], показал фрагментарный и несистемный характер, за исключением Республики Саха (Якутия), представленных в дальневосточных субъектах Федерации институтов технологической и финансовой инфраструктуры. Большая часть услуг по поддержке инноваций оказывалась структурными подразделениями вузов, и услуги эти были преимущественно консалтинговыми.

За прошедший период времени до начала 2019 г., в дополнение к РИС Республики Саха (Якутия), получила серьезное развитие РИС Приморского края, как это видно из таблицы 1, где представлены организации, оказывающие материально-технические, консалтинговые и финансовые услуги в регионах ДФО.

Абсолютное большинство институтов, оказывающих услуги инновационной инфраструктуры, созданы при образовательных организациях высшего образования (далее – вуз). В первую очередь к ним относятся материально-технические услуги по проведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, консалтинговые услуги по подготовке и продвижению инновационных проектов. Реже – услуги по льготной аренде помещений (бизнес-инкубаторов и технопарков), привлечению финансирования.

В то же время в макрорегионе представлены и институты инновационной инфраструктуры специально созданные органами региональной власти: ГАУ «Технопарк «Якутия»; ГБУ «Бизнес-инкубатор Республики Саха (Якутия)»; ОАО «Венчурная компания «Якутия»; АНО «Дальневосточное агентство содействия инновациям». Кроме того, федеральными институтами развития созданы региональные представительства, расположенные во Владивостоке: «Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий» и «Дальневосточное представительство Фонда «Сколково».

[4] *О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 23 августа 1996 года, № 127-ФЗ (в ред. от 21.07.2011 N 254-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».*

Таблица 1

Организации, оказывающие материально-технические, консалтинговые и финансовые услуги инновационной инфраструктуры в ДФО, (по состоянию на начало 2019 г.)[5]

Наименование организации	Виды услуг	Электронный адрес
Республика Саха (Якутия)		
ГАУ «Технопарк «Якутия»	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	http://www.tpykt.ru
ГБУ «Бизнес-инкубатор Республики Саха (Якутия)»	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	http://incubator.b14.ru
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» (Арктический инновационный центр: Центр интеллектуальной собственности, Центр маркетинга инноваций и управления проектами, Центр коллективного пользования, Сектор юридического сопровождения инновационной деятельности, студенческий бизнес-инкубатор «OREH»)	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	https://www.s-vfu.ru
ОАО «Венчурная компания «Якутия»	Прямые и венчурные инвестиции	http://yakutiaventure.ru
Камчатский край		
ФГБОУ ВО «Камчатский государственный технический университет»	Консалтинг	http://kamchatgtu.ru
ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»	Консалтинг	сайт в разработке
Агентство инвестиций и предпринимательства Камчатского края	Финансовые услуги	https://aginvest.kamgov.ru
Приморский край		
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (Центр коллективного пользования, Технопарк «Русский», Акселератор, Кластер технологического предпринимательства, в том числе Центр проектной деятельности, Бизнес Инкубатора «Terra Creativa», Фонд ДВФУ, Фонд поддержки технологического предпринимательства ДВФУ)	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг, финансовые услуги	https://www.dvfu.ru
ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» (Инновационный бизнес-инкубатор, Fab-lab)	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	http://vvsu.ru
ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского»	Материально-технические, консалтинг	http://msun.ru
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет» (Центр инновационных технологий)	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	http://dalrybvtuz.ru
Дальневосточное представительство Фонда «Сколково»	Финансовые услуги	http://sk.ru/foundation/fareast
«Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий»	Финансовые услуги	http://www.vostokventures.ru
Хабаровский край		
ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» (Технопарк, Центр коллективного пользования, Инжиниринговый центр)	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	https://knastu.ru
АНО «Комсомольский-на-Амуре краевой бизнес-инкубатор»	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	http://knakbi.ru/index.php

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»	Материально-технические, консалтинг	http://pnu.edu.ru
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (Молодежный бизнес-инкубатор)	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	https://www.dvgups.ru
АНО «Дальневосточное агентство содействия инновациям»	Консалтинг	https://www.dasi27.ru
АНО «Агентство содействия инвесторам и разработчикам»	Финансовые услуги	http://asir27.ru
Амурская область		
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный аграрный университет»	Материально-технические	http://www.dalgau.ru
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»	Материально-технические	http://www.bgpu.ru
ФГБОУ ВО «Амурская государственная медицинская академия Минздрава России»	Материально-технические, консалтинг	http://www.amursma.ru
ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет»	Материально-технические, консалтинг	https://www.amursu.ru
Магаданская область		
ФГБОУВО «Северо-Восточный государственный университет»	Материально-технические, консалтинг	http://www.svgu.ru
ФГБУН «Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило» ДВО РАН	Материально-технические, консалтинг	https://www.neisri.ru
«Магаданский региональный фонд содействия развитию предпринимательства»	Финансовые услуги	http://www.fondmagadan.ru
Сахалинская область		
ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет» (Биотехнопарк «Сахалинский», Центр поддержки технологий и инноваций)	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг	http://sakhgu.ru
ФГБУН «Институт морской геологии и геофизики ДВО РАН»	Материально-технические	http://www.imgg.ru
Специальное Конструкторское бюро средств автоматизации морских исследований ДВО РАН	Материально-технические	http://skbsami.ru
Еврейская автономная область		
«Бизнес-инкубатор ЕАО»	Материально-технические, аренда помещений, консалтинг, финансовые услуги	http://www.eao.ru/gubernator/press-sluzhba-gubernatora-soobshchaet/rezidenty-biznes-inkubatora-rasskazali-gubernatoru-o-realizatsii-investitsionnykh-proektov/
ФГБУН «Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук»	Материально-технические	http://икарп.рф
ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»	Материально-технические	http://pgusa.ru
Чукотский автономный округ		
Филиал ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный университет имени М. К. Аммосова»	Материально-технические	http://www.s-vfu.chukotka.ru
НО «Фонд развития экономики и прямых инвестиций Чукотского автономного округа»	Финансовые услуги	http://www.fond87.ru

Источник: составлено авторами.

[5] *Без Республики Бурятия и Забайкальского края, вошедших в состав ДФО в конце 2018 г.*

Комплексное развитие инновационной инфраструктуры осуществляется только в двух субъектах Российской Федерации ДФО – Приморском крае и Республике Саха (Якутия).

В Республике Саха (Якутия) основным документом, определяющим приоритеты инновационного развития региона, целесообразность создания и функционирования институтов инновационной инфраструктуры, стала Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Научно-техническое и инновационное развитие Республики Саха (Якутия) на 2012 – 2017 гг.», принятая Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12 декабря 2011 г. № 953.

В целях формирования инновационной инфраструктуры Республики Саха (Якутия) распоряжением Президента Республики Саха (Якутия) от 28 декабря 2011 г. № 998-П определено создание с 1 марта Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Технопарк «Якутия»; определен статус уполномоченного органа по реализации инновационных проектов и трансфера технологий в экономику Республики Саха (Якутия); определены функции учредителей: Государственного комитета по инновационной политике и науке – в части функций главного распорядителя бюджетных средств, Министерства имущественных и земельных отношений – в части распоряжения имуществом. Миссией создания Технопарка является создание благоприятной среды для концентрации интеллектуального капитала, способного генерировать инновации.

По состоянию на конец 2018 г. в Технопарке «Якутия» насчитывалось 110 компаний-резидентов, которые привлекли от институтов развития 72 млн руб. инвестиций, реализовали продукции на сумму 401,1 млн руб. (рост за период 2012 – 2018 гг. 742,8%), создали 80 рабочих мест, выплатили 75 млн руб. налогов и сборов.

Государственное бюджетное учреждение ГБУ «Бизнес-инкубатор Республики Саха (Якутия)» на конкурсной основе предоставляет статус резидента и право льготной аренды офисных площадей в городе Якутске и других населенных пунктах республики, а также бесплатно предоставляет: юридические и бухгалтерские услуги, посещение мастер-классов и семинаров, помощь в рекламе и продвижении бизнеса.

При ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» создан Арктический инновационный центр, в рамках которого функционируют 10 лабораторий, Центр интеллектуальной собственности, Центр маркетинга инноваций и управления проектами, Центр коллективного пользования, Сектор юридического сопровождения инновационной деятельности и студенческий бизнес-инкубатор «OREH». При вузе функционируют 23 малых инновационных предприятия.

ОАО «Венчурная компания «Якутия» было создано в соответствии с Распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) от 5 октября 2011 г. № 1044-р для целей реализации государственной политики по развитию инновационной инфраструктуры, формирования отрасли венчурного финансирования инновационных проектов и содействия коммерциализации научных разработок. ВК «Якутия» стала первым в ДФО фондом с участием государственного капитала, осуществляющим венчурное финансирование инновационных проектов. Уставный капитал ОАО «Венчурная компания «Якутия» составляет 200 млн руб., акционерами компании являются: Республика Саха (Якутия) – 50,1% и ОАО «Республиканская инвестиционная компания» – 49,9%. В соответствии с одобренной в 2012 г. Инвестиционной стратегией Республики Саха (Якутия), ОАО «Венчурная компания «Якутия» является институтом развития, который обеспечит финансирование производств, необходимых экономике, и механизмом привлечения инвестиций в республику.

По состоянию на 1 апреля 2013 г. в ОАО «Венчурная компания «Якутия» на предварительное рассмотрение поступило более 200 предложений от организаций и физических лиц о финансировании проектов, из них приняты в дальнейшую работу 56 заявок на общую сумму 4,76 млрд руб., в т. ч. за счёт средств компании 1,25 млрд руб. Объемы инвестиций компании

в проекты, прошедшие отбор, составили: в 2015 г. 194 млн руб.; в 2016 г. 176 млн руб.; в 2017 г. 163 млн руб.

В Приморском крае услуги инновационной инфраструктуры предоставляют: ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского», ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет».

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (далее – ДВФУ) в своей структуре имеет Объединенный центр коллективного пользования ДВФУ (далее – ЦКП ДВФУ), организованный на базе трех центров коллективного пользования ДВФУ, созданных в рамках поддержки и развития центров коллективного пользования научным оборудованием по федеральным целевым программам «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007 – 2013 гг.» и «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014 – 2020 гг.». Помимо трех центров коллективного пользования ДВФУ в состав объединенного ЦКП ДВФУ входят научные лаборатории и кафедры ДВФУ, оснащенные современным высокотехнологическим оборудованием.

Объединенный ЦКП ДВФУ представляет собой специализированный центр, обеспечивающий инфраструктурную поддержку в сфере приоритетных фундаментальных и поисковых научных исследований, а также поддержку высокотехнологичных секторов экономики посредством реализации исследовательских программ и проектов.

Центр проектной деятельности – подразделение Дирекции технологического предпринимательства в структуре проректора по развитию ДВФУ, обеспечивающее студентов всех специальностей, как бакалавров, так и магистров, инженерными проектами, инициированными внешними или внутренними заказчиками, имеющими научно-прикладную ценность и перспективу коммерциализации.

Фонд поддержки технологического предпринимательства ДВФУ является унитарной некоммерческой организацией, учрежденной Дальневосточным федеральным университетом, в том числе с целью создания и управления Технопарком. Фонд поддержки технологического предпринимательства ДВФУ привлекает финансирование в перспективные проекты, что позволяет поддерживать стартапы и развивать молодежное предпринимательство на Дальнем Востоке.

Технопарк «Русский» создан для формирования на острове Русский экосистемы технологического предпринимательства для инновационного развития Приморского края, Дальнего Востока России и успешного экономического сотрудничества со странами АТР в сфере высоких технологий. Технопарк – это управляемый фондом комплекс объектов, зданий, строений, сооружений, помещений и оборудования коммунальной, транспортной и технологической инфраструктуры, обеспечивающий полный цикл услуг по размещению и развитию резидентов технопарка «Русский», в том числе за счет интеграции с инновационной, научной и материальной базой ДВФУ. В технопарке зарегистрированы 41 компания – резидент.

Акселератор технопарка «Русский» - интенсивная 3-х месячная программа по ускоренному развитию технологических компаний, включающая в себя образовательную, маркетинговую и юридическую поддержку, консультации с лучшими экспертам рынка, индивидуальных наставников, а также работу с другими успешными командами.

Фонд ДВФУ учреждён Дальневосточным федеральным университетом в 2011 г. с целью привлечения долгосрочных вкладов и пожертвований от частных лиц и корпораций для формирования целевых капиталов университета. Фонд осуществляет свою деятельность в соответствии с Федеральным законом № 275-ФЗ от 30.12.2006 г. «О порядке формирования и использования целевых капиталов некоммерческих организаций». Фонд создает целевые капиталы за счет

пожертвований и передает эти средства Управляющей компании в доверительное управление с целью получения дохода, который впоследствии ежегодно передается Университету и направляется на реализацию его программ и проектов, согласованных с благотворителями.

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» в своей структуре имеет Инновационный бизнес-инкубатор – это открытая инфраструктурно-консультационная площадка для развития молодежного предпринимательства в регионе, создающая благоприятные условия для возникновения эффективной деятельности малых инновационных фирм, реализующих оригинальные научно-технические идеи. В инкубаторе размещены 13 компаний – резидентов.

Цифровая лаборатория 3D-моделирования и прототипирования – ФабЛаб, предоставляющая доступ к самым современным инструментам цифрового производства для творчества и изобретения, с возможностью реализации от идеи до готового продукта. ФабЛаб ВГУЭС первая подобная площадка в Приморском крае, оснащенная высокотехнологичным оборудованием и специализированным программным обеспечением для цифрового производства, позволяющим быстро и в рамках одной лаборатории реализовывать изобретательские идеи.

На данный момент во ВГУЭС зарегистрировано 16 малых инновационных предприятий различных направлений деятельности, созданных в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 02.08.2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности».

Инновационная инфраструктура ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского» представлена научно-образовательным технологическим центром судостроения и судоремонта, научно-техническим информационным центром, научно-инновационным комплексом «Морской технопарк», включающим лабораторию морской робототехники, учебно-научную испытательную лабораторию химмотологии и центр образовательных и научных проектов.

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет» в своей структуре имеет производственно-инновационные подразделения: Учебно-производственный технологический центр и Научно-производственный департамент марикультуры; научные лаборатории и центры (в том числе Центр инноваций и трансфера технологий в рыболовстве), малые инновационные предприятия – ООО «Дальрыбвтуз-Невод» и ООО «Аквариф».

С 2015 г. на территории ДФО начало свою деятельность Дальневосточное представительство Фонда «Сколково». Грантовая поддержка оказывается юридическим лицам, и после того как получен статус резидента «Сколково», резидентам предоставляются налоговые льготы, льготы по уплате страховых взносов и таможенных платежей. В настоящее время, по данным опубликованным на сайте Дальневосточного представительства, статус резидент «Сколково» имеют 27 компаний, почти половину которых представляют Приморский край, 15% Хабаровский край, 13% Республику Саха (Якутия), 10% Амурскую область, 8% Сахалинскую область, 3% Магаданскую область, 2% Камчатский край. Объем инвестиций в компании-резиденты составил 26,8 млн руб., объем реализации продукции – 201,8 млн руб., в компаниях создано 202 рабочих места.

Представительство Фонда содействия инновациям на территории Приморского края открыто при ДВФУ. Программы Фонда содействия позволяют привлекать денежные средства в форме гранта от 500 тыс. руб. до 25,0 млн руб.

ЗАО «Тихоокеанская Управляющая Компания» является Венчурным партнером ООО «ФПИ РВК». Фонд посевных инвестиций РВК предоставляет не более 75% объёма инвестиционной потребности инновационной компании на первом раунде инвестирования и в сумме, не

превышающей 25 млн руб. ЗАО «Тихоокеанская Управляющая Компания» имеет одну портфельную компанию.

В 2018 г. в форме инвестиционного товарищества во Владивостоке зарегистрирован «Дальневосточный фонд развития и внедрения высоких технологий» под управлением ООО «УК Дальневосточный фонд высоких технологий». Инвестиционный фокус Фонда - инвестиции в российские растущие компании, развивающие актуальные и перспективные технологии, продукты и услуги, в том числе проекты Национальной технологической инициативы (НТИ), проекты с нано-составляющей, прочие высокотехнологичные проекты. Отраслевой фокус не ограничен.

Организации, осуществляющие функции инфраструктурной поддержки инновационной деятельности представлены во всех субъектах Федерации ДФО, как это представлено в табл.1. Но только в двух регионах они носят системный комплексный характер. В Республике Саха (Якутия) эти институты создаются преимущественно по инициативе органов государственной региональной власти в соответствии с проводимой политикой поддержки инновационной деятельности. В Приморском крае центром сосредоточения услуг инновационной инфраструктуры становится Дальневосточный федеральный университет, здесь же открываются представительства (филиалы) федеральных институтов развития: Фонда «Сколково», ОАО «РВК» и др.

Результаты анализа позволяют предположить необходимость проведения и в других регионах ДФО более активной инновационной политики региональными органами государственной власти. Кроме того, при разработке Национальной программы развития Дальнего Востока необходимо, по нашему мнению, предусмотреть специальные меры по созданию институтов инновационной инфраструктуры в макрорегионе и формированию РИС в регионах, располагающих для этого необходимым потенциалом.

Список литературы:

1. Ефременко В. Ф. Региональная инновационная система, как инструмент опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России // ЭКО. 2019. № 2. С. 56–73.

2. Ефременко В. Ф. Инновационная инфраструктура Дальнего Востока России, как основной элемент формирования Региональной инновационной системы // Власть и управление на Востоке России. 2015, № 4. С. 38–44.

3. Инновационный тип развития экономики: учебник / под общ. ред. А. Н. Фоломьёва. М.: Экономика. 2013. 562 с.

4. Ефременко В. Ф. Системный подход к оценке инновационного потенциала региона // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 3. С. 8–13.

5. Кук, Ф. Региональные инновационные системы, кластеры и экономика знаний // Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Смоленск: Ойкумена, 2012. С. 237–264.

Библиографическое описание статьи

Ефременко В. Ф., Бахарев С. М. Динамика развития инновационной инфраструктуры в региональных инновационных системах Дальневосточного федерального округа Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 41–50. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-41-50

Vladimir F. Efremenko – Candidate of Economics, Associate Professor of the chair of management and the entrepreneur right, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: vladfilef@yandex.ru*

Sergey M. Bakharev – Deputy Director for development of federal and regional instruments of innovation activities support ANO «The Far-Eastern Agency of Innovation Promotion» (52, Str. Dzerzhinskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: bakharev@dasi27.ru*

Dynamics of development of innovative infrastructure in the regional innovative systems of the Far-Eastern federal district of the Russian Federation

Social and economic problems of the Far East of Russia are in many respects caused by its technological lag, low level of innovative development. The determining role in formation of innovative economy belongs to the institutes of innovative infrastructure which are the basic element of the regional innovative systems. Among them most important are technological and financial infrastructure. The analysis of dynamics of development of these institutes in the Far-Eastern macro-region shows that their formation happens to big lateness, and transition to an innovative type of reproduction isn't a priority of the pursued state regional policy. The exception is made only by the Sakha (Yakutia) Republic which is consistently developing institutes of innovative infrastructure in the region. Presence of the institutes of development of federal level in the Primorsk territory extends. Results of the carried-out analysis can form the basis for acceptance by the public authorities in the macro-region of measures for formation and development of institutes of innovative infrastructure that, in turn, can become an important factor of improvement of a social and economic situation in the Far-Eastern federal district of the Russian Federation.

Keywords: *innovative infrastructure, regional innovative system, material and financial services, the Far East of Russia.*

References:

1. Efremenko V. F. Regional innovation system as a tool for advancing the socio-economic development of the Russian Far East *EKO* [EKO], 2019, no. 2, pp. 56–73. (In Russian).

2. Efremenko V. F. Innovative Infrastructure of the Far East of Russia, as the main element of the formation of the Regional Innovation System *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2015, no. 4, pp. 38–44. (In Russian).

3. Innovative type of economic development: a textbook / under total. ed. A. N. Folomiev. M .: Economy, 2013, 562 p. (In Russian).

4. Efremenko V. F. A systematic approach to assessing the innovative potential of a region *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2015, no. 3, pp. 8–13. (In Russian).

5. Cook, F. Regional Innovation Systems, Clusters and the Knowledge Economy *Sinergiya prostranstva: regional'nyye innovatsionnyye sistemy, klastery i peretoki znaniya* [Space Synergy: Regional Innovation Systems, Clusters and Knowledge Flows]. Smolensk: Oykumena, 2012, pp. 237–264. (In Russian).

Reference to the article

Efremenko V. F., Bakharev S. M. Dynamics of development of innovative infrastructure in the regional innovative systems of the Far-Eastern federal district of the Russian Federation // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 41–50. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-41-50

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-51-59
УДК 346.544

Н. В. Медведева

Антимонопольный комплаенс в системе развития конкуренции

Статья посвящена актуальным вопросам становления антимонопольного комплаенса в органах исполнительной власти в соответствии с требованиями законодательства о развитии конкуренции. Научная проблематика настоящего исследования обусловлена началом функционирования антимонопольного комплаенса как нового для отечественной практики инструмента управления. Обоснована значимость антимонопольного комплаенса как приоритетного направления в системе развития конкуренции, через его способность выступать в качестве способа предупреждения недопущения и ограничения конкуренции органами исполнительной власти. Определено, что антимонопольный комплаенс является современным инструментом управления комплаенс-рисками, превентивной мерой возникновения ситуаций комплаенс-рисков и механизмом их минимизации для целей предупреждения нарушений антимонопольного законодательства. Автор анализирует и сравнивает подходы к организации антимонопольного комплаенса в органах исполнительной власти, что обеспечит поиск лучшей практики с учетом результатов его функционирования.

Ключевые слова: *развитие конкуренции, нарушение требований антимонопольного законодательства, антимонопольный комплаенс, комплаенс-риски.*

Введение. Актуальность темы настоящего исследования. Приоритетным направлением развития конкуренции на современном этапе выступает создание и организация системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности органов исполнительной власти (антимонопольного комплаенса). Антимонопольный комплаенс позиционируется как способ предупреждения нарушений антимонопольного законодательства и развития конкуренции. Становление антимонопольного комплаенса в органах исполнительной власти обусловливает актуальность темы исследования.

Цель исследования заключается в определении места антимонопольного комплаенса в системе развития конкуренции.

Определены задачи исследования: динамика внедрения антимонопольного комплаенса в практическую деятельность; правовая и методологическая формализация антимонопольного комплаенса; сравнительный анализ становления антимонопольного комплаенса в органах исполнительной власти.

Комплаенс известен как функция проверки на соответствие установленным правилам и нормам, как система контроля и управления рисками несоответствия, как система предупреждения от возможных нарушений и наступления неблагоприятных последствий в результате применения мер ответственности. Методология комплаенса выступает альтернативой росту регуляторных норм (меньше нарушений – меньше правил для их пресечения).

Внедрение института внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольного комплаенса) имеет историю своего вопроса. Первоначаль-

Надежда Васильевна Медведева – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail:. medvedeva08@list.ru*

но идея обязательного комплаенса разрабатывалась для бизнеса[1]. Антимонопольный комплаенс позиционировался как система предупреждения нарушений антимонопольного законодательства, которая предполагает выстраивание внутри организации определенной культуры поведения на рынке. Определяющим в антимонопольном комплаенсе выступает имманентно присущая ему прогностическая оценка негативных последствий принятия решений, он выполняет роль механизма легальной минимизации рисков. Вместе с тем законодательно закрепленный характер предпринимательской деятельности как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли, может приоритизировать стремление к максимальной прибыли альтернативе неполного учета потенциальных рисков возможных нарушений антимонопольного законодательства. Санкции в результате применения мер ответственности представляют существенную угрозу для экономического благополучия, поэтому задача предупреждения возможных нарушений и минимизации рисков нарушения антимонопольного законодательства является приоритетной повесткой дня как бизнеса, так и регулятора. Зарубежный опыт показывает, что повысить привлекательность комплаенса могут нормы, направленные на снижение размера имущественной ответственности в случае выявления антимонопольного правонарушения [Белицкая, Вайпан, Городов и др., 2018]. Данный подход имплементирован в российскую практику рассмотрения дел об антиконкурентных соглашениях. Понимание нерациональности императивного подхода к внедрению культуры комплаенса в сфере бизнеса, отсутствие в ряде случаев необходимости внедрения комплаенса, заменяется альтернативой самостоятельного формирования бизнесом проконкурентных практик.

Напротив, формализована обязанность введения антимонопольного комплаенса в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Базировалось данное решение, в том числе на факте совершения почти половины нарушений антимонопольного законодательства органами государственной власти и органами местного самоуправления. Определяющим фактором в совершении нарушений антимонопольного законодательства является ситуация, когда управляющее воздействие, направленное на решение одной проблемы, непреднамеренно создает другую проблему, проблему ограничения конкуренции. Правовая культура принятия государственных решений, как основополагающий элемент теории принятия решений, в условиях масштабных задач развития конкуренции должна преломляться через учет влияния на конкуренцию.

Актуализация подходов к созданию и внедрению системы антимонопольного комплаенса обусловлена методологически обоснованными принципами и методами государственной политики по развитию конкуренции, реализуемой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»[2].

К числу основополагающих принципов государственной политики по развитию конкуренции относятся:

- ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления за реализацию государственной политики по развитию конкуренции. Основополагающее значение данного принципа заключается в обеспечении целей укрепления национальной экономики, дальнейшего развития конкуренции и недопущения монополистической деятельности, состоящей в провозглашении активного содействия развития конкуренции в Российской Федерации приоритетным направлением

[1] *Практическое пособие ICC по антимонопольному комплаенсу. Copyright. 2013. С. 14 / Международная торговая палата (ICC). URL: https://iccwbo.org/publication/icc-antitrust-compliance-toolkit-russian/*

[1] *Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018 – 2020 годы») : указ Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 // Собр. законодательства РФ. 2017. № 52 (часть I). Ст. 8111.*

деятельности органов публичной власти всех уровней;

- внедрение риск-ориентированного подхода в деятельности органов государственного контроля (надзора). Методологическое преимущество риск-ориентированного подхода заключено в коррелирующих с ним основополагающих принципах осуществления деятельности федеральных органов исполнительной власти – запретах, направленных на недопущение, устранение конкуренции.

В числе ключевых показателей, на достижение которых направлены мероприятия Национального плана развития конкуренции в Российской Федерации на 2018 – 2020 гг., утвержденного Указом Президента РФ № 618, предусмотрено снижение количества нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления к 2020 году не менее, чем в 2 раза по сравнению с 2017 г. Для достижения цели по снижению количества нарушений антимонопольного законодательства Правительству Российской Федерации и высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации были поставлены задачи в срок до 1 марта 2019 г. принять меры, направленные на создание и организацию системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации соответственно (далее – органы власти).

Системой внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства выступает организация внутреннего контроля за соответствием деятельности органа власти требованиям антимонопольного законодательства, основанная на риск-ориентированном подходе.

Соответствие установленным правилам и нормам (стандартам) (комплаенс) является направлением профессиональной деятельности за рубежом и лучшей практикой для имплементации в российскую практику антимонопольного регулирования[3].

Надлежащей формой создания и организации системы антимонопольного компленса является ее правовая форма, что получило закрепление в задаче по обеспечению Правительством Российской Федерации до 1 января 2019 г. внесение в установленном порядке в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов, предусматривающих в том числе правовое регулирование системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства.

Поставленная задача решена в части методологического обоснования антимонопольного комплаенса – распоряжением Правительства Российской Федерации от 18.10.2018 г. № 2258-р[4] утверждены методические рекомендации по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (далее – методические рекомендации по созданию и организации антимонопольного комплаенса; методические рекомендации).

Проект методических рекомендаций по организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольного комплаенса) был разработан Федеральной антимонопольной службой России для федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Утверждены методические рекомендации по созданию и организации системы внутреннего

---

[3] *Антимонопольный комплаенс: текущая практика и перспективы развития : аналитический доклад Управления по конкурентной политике Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. 2015. С. 18. URL: // http://ac.gov.ru/files/publication/a/7838.pdf*[4]

[4] *Об утверждении методических рекомендаций по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства : распоряжение Правительства РФ от 18 октября 2018 г. № 2258-р // Собр. законодательства РФ. 2018. № 44. Ст. 6777.*

обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в деятельности федеральных органов исполнительной власти (далее – орган власти). Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендовано при создании и организации антимонопольного комплаенса руководствоваться указанными методическими рекомендациями.

Методические рекомендации разработаны в целях формирования единого подхода к созданию и организации органами власти антимонопольного комплаенса. Анализ структуры и содержания методических рекомендаций позволяет рассматривать их как стандарт антимонопольного комплаенса (далее – стандарт антимонольного комплаенса).

Стандарт антимонопольного комплаенса представляет собой минимальный набор требований, реализация которых будет содействовать снижению количества нарушений антимонопольного законодательства при осуществлении деятельности органами власти. Этот документ закрепляет комплекс мер, направленных на внедрение превентивных мер и создание системы оперативного реагирования на ситуации рисков нарушений антимонопольного законодательства.

Стандарт антимонопольного комплаенса определяет необходимые элементы системы антимонопольного комплаенса:

- принятие акта об антимонопольном комплаенсе;

- определение уполномоченного подразделения (назначение должностного лица), ответственного за функционирование антимонопольного комплаенса, образование коллегиального органа, осуществляющего оценку эффективности функционирования антимонопольного комплаенса;

- порядок выявления, оценки и снижения рисков нарушения антимонопольного законодательства (комплаенс-рисков);

- порядок осуществления контроля за функционированием антимонопольного комплаенса;

- установление ключевых показателей и порядок оценки эффективности функционирования антимонопольного комплаенса;

- подготовка доклада об антимонопольном комплаенсе.

Системообразующим элементом антимонопольного комплаенса является локальный нормативный акт органа власти об антимонопольном комплаенсе, устанавливающий организационно-функциональную структуру системы антимонопольного комплаенса. Стандартом антимонопольного комплаенса разграничена компетенция руководителя органа власти, уполномоченного подразделения (должностного лица), коллегиального органа в функционировании антимонопольного комплаенса. Определена необходимость ознакомления служащих органа власти с актом об организации антимонопольного комплаенса и обязательность его размещения на официальном сайте органа власти.

В стандарт антимонопольного комплаенса имплементирован метод создания эффективной системы антимонопольного комплаенса, основанный на оценке рисков (метод комплаенс-рисков). Метод комплаенс-рисков определяет функциональное содержание антимонопольного комплаенса и включает в себя ряд последовательных этапов, которые коррелируют с задачами и принципами антимонопольного комплаенса в части выявления и управления рисками нарушения антимонопольного законодательства, оценки рисков и разработки мероприятий по их снижению.

Функция уполномоченного подразделения (должностного лица) органа власти по применению метода комплаенс-рисков заключается в выявлении рисков нарушения антимонопольного законодательства, учете обстоятельств, связанных с рисками нарушения антимонопольного законодательства, определении вероятности возникновения рисков нарушения антимонопольного законодательства.

Стандартом антимонопольного комплаенса определены и детализированы проводимые на регулярной основе процедуры и действия по выявлению комплаенс-рисков, в том числе: анализ выявленных нарушений антимонопольного законодательства в деятельности органа власти, анализ нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых органа власти, мониторинг

и анализ правоприменения антимонопольного законодательства, оценка эффективности мероприятий по снижению комплаенс-рисков.

Выявленные комплаенс-риски распределяются по рекомендуемым уровням рисков, отражаются в карте комплаенс-рисков в порядке убывания уровня риска и подлежат оценке путем их идентификации, анализа и сравнительной оценки и описанию с включением оценки причин и условий их возникновения.

Обязательным этапом применения метода комплаенс-рисков выступает ежегодная разработка плана мероприятий по их снижению, включающего перечень мероприятий, необходимых для устранения выявленных рисков с описанием действий, направленных на исполнение мероприятий, последовательность и сроки их исполнения, лиц, ответственных за исполнение мероприятий, иные сведения и подлежащего последующему мониторингу. Мероприятия по снижению комплаенс-рисков рассматриваются в качестве мер, необходимых для устранения причин и условий недопущения, ограничения и устранения конкуренции.

Систематичность проведения оценки эффективности функционирования антимонопольного комплаенса обеспечивается установлением и оценкой достижения ключевых показателей, которые определяются для уполномоченного подразделения (должностного лица) и органа власти в целом.

Методика расчета ключевых показателей эффективности функционирования антимонопольного комплаенса разработана федеральным антимонопольным органом.[5] Ключевые показатели эффективности функционирования антимонопольного комплаенса (далее – КПЭ) для органа власти в целом соответствуют процедурам и действиям по выявлению комплаенс-рисков, в том числе: коэффициент снижения количества нарушений антимонопольного законодательства со стороны органа власти, доля нормативных правовых актов и доля проектов нормативных правовых актов органа власти, в которых выявлены комплаенс-риски. Для уполномоченного подразделения (должностного лица) КПЭ рассчитывается в виде доли сотрудников органа власти, в отношении которых были проведены обучающие мероприятия по антимонопольному законодательству и антимонопольному комплаенсу. Оценка значений КПЭ основана на их взаимосвязи с соответствующими показателями и мероприятиями Национального плана развития конкуренции в Российской Федерации на 2018 – 2020 гг. и методических рекомендации по созданию и организации антимонопольного комплаенса, что обеспечивает понимание об эффективности функционирования антимонопольного комплаенса.

Завершающим этапом годового цикла функционирования антимонопольного комплаенса является подготовка доклада об антимонопольном комплаенсе, который содержит информацию о результатах оценки комплаенс-рисков, об исполнении мероприятий по снижению комплаенс-рисков и о достижении КПЭ. Информация о мерах по организации и функционированию антимонопольного комплаенса в органах власти, содержащаяся в докладах об антимонопольном комплаенсе, направляется в федеральный антимонопольный орган и подлежит включению в доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации.

Анализ практики организации антимонопольного комплаенса в федеральных органах исполнительной власти, органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации позволяет выявить как следование общим методологическим подходам к внедрению системы антимонопольного комплаенса, так и отличительные особенности, обусловленные, в первую очередь, характером деятельности органов власти. Последнее в сравнительной оценке способствует выявлению лучшей практики в освоении антимонопольного комплаенса как нового инструмента развития конкуренции.

---

[5] *Об утверждении методики расчета ключевых показателей эффективности функционирования в федеральном органе исполнительной власти антимонопольного комплаенса : приказ Федеральной антимопольной службы от 5 февраля 2019 г. № 133/19 // https://fas.gov.ru/documents/133-19*

Так, функции уполномоченного подразделения, ответственного за функционирование антимонопольного комплаенса, возлагаются на структурное подразделение (структурные подразделения) федерального органа исполнительной власти (ФАС России – правовое управление, управление государственной службы, контрольно-финансовое управление[6]; ФНС России – управление контроля налоговых органов, управление кадров, структурные подразделения центрального аппарата в рамках установленной компетенции[7]; Минприроды России – отдел внутреннего финансового аудита[8]; Минстрой России – административно- кадровый департамент[9]; др.). Аналогичная ситуация в органах исполнительной власти субъектов (Министерство промышленности и транспорта Хабаровского края – юридическая служба[10]; Министерство социальной защиты населения Хабаровского края – отдел правового обеспечения управления правовой, кадровой и организационной работы[11]; Министерство промышленности, торговли и развития предпринимательства Новосибирской области – управление экономики и финансов, отдел организационной и кадровой работы[12]). Должностное лицо, осуществляющее деятельность по организации и обеспечению функционирования антимонопольного комплаенса назначено в Государственной жилищной инспекции города Москвы – заместитель начальника Государственной жилищной инспекции города Москвы[13]. Уполномоченными должностными лицами по организации и функционированию антимонопольного комплаенса назначены в Министерстве здравоохранения Камчатского края – референт отдела организационно-кадровой работы и наград, консультант отдела экономики здравоохранения, обязательного медицинского обеспечения, главный специалист-эксперт отдела по развитию здравоохранения и государственных закупок[14].

Функции коллегиального органа, осуществляющего оценку эффективности функционирования антимонопольного

---

[6] *О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в ФАС России (антимонопольном комплаенсе) : приказ ФАС России от 27 ноября 2018 г. № 1646/18 // https://fas.gov.ru/documents/670479*

[7] *Об утверждении Положения об организации в Федеральной налоговой службе и ее территориальных органах системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства : приказ ФНС России от 29 января 2019 г. № ММВ-7-16/33@ // https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/docs/8356646/*

[8] *Об организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации : приказ Минприроды России от 30 ноября 2018 г. № 626 // http://www.mnr.gov.ru/#search*

[9] *Об организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации : приказ Минстроя России от 11 декабря 2018 г. № 802/пр // http://www.minstroyrf.ru/docs/17832/*

[10] *Об организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в министерстве промышленности и транспорта Хабаровского края : приказ министерства промышленности и транспорта Хабаровского края от 25 февраля 2019 № 09 // https://minpt.khabkrai.ru/Deyatelnost/Antimonopolnyj-komplaens/1179?version=normal*

[11] *Об организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольного комплаенса) в министерстве социальной защиты населения Хабаровского края : приказ министерства промышленности и транспорта Хабаровского края от 31 января 2019 г. № 11-п // https://mszn27.ru/node/52103*

[12] *Об организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в министерстве промышленности, торговли и развития предпринимательства Новосибирской области : приказ министерства промышленности, торговли и развития предпринимательства Новосибирской области от 28 января 2019 г. № 29 // http://minrpp.nso.ru/page/2832*

[13] *Об утверждении положения о системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в Государственной жилищной инспекции города Москвы : приказ Государственной жилищной инспекции города Москвы от 22 февраля 2019 г. № 20 // https://www.mos.ru/mgi/documents/normativnye-pravovye-akty/view/223759220/*

[14] *О назначении уполномоченных должностных лиц : приказ Министерства здравоохранения Камчатского края от 22 февраля 2019 г. № 111/1 // https://minzdrav.kamgov.ru/antimonopolnyj-komplaens*

комплаенса, возложены, как правило, на общественные советы при органах власти.

В целях формирования единого подхода и обеспечения мер, направленных на создание и организацию системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в Хабаровском крае утверждено Положение о создании и организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности органов исполнительной власти Хабаровского края (далее – Положение об антимонопольном комплаенсе)[15], согласно которому органы исполнительной власти Хабаровского края должны принять правовые акты об антимонопольном комплаенсе. Уточнены сроки и определены документы, составляемые на основе анализа комплаенс-рисков. Определены перечень и методика расчета ключевых показателей эффективности функционирования в органе исполнительной власти Хабаровского края антимонопольного комплаенса. В указанный перечень включены четыре КПЭ, в разрезе каждого установлены варианты кратности наличия (например, нет; 1; более 1 и т.п.) и соответствующие им баллы (от 0 до 35). Расчет значения итогового показателя производится путем суммирования баллов, по которому определяется степень эффективности (высокая, средняя, низкая эффективность и значение – неэффективно). Существенным образом детализирована матрица рисков, помимо категории уровня риска и его описания, в Положении об антимонопольном комплаенсе по каждому уровню риска предусмотрены функции и полномочия, при реализации которых возможен комплаенс-риск соответствующего уровня и указаны возможные риски нарушения антимонопольного законодательства, перечень которых не является исчерпывающим.

Иной вариант организации антимонопольного комплаенса выявлен в других субъектах Российской Федерации. Изданы акты о создании и организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности органов исполнительной власти в Новосибирской области[16], Пензенской области[17], Омской области[18]. В соответствии с данными актами должны быть приняты акты об антимонопольном комплаенсе органами исполнительной власти указанных субъектов Российской Федерации, закреплена обязанность представления ежегодного доклада об антимонопольном комплаенсе. Порядок организации и функционирования антимонопольного комплаенса, КПЭ устанавливаются указанными органами власти самостоятельно.

Так, актом об антимонопольном комплаенсе в министерстве здравоохране-

---

[15] *О создании и организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности органов исполнительной власти Хабаровского края : распоряжение Губернатора Хабаровского края от 22 февраля 2019 г. № 55-р // http://dvforum.khabkrai.ru/ListDoc.aspx?C=2*

[16] *О создании и организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности областных исполнительной органов государственной власти Новосибирской области : распоряжение Губернатора Новосибирской области от 26 декабря 2018 г. № 268-р // http://minrpp.nso.ru/page/2832*

[17] *О создании и организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности исполнительной органов государственной власти Пензенской области : распоряжение Правительства Пензенской области от 12 февраля 2019 г. № 58-рП // Официальный сайт Правительства Пензенской области http://www.pnzreg.ru, 18.02.2019*

[18] *О мерах, направленных на создание и организацию системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности органов исполнительной власти Омской области : распоряжение Губернатора Омской области от 17 января 2019 г. № 1-р // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 18.01.2019*

ния Рязанской области[19] определено, что ключевые показатели устанавливаются на основании методики расчета КПЭ функционирования антимонопольного комплаенса, разработанной федеральным антимонопольным органом.

Имеются отличия в подходах к разработке мероприятий по снижению комплаенс-рисков. В органах исполнительной власти Хабаровского края планы мероприятий («дорожные карты») разрабатываются по итогам выявления и оценки комплаенс-рисков[20]. В министерстве промышленности, торговли и развития предпринимательства Новосибирской области план мероприятий по снижению комплаенс-рисков разрабатывается в разрезе полномочий, реализация которых связана с рисками нарушения антимонопольного законодательства (ситуации риска). При этом, в разрезе каждой ситуации риска определены действия (мероприятия), направленные на минимизацию и недопущение комплаенс-рисков, срок исполнения действия (мероприятия) – в течение года и ответственное структурное подразделение.

Особенности, выявленные в ходе сравнительного анализа организации антимонопольного комплаенса в органах власти, обусловлены, прежде всего, организационной структурой и характером деятельности органов власти, а также разнообразием ситуаций комплаенс-рисков и собственно пониманием эффективности функционирования антимонопольного комплаенса. На этапе внедрения элементов антимонопольного комплаенса возможны риски организационного характера, в том числе формального подхода к организации и функционированию антимонопольного комплаенса. Практика функционирования антимонопольного комплаенса будет способствовать наращиванию результатов для поиска лучшей практики.

Заключение. Определено, что антимонопольный комплаенс является современным инструментом управления комплаенс-рисками, превентивной мерой возникновения ситуаций комплаенс-рисков и механизмом их легальной минимизации. Обосновано, что посредством функционирования антимонопольного комплаенса обеспечивается снижение нарушений требований антимонопольного законодательства и развитие конкуренции. Сравнительный анализ становления антимонопольного комплаенса в органах исполнительной власти выявил отличия в подходах к организации антимонопольного комплаенса, что обеспечит поиск лучшей практики с учетом результатов функционирования антимонопольного комплаенса.

Список литературы:

1. Акимова М. А., Белицкая А. В., Белых В.С. и др. Актуальные вопросы современного конкурентного права. Сборник научных трудов / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. Вып. 1. 288 с.

2. Белицкая А. В., Вайпан В. А., Городов О. А. и др. Актуальные вопросы современного конкурентного права. Сборник научных трудов / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. Вып. 2. 212 с.

3. Иванов Э. А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС: монография. М.: Юриспруденция, 2015. 136 с.

Reference to the article

Медведева Н.В. Антимонопольный комплаенс в системе развития конкуренции // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 51–59. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-51-59

[19] *Об организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольного комплаенса) в министерстве здравоохранения Рязанской области : приказ Министерства здравоохранения Рязанской области от 5 февраля 2019 г. № 200 // https://minzdrav.ryazangov.ru/documents/acts/normativno-pravovye-dokumenty-ministerstva/?PAGEN_1=2*

[20] *Распоряжение Губернатора Хабаровского края от 22 февраля 2019 г. № 55-р // http://dvforum.khabkrai.ru/ListDoc.aspx?C=2*

Nadezhda V. Medvedeva – Candidate of Economics, Associate professor, the public and municipal administration and the office right chair, the Far-Eastern institute of management, branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: medvedeva08@list.ru*

Antimonopoly complains in the system of development of competition

***T**he article is devoted to the topical issues of formation of antimonopoly complains in the executive authorities according to the requirements of legislation on the competition development. Scientific perspective of the real research is caused by the beginning of functioning of antimonopoly complains as an instrument of management, new to the domestic practice. The importance of antimonopoly complains as priority direction in the system of development of competition, through its ability to act as a way of prevention and restriction of competition by the executive authorities is proved. It is determined that antimonopoly complains is the modern instrument of management of complains-risks, preventive measure of emergence of the situations of complains-risks and the mechanism of their minimization for prevention of violations of the antitrust law. The author analyzes and compares approaches to the organization of antimonopoly complains in the executive authorities that will provide a search of the best practice taking into account the results of its functioning.*

Keywords: *competition development, violation of requirements of the antitrust law, antimonopoly complains, complains-risks.*

References:

1. Akimova M. A., Belitskaya A. V., Belykh V. S. and other. Actual issues of modern competition law. Collection of scientific papers / resp. ed. M. A. Egorova. M.: Yustitsinform, 2017, vol. 1, p. 288. (In Russian).

2. Belitskaya A. V., Vaipan V. A., Cities O. A. and others. Actual issues of modern competition law. Collection of scientific papers / resp. ed. M.A. Egorova. M.: Yustitsinform, 2018, vol. 2, p. 212. (In Russian).

3. Ivanov A. A. Anti-corruption compliance control in the BRICS countries: monograph. M.: Jurisprudence, 2015, p. 136. (In Russian).

Reference to the article

Medvedeva N. V. Antimonopoly complains in the system of development of competition // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 51–59. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-51-59

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-60-67
УДК 336.77

Г. В. Цветова
М. С. Матвиишин

Параметры доступности услуг ипотечного жилищного кредитования

***Р**ост цен на недвижимость приводит к постоянно увеличивающемуся разрыву между ценами на жилье и доходами граждан. Приобрести жилье в собственность по договору купли-продажи без использования заемных средств для большинства россиян не представляется возможным. Ипотечное кредитование является наиболее приемлемым способом приобретения права собственности на жилое помещение. Наличие собственного жилья вносит в жизнь людей элемент благополучия и стабильности, и очень важно, по мнению социологов, чтобы жилье появлялось как можно раньше, а не после десятилетних ожиданий. В этом отношении альтернативы ипотечному жилищному кредитованию не существует. В статье представлена систематизация подходов к оценке доступности услуг ипотечного кредитования для населения по следующим параметрам: средневзвешенная ставка по ипотеке; доля ежемесячного располагаемого дохода, который расходуется на выплаты по ипотечному жилищному кредитованию; общая сумма «переплаты» по ипотеке; размер первоначального взноса для получения ипотечного кредита; набор документов для подачи кредитной заявки и подтверждения платёжеспособности; возможность выбора способа погашения ипотечного кредита. Методологическую основу исследования составляют системный подход, функциональный и сравнительный анализ, метод экспертных оценок.*

Ключевые слова: *ипотечный жилищный кредит, услуги ипотечного жилищного кредитования, доступность услуг ипотечного жилищного кредитования, средневзвешенная ставка, первоначальный взнос, платёжеспособность заёмщика.*

В условиях экономического спада вопросы доступности ипотечных кредитов вновь приобрели свою актуальность. В связи с падением уровня жизни (по данным Росстата, начиная с 2014 года наблюдается снижение реальных располагаемых денежных доходов россиян) решение вопроса приобретения собственного жилья практически невозможно без использования ипотечного жилищного кредитования (далее – ИЖК).

Для количественной оценки доступности жилья используется коэффициент доступности жилья (далее – КДЖ), методология расчета которого содержится в Программе Организации Объединённых Наций по содействию устойчивому развитию населенных пунктов (далее – ООН-Хабитат). КДЖ рассчитывается как отношение медианной стоимости жилья к медианному размеру дохода домохозяйства за год. В России данный показатель в отличие от международной методологии рассчитывается как отношение средней рыночной стоимости стандартной квартиры общей площадью 54 м² к среднему годовому совокупному денежному доходу семьи из трех человек [Едронова, Шилов, 2008]. По мнению Е. Н. Едроновой и М. Е. Шилова, указанная методика расчета КДЖ не отражает реального уровня доступности жилья при использовании ипотечных схем, поскольку в данном случае момент

Галина Владимировна Цветова – канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и финансового права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: mgalin1008@mail.ru*

Михаил Степанович Матвиишин – аспирант, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: matviishinm@mail.ru*

получения жилья в собственность наступает гораздо раньше, чем момент полной выплаты платежей. В связи с этим понятия «доступность жилья» и «доступность ипотечных кредитов» становятся взаимосвязанными в наивысшей степени, т. е. доступность жилой недвижимости определяется доступностью ресурса ИЖК [Едронова, Шилов, 2008].

В современных научных исследованиях авторами выделяются различные факторы (параметры), влияющие на доступность ИЖК. Так, в диссертационном исследовании М. Н. Солодиловой отмечается, что доступность ИЖК снижают два взаимоисключающих фактора: недостаточный уровень доходов населения и высокая стоимость жилой недвижимости. Данная ситуация определяется в значительной степени сформировавшимся дисбалансом спроса и предложения на рынке жилья, оказывающим негативное влияние на качественное состояние ипотечного кредитования [Солодилова, 2014].

Лунина Е.Д. считает, что к факторам, определяющим доступность ИЖК, относятся: процентные ставки; размер первоначального взноса; степень развития государственной поддержки рынка ИЖК; набор инструментов и сопутствующих ИЖК услуг; механизм секьюритизации ипотечных кредитов [Лунина, 2010].

При проведении анализа регионального ипотечного рынка М. Ю. Кузнецова предлагает использовать для оценки доступности ИЖК такие критерии, как средневзвешенная ставка по кредиту; средневзвешенный срок кредита; первоначальный взнос; ежемесячный платеж по ипотечному кредиту; превышение стоимости квартиры, приобретенной с помощью ипотечного кредита, над стоимостью квартиры, приобретенной с помощью прямого финансирования («переплата» по кредиту) [Кузнецова, 2018].

По мнению Т. А. Ивановой, при оценке доступности ипотечных кредитов нужно исследовать соотношение ряда факторов: процентная ставка по ипотеке, доходы граждан, стоимость жилья, наличие государственной помощи. Получается довольно сложная модель с несколькими переменными [Иванова, 2018].

Таким образом, несмотря на то, что исследования по вопросу доступности ИЖК ведутся достаточно давно, набор параметров, с использованием которых осуществляется оценка доступности ипотечных жилищных кредитов в каждом из рассмотренных источников разный. К недостаткам рассмотренных исследований можно отнести тот факт, что авторам не всегда удается разграничить понятия «доступность жилья» и «доступность ИЖК». Хотя, как отмечалось ранее, семантически они тесно связаны между собой. Таким образом, возникает необходимость проведения комплексного исследования, содержащего анализ наиболее полного перечня параметров ИЖК.

В настоящее время жилищная ипотека является основным направлением в работе коммерческих банков по кредитованию физических лиц. К примеру, на начало 2018 года в кредитном портфеле физических лиц крупнейшего банка страны – ПАО «Сбербанк России», ипотека занимала 56,1% от совокупной величины портфеля[1].

По состоянию на начало декабря 2018 года объем предоставленных ипотечных жилищных кредитов (ИЖК) достиг максимально высокого значения за последние 3 года и составил 2 671,79 млрд руб., что на 54,3% больше аналогичного показателя 2017 г.[2]

Основным фактором, определяющим доступность ИЖК, является средневзвешенная ставка по кредитам (рис. 1).

Как видно на рисунке 1, устойчивый тренд на снижение средневзвешенной ставки по ИЖК наметился с конца 2016 г. (до этого момента снижение ставки чередовалось с ее ростом), и только за последние 2 года средневзвешенная ставка по ИЖК снизилась на 2,64%. Но стоит отметить, что это существенно не повлияло на положение России по уровню средневзвешенной ставки среди прочих стран. В тройку мировых лидеров, где средняя ставка по ипотечным жилищным кредитам составляет 1,21; 1,42 и 1,53% соот-

[1] *Сбербанк России. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person (дата обращения 15.01.2019).*

[2] *Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования URL:http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ipoteka (дата обращения 15.01.2019).*

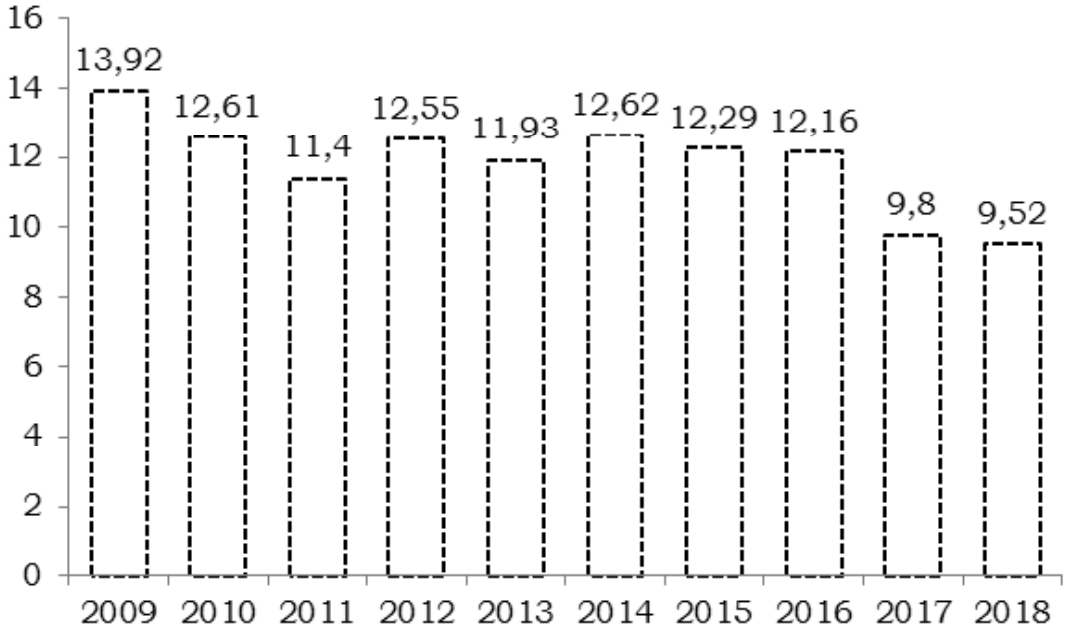

Рис. 1. Изменение средневзвешенной ставки по ИЖК за последние 10 лет (данные по состоянию на конец года), в % [Иванова, 2018]

ветственно входят Япония, Швейцария и Финляндия[3].

В России достаточно парадоксальная ситуация. Она заключается в том, что с одной стороны снижение ставки по ипотеке является одной из приоритетных задач национальной экономической политики, но, с другой стороны, в условиях достаточно стабильных цен на рынке недвижимости, спрос на ИЖК растет опережающими темпами (о чем свидетельствует рост выданных за 2017 г. кредитов почти на 60%)[4]. В этих условиях банкам просто невыгодно снижать ставку, так как ипотека обеспечивает значительную часть их дохода.

Снижение ставки ипотечного кредитования спровоцировало так называемый «ипотечный бум» на рынке. По данным исследования компании RDI Group, сейчас 80 – 85% покупателей приобретают квартиры в ипотеку. При этом ещё четыре-пять лет назад эта доля составляла всего 55% – 60%[5].

Процессы снижения ставок по ИЖК были прерваны решением Центрального банка РФ в сентябре 2018 г. повысить ключевую ставку до 7,5%, а с 2019 г. до 7,75%. Таким образом, разница между ключевой ставкой и средневзвешенной ставкой по ипотеке стала минимальной, что не выгодно для кредитных организаций. В данной ситуации для банков может быть несколько сценариев действий в 2019 г.: либо повышение ставки в целом для всех категорий заемщиков, либо дифференцированный подход к ценообразованию на ипотечные банковские продукты. Ставка по ипотеке может быть увеличена для заемщиков с минимальным первоначальным взносом, так как чем меньшую долю от полной стоимости жилья вносит клиент, тем выше риски для банка. В целом эксперты предполагают, что повышение ставок будет несущественное — на 1–3%[5].

Изменения средневзвешенной ставки происходят одновременно с ростом по-

[3] *Проценты по ипотеке в развитых странах 2018 г. URL: https://ipoteka.finance/country/procenty-po-ipoteke-v-raznyh-stranah-2018.html (дата обращения 10.01.2019).*

[4] *Почему в России самая дорогая ипотека в мире URL: https://www.hab.kp.ru/radio/26879.5/3922806/ (дата обращения 15.01.2019).*

[5] *В 2019 г. ипотечников ждет неприятный сюрприз. URL: https://zelv.ru/obshchestvo/91930-v-2019-godu-ipotechnikov-zhdet-nepriyatnyy-syurpriz.html(дата обращения 25.01.2019).*

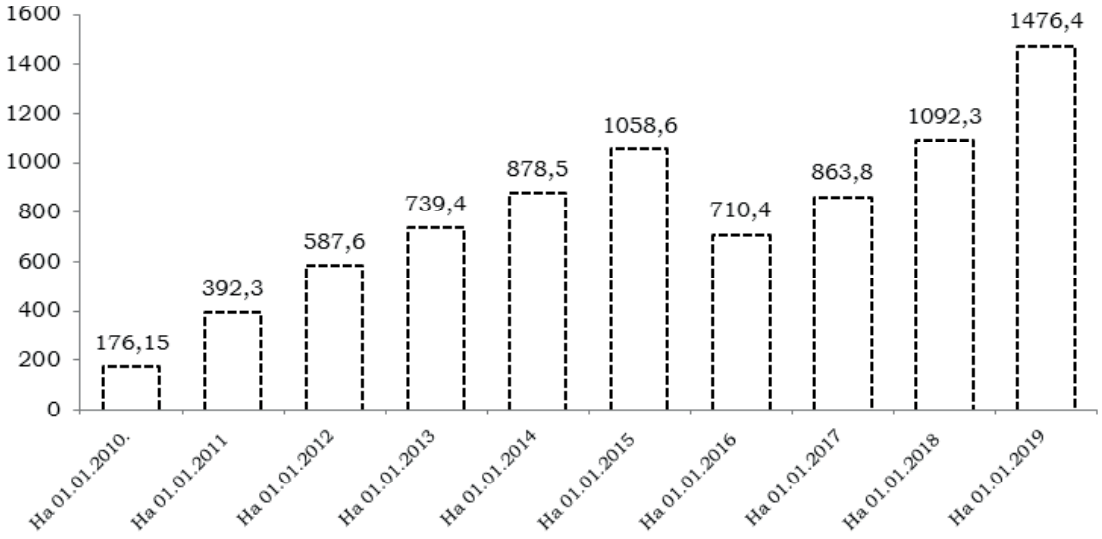

Рис. 2. Изменение количества предоставленных ИЖК за последние 10 лет (данные на начало года в сегменте первичного рынка), тыс. ед. [2]

казателей рынка ипотечного жилищного кредитования (рис. 2).

Прирост предоставленных ИЖК (в сегменте первичного рынка) составил на начало 2019 г. 35,1% по отношению к аналогичному периоду прошлого года.

Краткосрочное повышение кредитных ставок может привести к повышению спроса на новостройки (в сегменте новостроек самые низкие ставки по ипотечным кредитам, а, следовательно, и повышение ставки будет менее ощутимым). Также сыграет роль и фактор потребительских ожиданий. В частности, за счёт тех покупателей жилья, которые в целом собирались брать ипотечный кредит, но по каким-то причинам откладывали.

Следующим параметром, характеризующим доступность ипотечного жилищного кредитования, является доля ежемесячного располагаемого дохода, который расходуется на выплаты по ИЖК. Национальное бюро кредитных историй (НБКИ) использует такой показатель как рекомендованный размер семейного дохода заемщика, «комфортного» для обслуживания среднего ипотечного кредита. Рекомендованный семейный доход является индикатором доступности ипотечного кредитования для населения и фиксирует предельное отношение ежемесячных платежей семьи (домохозяйства) по ипотеке к ее ежемесячным доходам. Рассчитанный НБКИ показатель исходит из того, что относительно «комфортным» для заемщика является соотношение ежемесячных платежей к ежемесячным доходам на уровне 1/3[6].

Одной из причин изменения рекомендованного дохода для обслуживания ипотеки, помимо прочего, является рост среднего размера ипотечного кредита, который увеличился прямо пропорционально снижению банками размера первоначального взноса по ипотеке. Таким образом, с одной стороны, доступ граждан к кредитным ресурсам банков несколько упростился: помимо сокращения размера первоначального взноса снизились и процентные ставки по ипотеке. Вместе с тем, из-за этого выросло «тело» кредитов и объемы ежемесячных платежей по ним.

Еще одним параметром доступности ипотечного жилищного кредита для заемщика является величина «переплаты», т.е. сумма процентов, которую он уплатит сверх основного долга за весь период пользования ипотечным жилищным кредитом. На величину «переплаты» оказывает влияние не только непосредственно средневзвешенная ставка, но и средне-

[6] *НБКИ: показатель доступности ипотеки для граждан вернулся на уровень середины прошлого год URL: ttps://www.nbki.ru/company/news/?id=21828(дата обращения 15.01.2019).*

годовой уровень инфляции. ИЖК относится к долгосрочным видам кредитования и уровень цен за период выплаты ипотеки может существенно измениться, в том числе и в пользу заемщика.

Получается, что приведенная стоимость «переплаты» за долгий период выплаты ИЖК может оказаться существенно меньше её текущей стоимости в действующих ценах того периода, когда ипотечный жилищный кредит был предоставлен. Также при расчёте реальной переплаты по кредиту необходимо учитывать и динамику стоимости самого объекта недвижимости, но, такой фактор учитывают лишь некоторые заемщики, которые приобретают квартиры сугубо в инвестиционных целях.

В этом и кроется существенное различие в уровне ставок по ИЖК в России и развитых странах, где уровень инфляции стабильный и составляет зачастую лишь статистическую погрешность, чуть выше нуля. Это дает возможность банкам выдавать ипотечные жилищные кредиты под очень выгодные для заемщиков проценты.

Следующий параметр, по которому можно определить доступность услуги ИЖК для населения – размер первоначального взноса. Большинство коммерческих банков в России рассматривают заемщиков в качестве своих потенциальных клиентов только в том случае, если они могут внести первый взнос в размере не менее 20% – 30%[4].

В отдельных случаях первоначальный взнос может быть снижен до 15, 10 или даже 5%, но это правило действует только для специальных ипотечных программ (для молодых семей, для покупки жилья в новостройках или для использования материнского капитала в качестве первоначального взноса). Так, к примеру, в АО «АКБ «Фора-Банк» (небольшой по размеру активов банк с головным офисом в Москве) первоначальный взнос по программе «кредитование с учётом материнского капитала» начинается от 5% стоимости жилья [Лунина, 2010].

Если возвращаться к вопросу сравнения условий ИЖК в России и развитых странах, то стоит отметить, что и в последних условия по сумме первоначального взноса в последние годы значительно ужесточились. Так, в США после ипотечного кризиса 2008 – 2009 гг. сумма первоначального взноса установилась в среднем на уровне 40 %. В редких случаях добропорядочным клиентам этот порог может быть снижен до 30%, но при этом необходимо одобрение продавца недвижимости или застройщика, которое получить достаточно сложно[4].

Ещё одним параметром доступности услуги ипотечного кредитования является набор документов, необходимых для получения ИЖК и процедура подтверждения кредитоспособности потенциального заёмщика. Усугубляющим фактором в рассмотрении данного вопроса является проблема «серых» доходов и зарплат российских граждан. Многие банки, особенно крупные, предлагающие по ипотеке наиболее выгодные условия кредитования, принимают в качестве подтверждения платежеспособности клиента только официальные документы (справку 2-НДФЛ и копию трудовой книжки).

В последние годы банки, не без учёта распространенности «серых» схем получения россиянами дохода, стремятся максимально упростить процедуру получения ИЖК. Подтвердить данные о скрытых доходах можно с помощью справки по форме банка или предоставив гражданско-правовой договор. В виду того, что выдача ИЖК без подтверждения официального дохода чревата высокими рисками для банков, некоторые из них дополнительно требуют наличие любой недвижимости на праве собственности, действующих счетов, вкладов и др.

Так, например, Сбербанк ввел еще в 2015 году особое условие «Ипотека по двум документам», которое распространяется на основные продукты банка: «Приобретение готового жилья – Единая ставка» и «Приобретение строящегося жилья», как по базовым условиям, так и в рамках акций[1].

Платёжеспособность потенциальных заемщиков является куда более существенной проблемой. Средняя заработная плата по данным Росстата в Москве на начало 2018 г. составляла 80 тысяч

рублей. По регионам этот показатель варьируется, но усредненное значение составляет около 34 тысяч рублей. Для человека с таким доходом кредитное бремя будет довольно тяжелым[7].

Также при рассмотрении вопроса доступности ИЖК необходимо обратится к такой характеристике ипотеки как форма ежемесячного платежа – аннуитетная или дифференцированная ипотека. Это две принципиально отличные друг от друга системы расчета ежемесячного платежа, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны.

Дифференцированная ипотека предполагает планомерное погашение задолженности, при котором «тело» кредита выплачивается одинаковыми долями, а проценты по кредиту ежемесячно уменьшаются. По мере выплат сумма обязательного ежемесячного взноса будет постепенно снижаться. Такая схема погашения ипотечного кредита выгодна для более длительных сроков кредитования (свыше 15 лет). Если же срок ипотечного кредита составляет менее 15 лет, при аннуитетной схеме погашения ипотечного кредита ежемесячные платежи остаются одинаковыми на протяжении всего срока действия ипотечного договора. В сумму аннуитета включается основной долг и проценты. При этом в первые годы погашения кредита в сумму аннуитета включаются преимущественно проценты, поэтому аннуитетная схема невыгодна тем, кто планирует досрочное погашение ипотечного кредита. А схема досрочного погашения ИЖК становится достаточно распространенной в последние годы среди заемщиков, что подтверждается данными, представленными на рисунке 3.

Проблема рынка ИЖК заключается в том, что его лидеры (в частности, Сбербанк, ВТБ (рис. 4)) работают только с аннуитетной схемой и не дают заемщику право выбора способа погашения долга.

Среди крупнейших банков только Газпромбанк и Россельхозбанк предлагают дифференцированную ипотеку.

Таким образом, в рамках исследования были проанализированы параметры, определяющие доступность услуги ИЖК: средневзвешенная ставка по ипотеке; доля ежемесячного располагаемого дохода, который расходуется на выплаты по

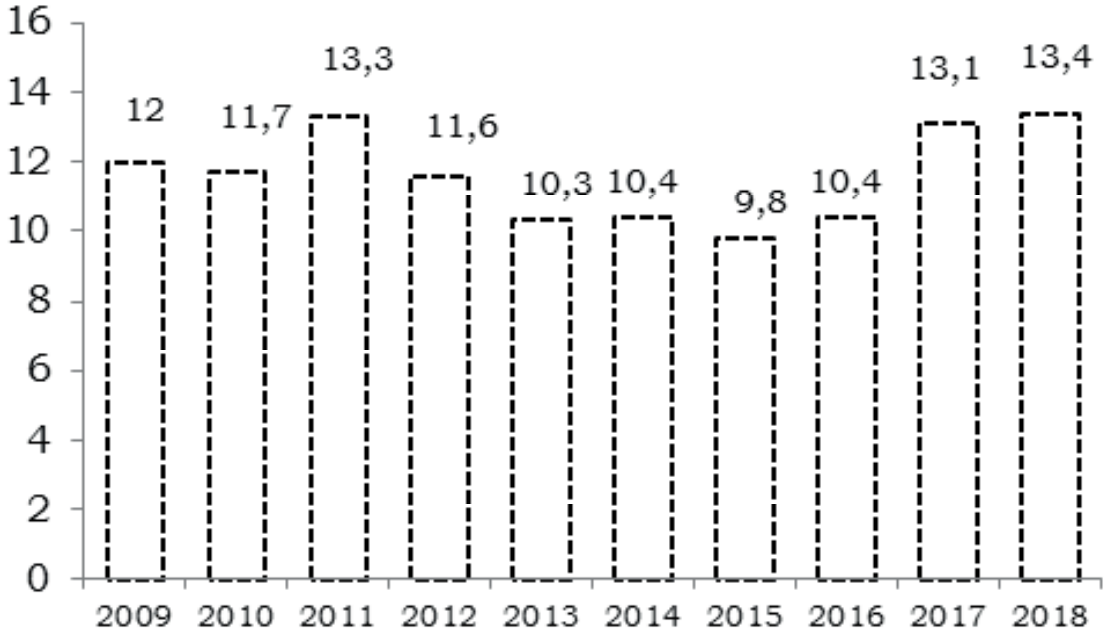

Рис. 3. Удельный вес задолженности по ИЖК, которая была погашена досрочно по отношению к общей сумме задолженности на конец периода, в % [2]

[7] *Какой первоначальный взнос по ипотеке. URL: http://kreditorpro.ru/kakoj-pervonachalnyj-vznos-na-ipoteku/(дата обращения 15.01.2019).*

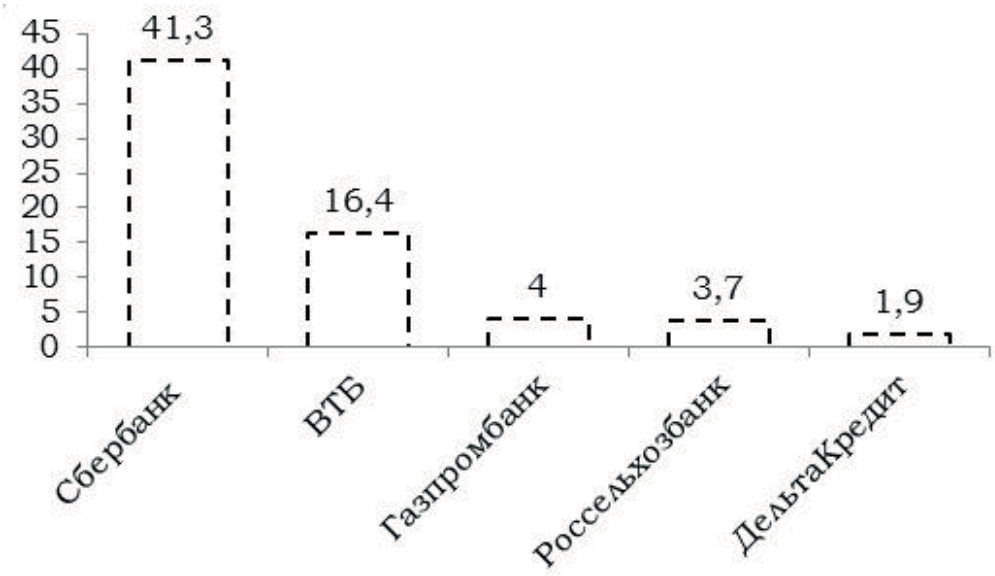

Рис. 4. Доля ТОП-5 коммерческих банков на рынке ИЖК по состоянию на 01.01.2019 г., в %[2]

ИЖК; общая сумма «переплаты» по ипотеке; размер первоначального взноса для получения ипотечного кредита; набор документов для подачи кредитной заявки и подтверждения платёжеспособности; возможность выбора способа погашения ипотечного кредита. Состояние этих параметров определяет уровень развития ИЖК в Российской Федерации, в том числе и в сравнении с другими государствами. Представленный набор параметров может быть использован для анализа рынка услуг ипотечного кредитования как в масштабах всей страны, так и отдельных регионов. Также указанные параметры доступности ИЖК позволят составлять различные рейтинги и рэнкинги коммерческих банков по уровню доступности услуг ипотечного жилищного кредитования.

Список литературы:

1. Едронова В. Н., Шилов М. Е. Методика расчета коэффициента доступности жилья в России в условиях ипотечного жилищного кредитования // Финансы и кредит. 2008. №31. С. 18–22.

2. Иванова Т. А. Ипотечное кредитование в Российской Федерации: тенденции, проблемы, перспективы // Studium. 2018. №3 (48). С. 4.

3. Кузнецова М. Ю. Ипотечное кредитование для жителей Томской области: анализ доступности // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. №8. С. 55–58.

4. Лунина Е. Д. Совершенствование механизма ипотечного кредитования в России: дисс.... канд. экон. наук. 08.00.10. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. 194 с.

5. Солодилова М. Н. Функционирование механизма формирования финансовых ресурсов ипотечного жилищного кредитования в России: дисс... канд. экон. наук. 08.00.10. Самара : Самарский государственный экономический университет, 2014. 178 с.

Библиографическое описание статьи

Цветова Г. В., Матвиишин М. С. Параметры доступности услуг ипотечного жилищного кредитования // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 60–67. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-60-67

Mikhail S. Matviishin – graduate student, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: matviishinm@mail.ru*

Galina V. Tsvetova – Candidate of Economics, the chair of economy and financial right, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: mgalin1008@mail.ru*

Parameters of availability of the services of mortgage housing lending

***I**ncrease in the prices for the real estate leads to the constantly increasing gap between the housing prices and the income of citizens. It isn't possible to get housing in property under the contract of purchase and sale without the use of borrowed funds for the most of Russians. Mortgage lending is the most acceptable way of buying of the property premises. Existence of the own housing brings an element of wellbeing and stability in the life of people, and it is very important, according to the sociologists that housing appeared as soon as possible, but not after ten years' expectations. In this regard the alternative to mortgage housing lending doesn't exist. Systematization of approaches to an assessment of availability of services of mortgage lending to the population in the following parameters is presented in the article: the average rate on a mortgage; a share of the monthly located income which is spent for payments for IZhK; total amount of "overpayment" on a mortgage; the amount of initial contribution for receiving a mortgage loan; a set of documents for submission of the credit application and confirmation of solvency; possibility of the choice of a way of repayment of a mortgage loan. The methodological basis of a research is made by a system approach, functional and comparative analysis, the method of expert evaluations.*

Keywords: *mortgage housing loan, services of mortgage housing lending, availability of services of mortgage housing lending, average rate, initial contribution, solvency of the borrower.*

References:

1. Edronova V. N., Shilov M. E. Method of calculating the housing affordability ratio in Russia in the conditions of housing mortgage lending. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2008, no. 31, pp. 18–22. (In Russian).

2. Ivanova, T. A., Mortgage lending in the Russian Federation: trends, problems, and prospects. *Studium* [Studium], 2018, no. 3 (48), p. 4. (In Russian).

3. Kuznetsova M. Yu. Mortgage loans for residents of the Tomsk region: accessibility analysis *Ustoychivoye razvitiye nauki i obrazovaniya* [Sustainable development of science and education], 2018, no. 8, pp. 55–58. (In Russian).

4. Lunina E. D. Improving the mechanism of mortgage lending in Russia: Diss. ... Cand. econ sciences. 08.00.10 M.: Moscow State University. Mv Lomonosov, 2010, p. 194. (In Russian).

5. Solodilova M. N. The functioning of the mechanism for the formation of financial resources of housing mortgage lending in Russia: dis ... cand. econ sciences. 08.00.10 Samara: Samara State Economic University, 2014, p. 178. (In Russian).

Reference to the article

Tsvetova G. V., Matviishin M. S. Parameters of availability of the services of mortgage housing lending // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 60–67. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-60-67

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-68-76
УДК 332.1(571.621)

О. В. Кулагина

Территория опережающего развития Еврейской автономной области: итоги первого этапа реализации

***В** статье представлено распределение созданных территории опережающего развития по субъектам Дальневосточного федерального округа и показатели их функционирования, выявлены предпосылки создания, отличительные особенности территории опережающего развития «Амуро-Хинганская». Цели создания «Амуро-Хинганской» территории опережающего развития и задачи, которые планировалось решить в развитии региона. Определена отраслевая специализация резидентов «Амуро-Хинганской» территории опережающего развития, налоговые и административные преференции. Выявлены негативные моменты, тормозящие деятельность резидентов на территории опережающего развития «Амуро-Хинганская». Автором статьи подведены итоги первого этапа становления территории опережающего развития «Амуро-Хинганская» в Еврейской автономной области, определены стратегические ориентиры регионального развития. Представлены эффекты функционирования «Амуро-Хинганской» территории опережающего развития. Проанализирована структура источников финансирования «Амуро-Хинганской» территории опережающего развития. Выявлены проблемы, ограничения функционирования «Амуро-Хинганской» территории опережающего развития. Высказаны опасения по привлечению иностранных инвесторов на территорию региона. Предложена модель развития «Амуро-Хинганской» территории опережающего развития с участием средств федерального бюджета в связи с «отсталостью» региона.*

***Ключевые слова:** территория опережающего развития, экономика региона, инфраструктура региона, Дальний Восток, Еврейская автономная область.*

Актуальность. Дальний Восток в силу своего геополитического положения находится в центре внимания федерального правительства России, которое для решения амбициозных стратегических задач по ускорению темпов социально-экономического развития региона реализует здесь проекты по созданию территорий опережающего развития (далее – ТОР), называя их «точками роста» [Кашина, 2016; Леонов, 2017].

ТОР считается одной из форм государственно-частного партнерства. Необходимость такого партнерства обусловлена требованием масштабного обновления и развития инфраструктуры при ограниченных возможностях бюджетного финансирования [Шавина, Мамышева, 2015]. Подобные формы партнерства хорошо зарекомендовали себя в мировой практике (в частности, во Франции, КНР, Корее, Тайване, Сингапуре, Таиланде, Малайзии) в деле привлечения крупных частных инвестиций[1].

Этот опыт и послужил основанием для попытки воспроизведения его в российских условиях, в первую очередь – на территории Дальнего Востока, особенно нуждающейся в масштабных инвестициях.

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.) «О территориях опе-

[1] *Дальневосточное отделение Российской академии наук [сайт]. URL: http://www.febras.ru/kontakty/2-uncategorised/1053-17-04-2014-akademik-pavel-minakir-vzglyad-na-dalnij-vostok-podrobnee.html*

Ольга Владимировна Кулагина – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, управления и финансового права, Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, (679015, Россия, ЕАО, Биробиджан, ул. Широкая, д. 70 А). *E-mail: belkyl@yandex.ru*

режающего социально-экономического развития в Российской Федерации», ТОР – это «часть территории субъекта Российской Федерации… на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения»[2].

Официальные итоги первых 3-х лет реализации проекта Корпорация развития Дальнего Востока (управляющая компания на ТОР) представляет в следующем виде (табл. 1).

Созданные 18 ТОР распределены следующим образом по субъектам Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО): Приморский край – 4 ТОР, Хабаровский край – 3 ТОР, Амурская область – 3 ТОР, Сахалинская область – 3 ТОР, Республика Саха-Якутия – 2 ТОР, в Камчатском крае, Еврейской автономной области (далее –ЕАО), Чукотском автономном округе по одному ТОР.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о количественном росте основных показателей, характеризующих растущие масштабы ТОР в регионе. Тем не менее, несмотря на видимую успешность, вероятность дальнейшего роста ТОР подвергается сомнениям, поскольку уже в конце 2016 г. был обнаружен ряд негативных моментов [Дьяков, 2017]:

– неравные условия экономической деятельности в регионе для резидентов и нерезидентов ТОР при заведомо худших позициях нерезидентов;

– вероятная нехватка местных трудовых и материальных ресурсов для поддержания широкомасштабной деятельности ТОР;

– возможная экономическая изоляция ТОР в регионе и отсутствие мультипликативного эффекта от их развития;

– возможный неконтролируемый приток иностранной рабочей силы;

– резкий разрыв в уровне доходов работников ТОР и территорий за их пределами.

Экономисты, политологи и бизнес скептически относятся к самой идее ТОРов, считая ее неперспективной. Об этом же свидетельствуют и результаты опроса предпринимателей, проведенного экспертно-аналитическим центром Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)[3].

ТОРы, могут повторить судьбу особых экономических зон (далее – ОЭЗ), которые начали создавать с 2005 г. Правительство РФ в 2016 г. досрочно прекратило деятельность десяти особых экономических зон из 33, а также приостановило создание новых. По данным Министерства экономического развития РФ, с 2006 г. по 2015 г. в особые экономические зоны России пришло более 400 инвесторов, из них около 80 – из

Таблица 1

Показатели эффективности функционирования ТОР на Дальнем Востоке

Период, год	Количество ТОР	Количество резидентов	Количество рабочих мест
2015	9	21	7666
2016	14	111	22256
2017	18	204	39772
Всего объем инвестиций за 2015 – 2017 гг.		2175 млрд рублей	

Источник: составлено по данным Корпорации развития Дальнего Востока [сайт] URL: http://erdc.ru О ТОРах (дата обращения: 26.12.2018)

[2] *О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации ФЗ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (в ред. от 3.08.2018 г. № 341-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru*

[3] *Интернет – портал «Газета.ру». URL: https://www.gazeta.ru/business/2017/08/11/10828634.shtml*

29 стран. С 2006 г. на создание 33 ОЭЗ направлено 186 млрд руб., из которых 122 млрд руб. из федерального бюджета. По данным Счетной палаты РФ, за девять лет ОЭЗ выплатили бюджетам 40 млрд руб. налоговых и таможенных платежей, тогда как объем льгот составил 22,6 млрд руб. За 10 лет существования ОЭЗ было создано всего лишь 18 тыс. рабочих мест, а расходы на создание только одного места составили 10 млн. рублей, что сопоставимо со средней российской зарплатой за 25 лет.[4]

Учитывая столь неоднозначные последствия подобных экспериментов, определенный интерес представляет оценка промежуточного эффекта от создания ТОР в наиболее экономически проблемном и финансово уязвимом регионе Дальнего Востока – ЕАО.

Предпосылки создания ТОР в ЕАО и планируемые результаты

В сравнении с показателями безработицы в РФ и ДФО в регионе значительно хуже ситуация. Так, превышение составляет 41,1% по сравнению с РФ и 25,4% с ДФО. Индекс рынка труда по итогам 2015 года по ЕАО также показывал отрицательную динамику. Так, в 2014 г. регион набирал 36,1 балла, а в 2015 г. – 34,9 балла, тем самым заняв 77 место из 85 возможных. Сравнивая среднедушевой доход ЕАО с показателями РФ и ДФО, можно отметить, что доходы региона также значительно уступают показателям по России (на -20,2% по итогам 2015 г. с РФ и на -34,1% с ДФО)[5].

По макроэкономическим параметрам ЕАО в 2015 г. занимала последние места среди регионов ДФО: ВРП 1,4%, объем производства 0,8%, объем консолидированного бюджета 1,3%, инвестиции в основной капитал 1,5% и пр. По уровню рынка труда ситуация также не отличается в целом от макропараметров: индекс рынка труда 34,9, численность занятых в экономике 2,5%, безработица 7,9%[5]. Ситуация за 2016 и 2017 гг. не изменилась к лучшему.

Экономика ЕАО в сравнении с другими регионами ДФО очень слабо развита, поэтому планировалось, что функционирование ТОР с 2016 года станет одной из «точек роста».

В рамках реализации Федерального закона от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» Постановлением Правительства РФ № 847 от 27.08.2016 г. создана территория опережающего социально-экономического развития «Амуро-Хинганская» в Еврейской автономной области. ТОР «Амуро-Хинганская» занимает площадь 150789,6 тыс. га. (занято 396), специализация ТОР: промышленная, сельскохозяйственная, транспортно-логистическая[6].

Стратегической целью создания ТОР «Амуро-Хинганская» в рамках государственной доктрины развития Дальнего Востока является формирование условий для укрепления экономических позиций РФ в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и стимулирование экономического развития Еврейской автономной области посредством формирования конкурентных преимуществ региона[7].

В рамках поставленной цели, планируется решить следующие задачи:

- значительно ускорить развитие экономики региона посредством предоставления преференций и льгот резидентам ТОР и содействия в реализации их инвестиционных программ и проектов;

- повысить инвестиционную привлекательность региона для размещения и/или переноса в регион производственных мощностей потенциальных резидентов;

- улучшить занятость экономически активного населения путем создания дополнительных рабочих мест и развитие человеческого капитала;

- увеличить налоговые поступления во все уровни бюджета[4].

Развитие ТОР «Амуро-Хинганская» на-

[4] *Интернет – портал «ВЕДОМОСТИ» [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2016/06/09/644745-putin-osobih-ekonomicheskih*

[5] *Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics*

[6] *Данные Корпорации развития Дальнего Востока [сайт]. URL: http://erdc.ru О ТОРах (дата обращения: 26.12.2018)*

[7] *Официальный портал органов государственной власти Еврейской автономной области [сайт]. URL: http://www.eao.ru/o-eao/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-eao-/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-eao-do-2020-goda--2/*

правлено на устранение отставания ЕАО от других регионов Дальневосточного федерального округа, вывода региона из зоны «дотационный», снижение его долговой нагрузки. Кроме этого, развитие на территории ЕАО современных производств улучшит миграционную политику, сделав привлекательным региональный рынок труда.

Функционирующие инвестиционные проекты резидентов «Амуро-Хинганской» ТОР находятся в муниципальных образованиях г. Биробиджан, Ленинский и Октябрьский муниципальные районы (табл. 2).

В соответствии с перспективным планом развитие ТОР «Амуро-Хинганская» Корпорацией развития ДВ (далее КРДВ) предполагается осуществлять путем поэтапной реализации комплекса мероприятий, которые включают в себя следующие этапы:

I этап (2016 – 2018 гг.) – этап создания условий для эффективной деятельности резидентов ТОР, который характеризуется началом реализации инвестиционных проектов существующих резидентов ТОР;

II этап (2019 – 2028 гг.) – этап интенсивного развития ТОР, который характеризуется выходом на полную мощность работы существующих резидентов ТОР и привлечение\реализацию инвестиционных проектов новыми резидентами;

III этап (2029 – до завершения срока существования ТОР) – этап устойчивого развития ТОР, который характеризует-

Таблица 2

Характеристика резидентов «Амуро-Хинганской» ТОР

Резидент ТОР	Вид деятельности	Характеристика проекта	Период реализации проекта
ООО «Дальграфит»	добыча полезных ископаемых (графита)	Разработка Тополихинского участка Союзного месторождения графита с балансовыми запасами 13 млн тонн графита и строительство горно-обогатительного комбината с мощностью производства до40000тоннконцентрата графита в год. Площадка: «Союзная», «Унгун».	2016 – 2019 гг.
ООО «БирЗМ»	производство металлоконструкций и сэндвич-панелей	Строительство нового современного высокотехнологичного завода. Площадка: «БирЗМ»	2016 – 2020 гг.
ООО «Амурпром»	- переработка сои - заготовка и переработка древесины	- строительство завода - организация предприятия Площадка: «Амурская»	1 очередь 2017 – 2018 гг., 2 очередь 2018 – 2020 гг.
ООО «Логистика»	транспортно-логистический комплекс	- строительство торгово-выставочного центра для сельскохозяйственной техники - строительство гостиницы Площадка: «Амурская»	2017 – 2018 гг

Источник: составлено по данным Корпорации развития Дальнего Востока [сайт] URL: http://erdc.ru О ТОРах (дата обращения: 26.12.2018)

ся полноценной работой всех резидентов ТОР и достижением в целом поставленной цели создания территории опережающего развития в Еврейской автономной области[6].

Одной из задач создания и развития ТОР для региона является увеличение налоговых поступлений во все уровни бюджета [Кузьминова, Чаплыгина, 2017]. Налоговые и другие отчисления резидентов ТОР включают в себя: налог на доходы физических лиц, налог на добычу полезных ископаемых, налог на добавленную стоимость, транспортный налог, перечисления в социальные фонды по сниженным ставкам (рис. 1).

На территории ТОР предусматривается беспошлинный и безналоговый ввоз, хранение, потребление (использование) иностранных товаров внутри ТОР, реэкспортный вывоз товаров (оборудования). Также предусмотрена ускоренная процедура возмещения НДС (в течение 10 дней) [Улицкая, Акимова, Кокорева, 2017].

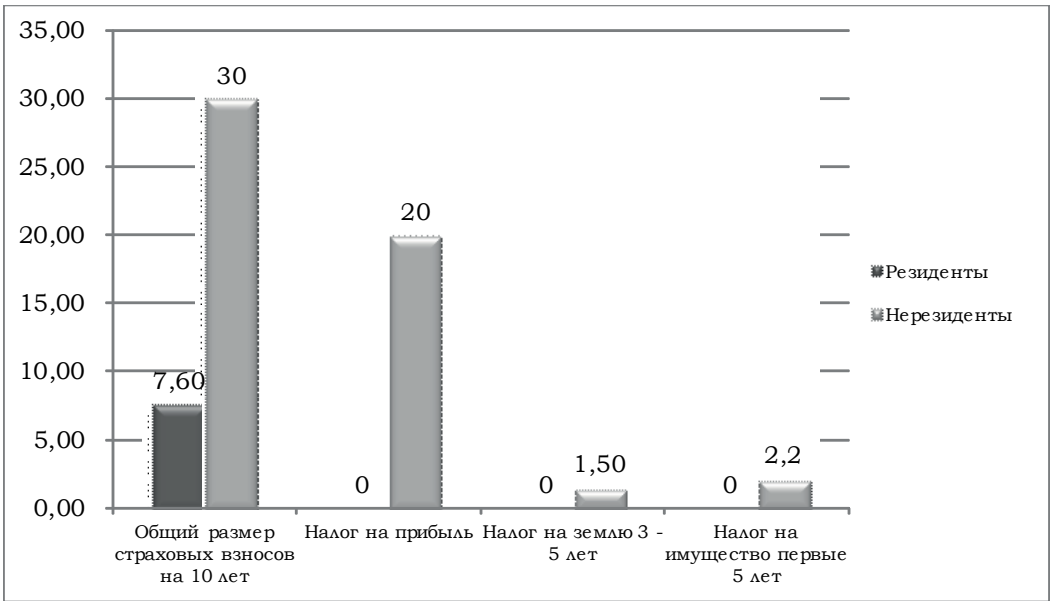

Рис.1. Налоговые льготы для резидентов ТОР «Амуро-Хинганская»

Административные преференции: привлечение иностранной рабочей силы без учета квот; сокращенные сроки проведения контрольных проверок; возможность получения земельного участка в аренду без торгов; режим «одного окна» для инвестора; возможность применения процедуры свободной таможенной зоны (СТЗ); право управляющей компании на защиту резидента в суде[3].

Итоги первого этапа реализации (2016 – 2018 гг.): предварительная оценка

График реализации проектов соблюдает только частично ООО «Дальграфит» и ООО «БирЗМ» (при этом строительство инфраструктуры: дороги, подстанции и линии передач осуществляется за счет средств резидентов), ООО «Амурпром» ведет работу с проектной документацией, ООО «Логистика» – деятельность частично приостановлена в связи с выходом закона в 2018г, который запрещает китайским инвесторам вкладывать средства в строительство гостиниц за пределами Китая.

Перенос сроков активной стадии реализации проектов резидентами происходит из-за существующих проблем в регионе (высокая закредитованность области, обеспечение расходной части бюджета собственными доходами только на уровне 42%, что затрудняет реализацию проектов, требующих софинансирование строительства объектов инфраструктуры со стороны ЕАО) и ограничений в регионе (значительное количество автодорог с грунтовым покрытием, отсутствие дополнительных мощностей по электроэнергии и т.п.)[6]

Проблемы и ограничения носят следующий характер[7]:

- наводнение 2013 года ввело ограничения на строительство, что требует до-

полнительного согласования с управлением природных ресурсов;

- свободные сельскохозяйственные участки разрознены, заболочены, что требует значительных мелиоративных работ и снижает экономическую привлекательность для потенциальных инвесторов;

- 2\3 месторождения талька отданы для сельскохозяйственных нужд на 49 лет, что в соответствии с законодательством требует значительного единовременного денежного платежа, что отталкивает инвесторов;

- очистные сооружения (канализация) на 60% находятся в ветхом и аварийном состоянии;

- нет схемы электросетей, что затрудняет понимание со стороны инвесторов - какими мощностями можно располагать при планировании инвестиционных проектов;

- отсутствуют развязки объездных путей, переезды, что создаст проблемы транспортному движению при реализации проектов ТОР;

- резидент ООО «Дальграфит» частично работает на землях лесного фонда, в том числе часть из них относится к особо охраняемым зонам;

- требуется значительная реконструкция автодорог в Октябрьском районе при существующем бюджете всего 2 млн. руб.

Анализ динамики налоговых поступлений от деятельности резидентов ТОР «Амуро-Хинганская» представлен в таблице 3.

Фактические значения налоговых отчислений ниже, чем прогнозные в перспективном плане развития ТОР «Амуро-Хинганская» КРДВ в 2017 г. на 20,5%; отклонение обьема фактических налоговых поступлений от прогнозных выше в 2018 г. на 85,7%.

Структура выплат: в 2017 г. 78,95% составляли налоги в бюджет РФ, в 2018 г. – 74,1%; бюджет субъекта РФ стал получать меньше налоговых поступлений, как в абсолютном, так и в относительном выражении, а вот местный бюджет получил на 32% больше от запланированного в 2018 г.

Эффект от деятельности ТОР «Амуро-Хинганская» должен выражаться в создании дополнительных рабочих мест для различных категорий трудовых ресурсов, вследствие чего повысится общий уровень занятости населения. При создании дополнительных рабочих мест в приоритете квалифицированные кадры РФ, осуществляется взаимодействие с АНО «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке», которое осуществляет подбор кадров в регионе, так и за его пределами. Планируется количество создаваемых рабочих мест в период реализации проектов ТОР – 1189. На данный момент создано: 144 (табл. 4).

Наибольшая доля безработных за период 2014 – 2016 гг. приходилась на три района ЕАО: г. Биробиджан, Октябрьский и Ленинский районы. Численность безработных в разрезе муниципальных образований ЕАО в 2016 – 2018 гг: в тройке лидеров г. Биробиджан, Октябрьский и Смидовический муниципальные районы.

В соответствии с ФЗ № 473 Наблюдательный совет устанавливает долю иностранной рабочей силы – 20% от привлекаемой рабочей силы[8].

Таблица 3

Объемы налоговых и иных поступлений от деятельности резидентов «Амуро-Хинганская» ТОР, млн.руб.[5]

Виды налогов	2017 г.		2018 г.		2019 г.	2020 г.
	план	факт	план	факт	план	план
Всего налоговых и иных поступлений от резидентов ТОР:	10	7,952	14	34,1	103	175
- в бюджет РФ	0	6	0	20,3	58	101
- в бюджет субъекта РФ	8	1,42	11	2,5	36	59
- в местный бюджет	2	0,15	3	3,96	9	15
внебюджетные фонды	-	0,382	-	7,34	-	-

Источник: составлено по данным Корпорации развития Дальнего Востока [сайт] URL: http://erdc.ru О ТОРах (дата обращения: 26.12.2018)

[8] *Инвестиционный портал Еврейской автономной области [сайт]. URL: http://invest.eao.ru*

Таблица 4

Динамика создания рабочих мест в «Амуро-Хинганская» ТОР, чел.

Количество созданных рабочих мест	2017 г.		2018 г.		План на конец реализации проекта
	план	факт	план	факт	план
Всего, создано рабочих мест, в том числе: - иностранные рабочие	324 40	22 0	584 198	122 46	1189 298
в ООО «Дальграфит»: в том числе:	100	10	150	62	300
- иностранные рабочие	6	0	14	22	20
в ООО»БирЗМ»: в том числе:	80	12	100	40	199
- иностранные рабочие	10	0	54	24	83
в ООО «Амурпром»: в том числе	120	0	260	10	561
- иностранные рабочие	12	0	98	0	141
в ООО »Логистика»: в том числе:	22	0	74	10	129
- иностранные рабочие	12	0	32	0	54

Источник: составлено по данным Корпорации развития Дальнего Востока [сайт] URL: http://erdc.ru О ТОРах (дата обращения: 26.12.2018)

Резиденты ООО «БирЗМ», ООО «Амурпром», ООО «Логистика» превышают установленную долю на иностранную рабочую силу. Возникают большие сложности с реальным подсчетом количества иностранных рабочих, вследствие того, что право работать дается иностранцу на определенной территории, а не на определенной фирме.

Согласно Постановлению Правительства РФ № 847 от 27.08.2016 г. основными источниками финансирования ТОР являются внебюджетные источники[9].

ООО «Дальграфит» планирует инвестировать 4 434 млн руб.; ООО «Амурпром» планирует инвестировать 7 868 млн руб. (инвестор «Хэйлунцзянская инвестиционная корпорация» – государственная корпорация); ООО «Логистика» планирует инвестировать 2 132 млн руб. (инвестор «Хэйлунцзянская инвестиционная корпорация» – государственная корпорация); ООО «Биробиджанский Завод Металлоконструкций» (ООО «БирЗМ») планирует инвестировать 1 106 млн руб.

Общая сумма инвестиций 15 539,7 млн руб., из них с участием китайских компаний 3 соглашения на сумму 11 105,7 млн руб. Доля иностранных инвестиций в общих составляет 71,5%. Осуществлено 844,68 млн руб. (на 3 кв. 2018), это 5,4% от всех запланированных инвестиций. При том, что к 2019 г. резиденты ТОР должны были уже завершить большую часть своих инвестиционных проектов.

Вся инфраструктура организуется за счёт средств резидентов. Из 15 539,7 млн руб. на создание инфраструктуры планируется затратить 5,469 млрд рублей[8].

Государственные инвестиции в инфраструктуру ТОР не предусмотрены, 79% налоговых и иных отчислений идет в федеральный бюджет, инфраструктура региона не развита (реконструкция или отсутствие дорог, отсутствие схем электросетей, развязок объездных путей, необходимы мелиоративные работы и т. д.), хотя доступность инфраструктуры выделяется как преференция для резидентов ТОР[7].

С учетом финансового состояния региона (его дотационности) невозможно без участия государства в строительстве

[9] *О создании территории опережающего социально-экономического развития «Амуро-Хинганская» ПП РФ от 27.08.2016 г. № 847-ппРФ (в ред. от 27.08.2016 г. № 847-ппРФ). URL: http://www.consultant.ru*

необходимых объектов инфраструктуры. Поэтому предлагаемая модель развития «Амуро-Хинганская» ТОР должна включать участие средств федерального бюджета. Одним из способов участия государства – ввести программу по возмещению затрат резидентов на строительство инфраструктуры.

Социально-экономическое развитие любой территории может происходить в результате успешно функционирующих ТОР только в том случае, если в этих зонах уже все хорошо [Сайфуллина, Насибуллина, 2015]. Только тогда они начинают продуцировать волны на окружающую территорию, передавая туда доходы, технологии, обучая персонал, повышая общую культуру производства и жизни [Пенькова, 2015].

Иностранные инвесторы заинтересованы не в развитии территории, а в получении прибыли, поэтому они стремятся к малозатратной организации производства: изобильные и дешевые трудовые ресурсы в соединении с технологиями, которые есть у инвесторов, доступная инфраструктура. Притягательным импульсом для иностранных инвесторов является лишь наличие сырья, близость к рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона.

Таким образом, перспективный план развития ТОР «Амуро-Хинганская» отвечающий целям и задачам стратегии развития ЕАО до 2030 г., не реализуется в установленные сроки из-за «отсталости» региона не только в экономическом, но и инфраструктурном развитии. Модель дальнейшего развития ТОР «Амуро-Хинганская» в ЕАО требует совершенствования, возможные направления корректировки развития данной модели могут выступать объектом будущих исследований.

Список литературы:

1. Дьяков М. Ю. Территории опережающего развития как инструмент рационального использования природного капитала // Экономика и социальная политика. 2017. №2. С. 20–24.

2. Кашина Н.В. Территории опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток // Экономика региона. 2016. №2. С. 569–585.

3. Кузьминова Е. В., Чаплыгина М. А. Дальний Восток – территория опережающего социально-экономического развития: современное состояние и перспективы развития // Аллея науки. 2017. Т.1. № 15. С. 240–246.

4. Леонов С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России// Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67.

5. Пенькова С. Ю. Внедрение территорий опережающего развития на Дальнем Востоке России: предпосылки экономического роста, международного развития и экономического прогресса // Потенциал современной науки. 2015. № 3 (11) С. 109–113.

6. Сайфуллина Р. Т., Насибуллина Г. Р. Особенности создания территорий опережающего развития в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. Т. 4. № 12. С 18–23.

7. Улицкая Н. Ю., Акимова М. С., Кокорева Т. П. Территория опережающего социально-экономического развития как фактор развития территории и привлекательности для резидента // Стратегии бизнеса. 2017. № 10 (42). С. 12–16.

8. Шавина Е. В., Мамышева Д. К. Зарубежный опыт в сфере реализации проектов государственно-частного партнерства и анализ возможностей его использования в России // Центр инновационных технологий и социальной экспертизы. 2015. № 3. С. 8–24.

Библиографическое описание статьи

Кулагина О. В. Территория опережающего развития Еврейской автономной области: итоги первого этапа реализации // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 68–76. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-68-76

Olga V. Kulagina – Candidate of Economics, docent of the chair «of eonomics, management and financial law, the Federal state budgetary educational institution of higher professional education of the Amur state university named after Sholom Aleichem (70 A, Str. Shirokaya, Birobidzhan, 679015, Russian Federation). *E-mail: belkyl@yandex.ru*

Formation of the territories of advanced development: results of the first stage of implementation in the Jewish autonomous region

***T**his article presents distribution of the created priority development areas by the constituent entities of FEFD and indicators of their functioning, preconditions of creation, the distinctive features of the territory of priority development "Amur-Khingan". The goals of creation of the "Amur-Khingan" territory of advanced development and the tasks that were planned were solved in the development of the region. The branch specialization of residents of the "Amur-Khingan" territory of advanced development, tax and administrative preferences are determined. The negative aspects, inhibiting the activity of residents on the territory of priority development "Amur-Khingan" are revealed. The author of the article summed up the first stage of the formation of the territory of priority development "Amur-Khingan" in the Jewish autonomous region, determined the strategic guidelines for the regional development. The effects of functioning of the "Amur-Khingan" territory of advanced development are presented. The structure of sources of financing of the "Amur-Khingan" territory of advanced development is analyzed. The problems and limitations of the functioning of the "Amur-Khingan" territory of advanced development are revealed. A model of development of the "Amur-Khingan" territory of advanced development with the participation of the Federal budget due to the "backwardness" of the region is proposed.*

Keywords: *the territory of advanced development, economy of the region, infrastructure of the region, the Far East, the Jewish autonomous region.*

References:

1. Dyakov M. Yu. Territory of advanced development as a tool for rational use of natural capital. *Ekonomika i sotsial'naya politika* [Economy and social policy], 2017, № 2, pp. 20–24. (In Russian).

2. Kashina N. V. Territory of advanced development: a new tool to attract investment in the Far East. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2016, no. 2, pp. 569–585. (In Russian).

3. Kuzminova E. V., Chaplygina M. A. The Far East – the territory of advanced socio-economic development: the current state and development prospects. *Alleya nauki* [Alley of Science], 2017, vol. 1, no. 15, pp. 240–246. (In Russian).

4. Leonov S.N. Tools for the implementation of state regional policy in relation to the Far East of Russia. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2017, no. 2, pp. 41–67. (In Russian).

5. Penkova S. Yu. Introduction of the territories of advanced development in the Far East of Russia: prerequisites for economic growth, international development and economic progress. *Potentsial sovremennoy nauki* [Potential of modern science], 2015, no. 3 (11), pp. 109–113. (In Russian).

6. Saifullina R. T., Nasibullina G. R. Features of the creation of advanced development areas in the Russian Federation. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economy and management: problems, solutions], 2015, vol. 4, no. 12, pp. 18–23.

7. Ulitskaya N. Yu., Akimova M. S., Kokoreva T. P. Territory of advanced socio-economic development as a factor in the development of the territory and attractiveness for a resident. *Strategii biznesa* [Business Strategies], 2017, no. 10 (42), pp. 12–16. (In Russian).

8. Shavina E. V., Mamysheva D. K. Foreign experience in the implementation of projects of public-private partnerships and analysis of the possibilities of its use in Russia. *Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy i sotsial'noy ekspertizy* [Center for innovative technologies and social expertise], 2015, no. 3, pp. 8–24.

Reference to the article

Kulagina O. V. Formation of the territories of advanced development: results of the first stage of implementation in the Jewish autonomous region // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No.1 (86). Pp. 68–76. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-68-76

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-77-83
УДК 331.108:330:332.1

Н. Л. Шлык

Проблема подготовки кадров при переходе экономики к новому технологическому укладу

***В** статье анализируются проблемы подготовки кадров при переходе глобальной экономики к новому шестому технологическому укладу («Индустрия 4.0»). Основой развития этого уклада является инновационное развитие, формирование качественного человеческого капитала, возрастающая роль индустрии образования и непрерывного обучения. Внедрение новых технологий требует кардинальных изменений на рынке труда. В статье исследуются текущие изменения в профессиональной подготовке кадров для нужд отечественной экономики. Выявлены проблемы современной системы подготовки кадров, рассмотрены направления ее эффективного развития на региональном уровне. При рассмотрении данной проблемы применительно к дальневосточному региону, необходимо учитывать отраслевую направленность созданных здесь ТОСЭР и промышленных кластеров. Принимая это во внимание, автор предполагает, что наиболее востребованными будут специалисты инженерно-технического направления в строительстве, транспорте, логистике, авиа- и судостроении, газохимическом комплексе. Решение данной проблемы требует тесного взаимодействия государственных структур, науки, бизнеса и образования для своевременного учета меняющихся запросов отечественного и международного рынка труда.*

***Ключевые слова:** «Индустрия 4.0», ТОСЭР, инновационное развитие, человеческий капитал, экономика знаний, индустрия образования, глобальная экономика, Россия, Дальний Восток.*

Современное развитие мирового хозяйства происходит в условиях и под воздействием становления новой глобальной модели технологического развития, получившей название «четвертая технологическая революция» или «Индустрия 4.0». Основой развития «Индустрии 4.0» является шестой технологический уклад, под которым понимается крупный комплекс технологических совокупностей, связанных друг с другом однотипными технологическими целями, образующими технологическую основу экономики.

Отличительной особенностью шестого технологического уклада (далее – ТУ) является развитие нано-технологий во всевозможных отраслях: в медицине, генной инженерии, биотехнологии, робототехники, информационных технологий.

Важно отметить, что каждый новый ТУ основывается на достижениях предыдущего, а мировому технологическому развитию свойственна преемственность. Это означает, что не имея сильной технологической базы предыдущего уклада, сложно осуществить прорыв в условиях нового ТУ и с каждым очередным «пропущенным» периодом технологическая отсталость государства нарастает.

Для России фактически «пропущенным» является пятый технологический уклад. Причиной тому является отсталость материально-технической базы, как следствие хронического недофинансирования, а также неоднозначность проводимых в стране реформ.

Современная технологическая база России находится на уровне III-IV укладов. По имеющимся оценкам доля технологий пятого ТУ составляет примерно 10% (за счет авиакосмического сектора и ВПК); свыше 50% технологий относится к

Надежда Леонтьевна Шлык – канд. экон. наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и таможенного дела, Хабаровский государственный университет экономики и права (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская 134). *E-mail: nlshlyk@yandex.ru*

четвертому укладу и 30% – к третьему ТУ. Однако, за период 2000 – 2017 гг. доля России на рынке авиакосмической техники снизилась с 0,51 до 0,4%. Для сравнения в развитых странах технологическая структура экономики принципиально иная. Например, в США шестой уклад занимает около 5% производительных сил, пятый – 60%, четвертый – 20% и третий – 15% [The Global…, 2017].

Одной из сдерживающих причин достижения необходимого технологического уровня в России является не только сохраняющийся низкий объем инвестиций, но и их структура. По оценке Всемирного банка на начало XXI века 80% капитала развитых стран и почти 80% всего мирового капитала составляет невещественный капитал, включающий человеческий, интеллектуальный и качество институтов. При этом около 18% мирового богатства приходится на производственный капитал (инвестированные средства) и только 4% - на природный капитал (полезные ископаемые, леса, земли и т. п.) [Кузнецова, 2017. С. 23].

Именно нематериальные активы и человеческие способности, знания, навыки, таланты являются основными драйверами современной глобальной экономики. «Экономика знаний», в которую входят наука, образование, здравоохранение, социальное развитие приобретает особую значимость. В развитых странах, являющихся лидерами в сфере новейших технологий, такой подход получает отражение в структурной инновационной политике, охватывающей отрасли «экономики знаний» и базовые индустриальные отрасли. Для экономики знаний характерны тесные связи между наукой и сферой технологий; высокая значимость инвестиций для экономического роста и конкурентоспособности; возрастающая роль индустрии образования и непрерывного обучения; увеличения инвестиций в нематериальные активы, НИОКР, программное обеспечение.

В 2016 г. на «экономику знаний» в развитых странах приходилось 35% от ВВП, в развивающихся – 17%, в Китае 20%, в России – 11%. При этом в развитых странах доля инвестиций в основной капитал составила 21% от ВВП, в развивающихся – 30,9%, в Китае – 41,9%, в России – 21,7%.[Хохлова, Хохлов, 2018. С. 33]

Как свидетельствует опыт развитых стран, для формирования качественного человеческого капитала необходимо эффективно развивать такой важнейший аспект рынка информаций и знаний, как образование. В 21 веке глобальная индустрия образования является важнейшей отраслью мирового хозяйства. Глобальные суммарные расходы на образование растут и занимают второе место мирового рынка после здравоохранения. Если в 2012 г. суммарный объем расходов на образование оценивался на уровне 4,5 трлн долл. США, в 2015 г. – 5,5 трлн долл., то в 2017 г. – планировалось его увеличение до 6,4 трлн долл., то есть на 7% ежегодно в период 2012 – 2017 гг. [Спартак, 2016. С. 14].

Что касается России, то здесь тенденция обратная. За период 2013-2018гг. расходы на образование упали на 18%, на медицину – на 23%, на социальную защиту – на 6% [Гурдин, 2018. С. 7].

В мировой экономике расходы в сфере высшего образования растут опережающими темпами за счет значительного расширения запроса на подготовку высококвалифицированных кадров в развивающихся странах по мере их индустриализации и увеличения подушевых доходов. По данным Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) в настоящее время в мире около 140 млн. студентов проходят обучение в 36 тыс. высших учебных заведениях. По прогнозам через десять лет число студентов удвоится в значительной степени за счет увеличения числа получающих высшее образование в Азии. Характерно, что под воздействием глобализации количество учащихся, выбирающих обучение вне пределов своей страны, продолжает расти. Если на рубеже тысячелетия количество обучающихся за рубежом составляло 1,9 млн человек, то в 2008 г. оно составило около 2,7 млн студентов [Галичин, 2015. С. 4].

Ускорение данного процесса особенно заметно в текущем десятилетии: в 2010 г. количество обучающихся за рубежом составляло 3 млн человек, в 2012 г. – 3,7 млн., в 2015 г. – 4,9 млн, а в 2017 г. – 5,4 млн. человек, т. е. увеличилось в 1,8 раза [Спартак, 2016. С. 15].

Азия возглавляет список регионов мира, направляющих студентов за рубеж для получения образования. На нее приходится более 43% всех иностранных студентов, обучающихся на территории стран ОЭСР, Европа занимает второе место (35%), далее следует Северная Америка (12%), Арабские страны (8%), Африка (7%) и Южная Америка (3%). Характерно, что в таких регионах, как Арабские страны, Южная Америка, Африка, Южная и Западная Азия, количество обучающихся за рубежом превышает количество обучающихся в своем регионе.

Мировой рынок образовательных услуг характеризуется высокой концентрацией. Более половины иностранных студентов обучается в четырех ведущих англоязычных странах (США, Канада, Великобритания, Австралия), где лидерство сохраняется за США. Это объясняется не только высоким уровнем развитой системы образования, но и политикой государств-экспортеров образовательных услуг. Эта политика направлена на повышение привлекательности национальной системы образования, поддержание на достаточно высоком уровне финансирования сферы образования, проведение активной миграционной политики с целью привлечения высококвалифицированных иностранных специалистов на работу после окончания обучения.

Предпочтение студентов обучению за границей объясняется качеством предоставления образования, престижем и более высоким уровнем получаемых компетенций, которые студенты смогут применить в дальнейшей профессиональной деятельности. По результатам 2016 г. одним из самых популярных направлений в высшем образовании по всему миру была инженерия. Её выбирали 16% всех будущих бакалавров мира и 17% студентов, продолжающих обучение по программам магистратуры и аспирантуры. Вторым популярным направлением являются естественные науки, математика и статистика – его выбирали 6% будущих бакалавров и 5% будущих магистрантов; третьим направлением являются информационно-коммуникационные технологии, его выбирали 5% будущих бакалавров и 4% будущих магистрантов [Education..., 2017].

В современной экономике лучшие перспективы трудоустройства имеют выпускники STEM системы (Science – наука, technology – технология, engineering – инженерия, mathematics – математика), что вызвано растущей инновационностью глобального хозяйства. Как свидетельствует опыт наиболее развитых стран, инновационное развитие экономики возможно только на основе тесной интеграции профессионального образования, науки и промышленности.

Внедрение новых технологий кардинально изменяет характер труда во всех отраслях и профессиях. По мере технологического развития морально устаревают прежние профессии и специальности, возникают новые. По имеющимся данным, норма устаревания профессий и специальностей в развитых странах составляет примерно 4 – 6 лет [Никонова, 2018. С. 21]. Поэтому непрерывная инновационная деятельность в образовании, профессиональная подготовка и переподготовка кадров должны носить опережающий характер, основываясь на прогнозах научно-инновационного развития.

Особенность четвертой промышленной революции заключается в том, что она создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие три революции. По оценке ученых школы Оксфорд-Мартин, только 0,5% трудовых ресурсов США заняты в отраслях, не существующих в начале XXI века; менее 8% новых рабочих мест было создано в восьмидесятых годах прошлого века и 4,5% новых рабочих мест – в девяностые годы [Шваб, 2016. С. 34].

Эти результаты были подтверждены прошедшей экономической переписью США, которая позволила проанализировать глубину взаимоотношений между технологией и безработицей. Один из важнейших выводов сделанного анализа заключается в том, что инновации в информационные и другие прорывные технологии способствуют повышению производительности путем замены существующих рабочих мест, а не созданию новых продуктов, которые требуют дополнительного труда для производства.

В свете рассматриваемой проблемы, практический интерес представляют результаты исследований ученых шко-

лы Оксфорд-Мартин Карла Бенедикта Фрея и Майкла Осборна, которые определили количественное значение потенциального воздействия технологических инициатив на рынок труда. Ученые распределили 702 профессии по степени их автоматизации: от минимально подверженных риску автоматизации («0» соответствует отсутствию риска) до наиболее подверженных риску («1» соответствует риску замены профессий той или иной компьютерной технологией) [Шваб, 2016. С. 36]. По результатам этого анализа около 47% рабочих мест в США подвержены риску автоматизации уже в течение двух следующих десятилетий. К таким профессиям относятся специалисты по телефонным продажам; по оформлению налоговой документации; страховые оценщики; судьи, арбитры в спортивной индустрии; официанты; агенты по продаже недвижимости; курьеры и разносчики; секретари, помощники по административной работе, за исключением юридической и медицинской сферы.

Наименее подвержены автоматизации профессии, требующие социальных и творческих навыков, в частности, принятии решений в условиях неопределенности и разработки новаторских идей. К этой категории относятся социальные работники, оказывающие помощь людям, страдающим психическими расстройствами и наркотической зависимостью; психологи, терапевты и хирурги; хореографы; аналитики компьютерных систем; антропологи и археологи; морские инженеры и судостроители; генеральные директора, управляющие кадровыми ресурсами.

В будущем может возникнуть много новых специальностей и профессий, которые обусловлены не только четвертой промышленной революцией, но и факторами, не связанными с технологией, например, обострением глобальной демографической проблемы, геополитическими сдвигами, новыми социокультурными нормами. Эти факторы трудно прогнозировать в настоящее время, но становится очевидным, что основным производственным фактором, скорее всего, будет не капитал, а уровень подготовки кадров. Поэтому именно кадровый дефицит, а не недостаток капитала, будет являться сдерживающим ограничением для введения инноваций, повышения конкурентоспособности и роста современной экономики.

Происходящие глобальные тренды в развитии мирового хозяйства будут оказывать непосредственное влияние на экономическое развитие всех стран мирового сообщества. Находясь в единой мировой системе координат, Россия неизбежно будет испытывать влияние происходящих макроэкономических и социальных процессов, от которых неотделим и ее рынок труда, испытывающий потребность в современных креативных кадрах.

В современном мире конкуренция экономики между странами постепенно превращается в конкуренцию принадлежащего им человеческого капитала, который по словам индийского ученого Нандана Нилекани, стал атлантом, высоко несущим современную экономику на своих плечах. Ученый отмечал, что современные технологии способны привнести в развитие три составляющие – справедливость, результативность и эффективность [Кузнецова, 2017. С. 16]. Важно подчеркнуть наметившийся в настоящее время перенос акцента с преимущественного производства товаров к проведению исследований, а также тот факт, что класс технических специалистов становится основной профессиональной группой. В России имеется достаточно высокий уровень человеческого капитала, что подтверждается прежде всего высоким уровнем образования трудоспособного населения. Так, удельный вес граждан с высшим образованием в возрасте от 55 до 65 лет составляет около 50% (самый высокий в мире) против 36% в среднем по странам ОЭСР; в категории от 25 до 34 лет – 58% (впереди нас только корейцы, канадцы и японцы), а в ОЭСР в среднем 44% [Education…, 2017].

Более того, наибольшая часть россиян с высшим образованием имеет магистерскую степень. Причем подготовка одного человека со средним специальным и высшим образованием обходится в России в 1,8 раза дешевле, чем в среднем в ОЭСР, что создает предпосылки для более широкого экспорта образовательных услуг. Россия отличается относительно высокой

долей выпускников вузов в сфере естественных наук, инженерии, ИКТ – 28% против 23% в среднем по странам ОЭСР. [Education..., 2017]

Однако, несмотря на достигнутый уровень развития человеческого капитала, в сфере образования России сохраняется серьезная проблема, связанная с наличием отдельных несоответствий запросам меняющейся экономики. Результатом такого несоответствия является слабый трансферт знаний в отечественную экономику. По имеющимся оценкам, интеллектуальный потенциал страны используется максимум на 25%. Так, за 2006 – 2015 гг. в ведущих научных журналах, индексируемых в Web of Science процитировано всего 11 российских публикаций в области машинного обучения (из Китая – 100, США – 334). За этот период вклад роботостроения в добавочную стоимость обрабатывающей промышленности России снизился почти втрое, в отличие от стран ОЭСР и БРИКС. Результаты анализа значений сводного индикатора применения знаний в экономике в странах мира свидетельствует об отрыве России от страны-лидера: за 2013 – 2016 гг. он увеличился более, чем в 1,5 раза. По этому показателю Россия переместилась с 70-ой на 80-ую позицию, а по темпам производительности труда – с 30-ой на 89-ю [OECD Science..., 2017].

Основными проблемами отставания России от соответствующих мировых показателей является, прежде всего, сохранение сырьевой модели развития экономики, которая идет вразрез с текущими тенденциями в глобальной экономике, и, как следствие, отсталая материально-техническая база производства, низкая производительность труда, неэффективность проводимых в 2000-е годы реформ, хроническое недофинансирование в науку, здравоохранение, образование и в целом развитие человеческого капитала [Шлык, 2017. С. 9]. В частности, проводимая реформа в сфере науки и образования ведет к сокращению кадрового потенциала (только за 2000 – 2011 гг. численность исследователей сократилась с 426 тыс. до 375 тыс.), количества образовательных программ учреждений, реализующих как программы среднего профессионального образования, так и в сфере высшего образования. В результате в системе профессионального образования сохраняется устоявшаяся диспропорция не только по уроню образования, но и в подготовке по группам профессий и специальностей. Так, с 1990 г. по 2015 г. выпуск в государственных и муниципальных вузах специалистов в области экономики и управления вырос более чем в два раза на фоне сокращения выпуска специалистов для машиностроения, приборостроения, электроники, технологии товаров народного потребления. При этом, уровень трудоустройства выпускников учебных заведений высшего и особенно среднего профессионального образования находится на уровне около 30%, при том, что особенно остро ощущается нехватка специалистов среднетехнического уровня [Никонова, 2018. С. 24].

Основной причиной сложившегося положения является несоответствие обучающихся специалистов запросам современного рынка труда. Особенно остро данная проблема проявляется на региональном уровне. В России, несмотря на единые институты управления во всех регионах, имеют место разные их возможности для реализации своего кадрового потенциала, что объясняется, прежде всего, разным уровнем социально-экономического развития. Наиболее остро данная проблема проявляется в наименее развитых (депрессивных) регионах страны, к числу которых относится Дальневосточный регион.

Для Дальнего Востока, приоритетное развитие которого в течении многих лет предусмотрено в принимаемых многочисленных отраслевых и федеральных программах, проблема подготовки и закрепления молодых специалистов стоит особенно остро (низкий уровень жизни, сохраняющаяся миграция и т. д.). В этой связи без наличия соответствующего кадрового потенциала вряд ли получат свое эффективное развитие внедряемые в регионе такие экономические институты, как территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), создаваемые кластеры судостроения (на базе ОАО «ДВ центра судостроения и судоремонта» в Приморском крае), авиастроения в г. Комсомольске на Амуре в Хабаровском крае и т. д.

Только на предприятиях, созданных ТОСЭР планируется создать около 40 тыс новых рабочих мест. Учитывая отраслевую направленность ТОСЭР и предполагаемых здесь предприятий, наиболее востребованными будут специалисты инженерно-технического профиля. Как свидетельствуют результаты социологического исследования ученых Дальневосточного института управления (филиал РАНХиГС), в ближайшей перспективе на Дальнем Востоке будут востребованы специалисты в транспортном комплексе, логистике, газохимической отрасли, судостроении и судоремонте, авиастроении, агропромышленном комплексе. [Березутский, 2018. С. 77] Для их эффективного функционирования достаточно остро стоит проблема подготовки специалистов востребованных профессий с учетом возрастающих требований национального и международного рынка труда.

Решение данной проблемы возможно только при тесном взаимодействии государственных структур, бизнеса, науки и образования, понимая, что именно профессиональная подготовка и переподготовка кадрового потенциала с учетом потребностей современного рынка труда является залогом успешного встраивания отечественной экономики в мировую глобальную систему.

Список литературы:

1. Березуцкий Ю. В. Профессиональное самоопределение молодежи в оценке учащихся и их родителей // Власть и управление на Дальнем Востоке, 2018. № 3. С. 72–88.

2. Галичин В. А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития. М.: «Депо», 2015.

3. Гурдин К. Экономический театр теней – 2019 // Аргументы недели. 2018. № 51 (644). С. 7.

4. Кузнецова Г. В. Современное положение России на мировом рынке НИОКР // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 2. С. 15–23.

5. Спартак А. Н. Интеллектуализация международной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 7–24.

6. Тодосийчук А. О кадровом обеспечении инновационного развития российской экономики // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 11. С. 20–30.

7. Никонова А. А. Потенциал и инструменты роста инновационных производств в процессе формирования нового уклада экономики: системный подход // Экономист. 2018. № 10. С. 20–39.

8. Хохлова М. Г., Хохлов И. И. Молодежь на российском рынке труда // МЭМО, 2018, том 62. № 9. С. 88–96.

9. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция (перевод с английского). М.: ЭКСМО, 2016 (TOP BUSSINES AWARDS).

10. Шлык Н. Л. Экономика в России: реалии и перспективы // Вестник ХГУЭП. 2017. № 3. С. 4–14.

11. Education at a Glance 2017. OECD Indicators // OECD 2017, p. 250–256 (дата обращения 14.10.2018 г.).

12. The Global Competitiveness Report 2017 – 2018. Geneva: World Economic Forum. 2017, p. 249.

13. Education at a Glance 2018. – Paris: OECD Publishing 2018, pp. 47–48, 54–55.

14. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: The digital transformation. Paris : OECD Publishing. 2017, pp. 34, 36.

Библиографическое описание статьи

Шлык Н. Л. Проблема подготовки кадров при переходе экономики к новому технологическому укладу // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 77–83. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-77-83

Nadezhda L. Shlyk – Candidate of Economics, Professor, Department of World Economy and Customs Regulations, Khabarovsk State University of Economics and Law (134, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). *E-mail: nlshlyk@yandex.ru*

The Issue of the Workforce Training within the Economic Transition to the new Technological Level

In this article the author analyses the development tendencies of the workforce training strategies due to the transition of the global economy into the Industry 4.0 level. This level of technological development is based on the innovative development and formation of the high quality human resources, as well as on the growing significance of the education establishments and ongoing training programs. New technologies bring vital changes to the labor market, affecting demand for certain professions and qualifications. The author looks at possible changes in professional development of young specialists in Russia, describes current problems in workforce training programs, and searches for possible solutions that could insure effective development of the human resources at the regional level. Regional economic specifics have to be taken in consideration, as well as the current process of formation of the industrial clusters and the Priority Social and Economic Development Areas. From this point there should be expected a high demand in engineers and technical specialists for construction, transportation, logistics, shipbuilding, aircraft building, oil and gas industry. To supply this demand state offices have to work closely together with business representatives, science and educational establishments.

Keywords: *Industry 4.0, Priority Social and Economic Development Area, innovations, development, human resources, workforce, educational industry, global economy, Russia, the Far East.*

References:

1. Berezutsky Yu. V. Professional self-determination of young people in the evaluation of students and their parents *Vlast' i upravleniye na Dal'nem Vostoke* [Power and Administration in the Far East], 2018, no. 3, pp. 72–88. (In Russian).

2. Galichin V. A. The international market of educational services: the main characteristics and development trends. M.: "Depot", 2015. (In Russian).

3. Gurdin K. Economic shadow theater - 2019 *Argumenty nedeli* [Arguments of the week], 2018, no. 51 (644), p. 7. (In Russian).

4. Kuznetsova G. V. The current position of Russia on the world R & D market *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2017, no. 2, pp. 15–23. (In Russian).

5. Spartak A. N. Intellectualization of international trade *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2018, no. 4, pp. 7–24. (In Russian).

6. Todosiychuk A. On the staffing of the innovative development of the Russian economy *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the theory and practice of management], 2016, no. 11, pp. 20–30. (In Russian).

7. Nikonov A. A. Potential and tools for the growth of innovative industries in the process of forming a new way of economics: a systematic approach. *Ekonomist* [Economist], 2018, no. 10, pp. 20–39. (In Russian).

8. Khokhlova M. G., Khokhlov I. I. Young People on the Russian Labor Market. *MEMO* [MEMO], 2018, vol. 62, no. 9, pp. 88–96. (In Russian).

9. Schwab Klaus. The fourth industrial revolution (translated from English). M .: EKSMO, 2016 (TOP BUSSINES AWARDS). (In Russian).

10. Shlyk N. L. Economics in Russia: Realities and Prospects. *Vestnik KHGUEP* [Vestnik KSUEP], 2017, no. 3, pp. 4–14. (In Russian).

11. Education at a Glance 2017. OECD Indicators. *OECD* [OECD], 2017, pp. 250–256 (the date of the appeal is 10/14/2018).

12. The Global Competitiveness Report 2017 – 2018. Geneva: World Economic Forum. 2017 p. 249.

13. Education at a Glance 2018. - Paris: OECD Publishing 2018, pp. 47–48, 54–55.

14. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: The digital transformation. Paris: OECD Publishing. 2017, pp. 34, 36.

Reference to the article

Shlyk N. L. The Issue of the Workforce Training within the Economic Transition to the new Technological Level // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 77–83. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-77-83

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-84-91
УДК 656.2:311

А. О. Томаев

Анализ структуры внутренних грузовых перевозок России железнодорожным транспортом

***И**сследование посвящено анализу внутренней торговли России с учетом структуры внутренних грузовых перевозок железнодорожным транспортом. Статья опирается на базу данных о всех грузовых железнодорожных перевозках за период с 2012 по 2016 гг. Эти данные отражают лишь часть внутренних товарных потоков, однако на железнодорожный транспорт приходится их значительная доля. Внутренняя торговля России сравнивается по структуре как с внешней торговлей страны, так и с внутренними товарными потоками США. Также в статье используется теория «экономической сложности» экспорта стран для выявления в структуре внутренней торговли товарных групп, находящиеся в наиболее выгодных областях пространства товаров, предполагая, что они могут быть лучшими претендентами на выход на мировой рынок с точки зрения стимулирования экспортной диверсификации и экономического роста.*

***Ключевые слова:** грузовые перевозки железнодорожным транспортом, структура внутренней торговли России, экономическая сложность.*

Структура внешней и внутренней торговли страны может существенно различаться. Считается, что производства, отправляющие продукцию на экспорт, являются более конкурентоспособными, чем неэкспортирующие. Значение структуры экспорта рассматривается как важнейший показатель в научных работах, затрагивающих понятие экономической сложности. К примеру, существуют свидетельства каузальности качества экспорта страны, определяемого как как степень схожести его структуры со структурами экспорта развитых государств, и темпов экономического роста в будущем . При этом встает вопрос о том, как добиться высокого качества структуры экспорта. Одним из возможных решений может быть повышение продуктивности в секторах, производящих товары, активно торгуемые на внутреннем рынке, но пока неконкурентоспособные на мировом уровне.

Ниже произведен анализ структуры внутренней и внешней торговли России на основе физических и стоимостных объемов. Важно отметить, что располагаемые данные о внутренних товарных потоках России содержат информацию только по массе перевезенных по железной дороге грузов. Чтобы осуществить переход к стоимостному выражению, на основе данных по внешней торговле Федеральной таможенной службы высчитывалась средняя удельная стоимость экспортируемых товаров в рамках каждого кода ОКВЭД (на уровне трех знаков), и полученные числа затем умножались на физические объемы (массу) внутренних потоков товаров данных секторов.

На рисунке 1 представлены отрасли (на уровне двух знаков ОКВЭД) с наибольшей долей в экспорте, отправленном по железным дорогам (для максимальной сравнимости). Доли вычислены по физическим объемам. Данные отражают экспорт за 2016 год; источником выступает база данных ФТС.

Как показывает рисунок 1, больший объем экспорта по железным дорогам пришелся на добычу угля и торфа; примерно одинаковый объем – на химическое производство и производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов.

Александр Олегович Томаев – научный сотрудник, Институт отраслевых рынков и инфраструктуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (119571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 84). *E-mail: tomaev-ao@ranepa.ru*

Рис. 1. Доли различных секторов в общем физическом объеме экспорта железнодорожным транспортом в 2016 г.

Рис. 2. Доли различных секторов в общем стоимостном объеме экспорта железнодорожным транспортом в 2016 г.

Рис. 3. Доли различных секторов в общем физическом объеме внутренних грузовых потоков в 2016 г.

На рисунке 2 доли отраслей в экспорте вычислены по стоимостным объемам. Как и можно было ожидать, в этом случае картина иная, так как удельная стоимость различных групп товаров зачастую значительно отличается.

Состав десяти наиболее крупных отраслей в экспорте почти такой же: 8 из 10 отраслей, отмеченных на рисунке 1, указаны и на рисунке 2. Однако на первое место по доле в общем стоимостном объеме экспорта посредством железнодорожного транспорта выходит производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов. Единственный новый сектор, представленный на рисунке 2, это производство готовых металлических изделий. Отметим также, что степень диверсифицированности экспорта в обоих случаях примерно одинаковая.

На рисунке 3 приведена структура внутренних товарных потоков. Ее анализ произведен на основе как физических, так и стоимостных объемов. Рассматриваются как межрегиональные, так и внутрирегиональные перевозки посредством железнодорожного транспорта за 2016 г.

Крупнейшим сектором здесь является добыча прочих полезных ископаемых, которая вообще отсутствовала среди главных статей экспорта. Из других отличий можно отметить важное место производства прочих неметаллических минеральных продуктов во внутренних торговых потоках и относительно низкую долю химического производства.

Очевидно, отличие структуры внутренних перевозок в денежном выражении (рис. 4) от структуры внутренних перевозок в тоннах носит существенный характер, однако, как и в случае с экспортом, состав крупнейших статей в случае анализа физических и стоимостных объемов схож. Первым сектором по стоимостному объему является металлургическое производство с долей около 20%. Производство прочих неметаллических минеральных изделий, как и лесное хозяйство, не входит в первую десятку. Низкая стоимость тонны угля выражается в том, что доля соответствующего сектора в общем стоимостном объеме грузов в пять раз ниже, чем в общем физическом объеме.

В то же время в сравнении со стоимостной структурой экспорта в структуре внутренней торговли появляются новые сектора. В первую очередь, это добыча прочих полезных ископаемых, отсутствовавшая в десятке крупнейших статей экспорта (эти грузы с малой удельной стоимостью, очевидно, не выгодно поставлять на экспорт). Также, добавляются производство машин и оборудования, а также производство электрических машин и электрооборудования. Добыча сырой нефти и природного газа находится на пятом месте, тогда как в структуре по экспорту (рис.

Рис. 4. Доли различных секторов в общем стоимостном объеме внутренних грузовых потоков в 2016 г.

Рис. 5. Доли различных секторов в общем физическом объеме внутренних железнодорожных перевозок США в 2015 г.

Рис. 6. Доли различных секторов в общем стоимостном объеме внутренних железнодорожных перевозок США в 2015 г.

1, 2) ее не было. По-видимому, на внешние рынки эти продукты отправляются другими способами.

Сравнение структуры и динамики внутренних товарных потоков РФ с использованием железнодорожного транспорта с теми же показателями в других странах может помочь лучше интерпретировать описанную картину. С географической точки зрения США представляют собой подходящий пример для сравнения. Проводимый каждые пять лет опрос Commodity Flow Survey дает информацию о грузовых перевозках внутри этой страны различными видами транспорта. В данной статье исполь-

зуется статистика по железнодорожным перевозкам (данные не включают Аляску, Гавайи и округ Колумбия).

Ключевой особенностью структуры внутренних перевозок железнодорожным транспортом в США (рис. 5) является то, что уголь занимает в них около 45%, что более, чем в два раза превышает аналогичный показатель для России. Другой яркой особенностью является существенная доля зерновых. Они занимают вторую позицию с долей в 11%. В России соответствующая доля продукции сельского хозяйства составляет лишь около 2%.

В стоимостной структуре, представленной на рисунке 6, уже нет одной явной группы-лидера. Крупнейшие товарные группы, пластик и резина, а также основные химические вещества занимают примерно по 14%.

Хотя в США уголь занимает существенно большую долю в суммарном натуральном объеме железнодорожных перевозок, суммарно доля необработанных полезных ископаемых составляет около 55%, тогда как в России этот показатель близок к 60%. Разумеется, в одном случае мы имеет деление на секторы, а в другом – на товарные группы, однако и такое сравнение позволяет понять общую картину. В случае же, когда мы анализируем стоимостные объемы, в десятке крупнейших товарных групп США оказываются лишь недрагоценные металлы и уголь с суммарной долей около 12%. Похожее суммирование долей российских добывающих секторов дает общую долю в 35%, что примерно в три раза выше американского показателя.

Далее мы используем приведенную статистику для применения концепций экономической сложности и пространства товаров. В работе Хаусмана [Hausmann et al. 2014] иллюстрируется пространство всех экспортируемых в мировой экономике продуктов. Каждый круг на плоскости представляет определенный продукт, а линии соединяют те пары товаров или товарных групп, которые могут с большой вероятностью экспортироваться одной и той же экономикой, так как требуют схожих компетенций и технологий. Страна, экспортирующая товар из области пространства, где находится большое количество связанных продуктов, имеет возможность значительно диверсифицировать экспорт.

Согласно исследованию Гидальго и соавторов [Hidalgo et al. 2007], более качественные и дорогие (upscale) товары находятся как раз в местах наиболее плотного расположения товаров. В число таковых входят электроника, продукция машиностроения, фармацевтики, химической отрасли, строительные материалы, одежда и прочее. Таким образом, производя указанные товары, страна имеет не только высококачественный экспорт и технологии, необходимые для его производства, но и важнейшую возможность поставки на мировой рынок все новых товаров.

Главный вывод, который можно сделать, опираясь на вышеизложенные исследования, состоит в том, что Россия мало экспортирует продукты из наиболее выгодных областей пространства. Почти все статьи ее экспорта относятся к периферийным.

Научные исследования свидетельствуют о том, что в большинстве случаев расширение линейки экспортируемых продуктов происходит за счет освоения товаров, максимально близких (в терминах пространства продуктов) к тем, которые страна уже отправляла на зарубежные рынки. С этой точки зрения возможности России по диверсификации экспорта сложно назвать большими.

Разумно предположить, что возможности для отправки на экспорт товаров, торгуемых внутри страны, больше, чем возможности для экспорта непроизводимых или малоторгуемых товаров, так как в первом случае в экономике уже имеются необходимые навыки и технологии, пусть они и требует совершенствования. Есть ли с этой точки зрения у России потенциальные возможности для поставки на мировой рынок продукции из наиболее выгодных областей пространства товаров?

В структуре внутренней торговли, в отличие от внешней, достаточно крупные доли занимают производство машин и оборудования (4%) и производство

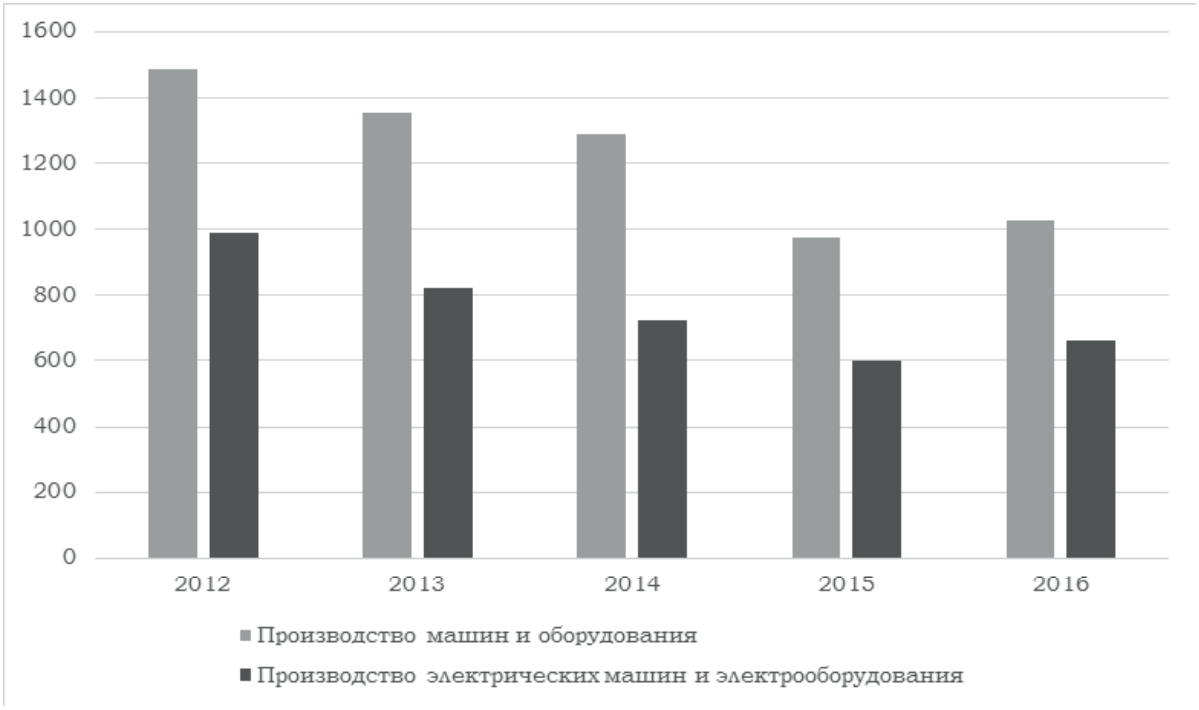

Рис. 7. Динамика внутренней торговли по двум секторам, тыс. т.

электрических машин и электрооборудования (3%). Продукты этих секторов находятся в наиболее «густой» части пространства товаров, что позволяет экспортирующим их странам переключаться на производство похожей продукции. Поставляя на мировой рынок хотя бы один товар из данной области, страна может относительно легко диверсифицировать свой экспорт.

На рисунке 7 представлена динамика внутренней торговли по этим двум кодам ОКВЭД. Надо отметить, что она соответствует общей динамике снижения объемов внутренней торговли в указанный период (с 836 млн т. в 2012 г. до 765 млн т. в 2016 г.).

В производстве машин и оборудования в 2016 г. 52% занимало производство механического оборудования, куда входят двигатели, турбины, насосы и прочее. Соответствующие продукты соединены на пространстве товаров со многими другими. В рамках второй группы товаров наибольшую долю в 2016 г. (70%) занимало производство электродвигателей, генераторов и трансформаторов. Как показывает пространство товаров, поставка этой продукции на международный рынок открывает хорошие возможности к дальнейшей диверсификации экспорта и, как следствие, более высоким темпам экономического роста.

Таким образом, при анализе торговли посредством анализа грузовых перевозок железнодорожным транспортом среди важнейших наблюдений можно отметить следующее. В числе десяти крупнейших по стоимости секторов во внутренней и внешней торговле находятся примерно одни и те же отрасли, однако в экспорте лидируют продукты нефтепереработки (плюс производство кокса и ядерных материалов) и химического производства, тогда как во внутренней – продукция металлургического производства и добычи прочих полезных ископаемых. Последний сектор, занимая около 15% в объеме внутренних перевозок, вообще не входит в число крупнейших статей экспорта. В натуральном выражении общий объем внутренних перевозок в период с 2012 по 2016 гг. снизился почти на 9%. Сравнение структур внутренних перевозок России и США показывает, что в Российской Федерации доля полезных ископаемых в общем стоимостном объеме грузоперевозок посредством железнодорожного транспорта примерно в три раза выше. Отдельной задачей статьи являлся поиск поставляемых регионами

на внутренний рынок товаров, которые находятся в выгодных областях пространства товаров, составленного согласно концепции экономической сложности. Если предположить, что экспорт таких товаров является более доступной задачей, чем экспорт продукции, которая не занимает существенной доли во внутренней торговле, то с точки зрения долгосрочной экспортной диверсификации российской экономике выгоднее всего повышать эффективность и выводить на международный рынок производство машин и оборудования, а также производство электрических машин и электрооборудования.

Список литературы:

1. Любимов И. Л. и др. Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. №. 2. С. 94–122.

2. Любимов И. Л., Лысюк М. В., Гвоздева М. А. Атлас экономической сложности российских регионов //Вопросы экономики. 2018. №. 6. С. 71–91.

3. Deardorff A. V. Testing trade theories and predicting trade flows //Handbook of international economics. 1984. Т. 1. С. 467–517.

4. Hausmann R. et al. The atlas of economic complexity: Mapping paths to prosperity. Mit Press, 2014.

5. Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. What you export matters //Journal of economic growth. 2007. Т. 12. №. 1. С. 1–25.

6. Hidalgo C. A. et al. The product space conditions the development of nations // Science. 2007. Т. 317. №. 5837. С. 482–487.

7. Leamer, The Commodity Composition of International Trade in Manufactures: An Empirical Analysis // Oxford Economic Papers, New Series, Vol. 26, No. 3, pp. 350–374, 1974

8. Linder S. B. An essay on trade and transformation. Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1961. С. 82–109.

9. Melitz M. J. The impact of trade on intra industry reallocations and aggregate industry productivity // econometrica. – 2003. Т. 71. №. 6. С. 1695–1725.

10. Tinbergen J. An analysis of world trade flows // Shaping the world economy. 1962. С. 1–117.

Библиографическое описание статьи

Томаев А. О. Анализ структуры внутренних грузовых перевозок России железнодорожным транспортом // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 84–91. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-84-91

Aleksandr O. Tomaev – researcher, RANEPA Institute for Industry Markets and Infrastructure (84, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation 119571). *E-mail: tomaev-ao@ranepa.ru*

Russia's domestic rail freight traffic analysis

In this paper, Russia's domestic trade carried by rail is analyzed. The dataset used is a complete record of all intra- and inter-regional shipments that covers a 5-year period from 2012 to 2016. Certainly, these data reflect only a part of the total domestic trade in the mentioned period, but the rail freight traffic accounts for a significant proportion of it and may represent important patterns. The internal trade of Russia is compared in the structure both with the export of the country and with the internal trade flows of the USA. The article also uses the "economic complexity" concept to identify goods in the Russia's domestic trade structure, which are located in the most profitable areas of the product space, suggesting that they can be the best contenders for entering the global market in terms of promoting export diversification and economic growth.

Keywords: *irail freight traffic, internal trade structure, economic complexity*

References:

1. Lyubimov I. L. and others. The complexity of the economy and the possibility of diversification of exports in Russian regions. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of New Economic Association], 2017, no. 2, pp. 94–122. (In Russian).

2. Lyubimov I. L., Lysyuk M. V., Gvozdeva M. A. Atlas of the Economic Complexity of Russian Regions. *Voprosy ekonomiki* [Voprosy Economiki], 2018. no. 6, pp. 71–91. (In Russian).

3. Deardorff A. V. Testing trade theories and predicting trade flows. S*pravochnik po mezhdunarodnoy ekonomike* [Handbook of international economics], 1984, vol. 1, pp. 467–517.

4. Hausmann R. et al. The atlas of economic complexity: Mapping paths to prosperity. Mit Press, 2014.

5. Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. What you export matters. *Zhurnal ekonomicheskogo rosta* [Journal of economic growth], 2007, vol. 12, no. 1, pp. 1–25.

6. Hidalgo C. A. et al. The product space conditions the development of nations. *Nauka* [Science], 2007, vol. 317. no. 5837, pp. 482–487.

7. Leamer, The Commodity Composition of International Trade in Manufactures: An Empirical Analysis. *Oksfordskiye Ekonomicheskiye Bumagi*, *Novaya Seriya* [Oxford Economic Papers, New Series], 1974, vol. 26, no. 3, pp. 350–374.

8. Linder S. B. An essay on trade and transformation. Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1961, pp. 82–109.

9. Melitz M. J. The impact of trade on intra industry reallocations and aggregate industry productivity. *Ekonometrika* [Econometrics], 2003, vol. 71, no. 6, pp. 1695–1725.

10. Tinbergen J. An analysis of world trade flows. *Formirovaniye mirovoy ekonomiki* [Shaping the world economy], 1962, pp. 1–117.

Reference to the article

Tomaev A. O. Russia's domestic rail freight traffic analysis// Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 84–91. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-84-91

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-92-100
УДК 338.48

М. В. Вихорева
В. В. Мачульский

Проблемы и тенденции развития туризма в субъектах Российской Федерации

В *статье проведен анализ и подведены некоторые итоги реализации туристского потенциала в некоторых субъектах РФ, характеризующихся субарктическим климатом. Предметом изучения данной публикации является политика органов исполнительной власти субъектов РФ по реализации туристского потенциала соответствующих регионов. Основной акцент сделан на природных объектах показа, которыми обладает каждый из рассмотренных регионов. Рассмотрены региональные целевые программы и их основные результаты, по которым можно судить об уровне развития туризма. Для достижения поставленной цели авторами был использован сравнительный и сопоставительный анализ, для оценки некоторых показателей привлечены данные ретроспективного анализа. Сделан вывод о возможностях рассматриваемых регионов по развитию туризма с учетом уже имеющихся объектов показа и планируемых к реализации проектов в сфере туризма, основанного на природных достопримечательностях. Результаты предпринятого исследования могут представлять интерес при разработке целевых программ и проектов в сфере туризма на региональном уровне, а также при реализации интеграционных туристических проектов, основанных на межрегиональном взаимодействии и кооперации. Авторам приходится констатировать, что, несмотря на огромный природный потенциал для развития туризма, все еще остается много проблем, связанных, прежде всего, со слабым развитием инфраструктуры, необходимостью корректировки и актуализации стратегий и программ регионов в сфере туризма. Только при непосредственном участии органов власти субъектов РФ можно ожидать полноценной реализации туристского потенциала.*

Ключевые слова: *туристский потенциал, региональные целевые программы, туристские объекты.*

С повышением уровня транспортной доступности территорий для многих из них стала возможной реализация туристского потенциала. По словам руководителя Федерального агентства по туризму Олега Сафонова, уже сейчас доля только внутреннего туризма в России составляет 3,4% валового внутреннего продукта[1].

Рост этого показателя определяется, прежде всего, способностью территорий привлекать туристов, т. е. туристским потенциалом, который находит свое воплощение и в формировании туристской инфраструктуры, и в коммуникациях с потенциальными и реальными потребителями, и в реализации политики органов власти в сфере туризма.

В настоящее время устойчивое развитие туризма принадлежит к числу наиболее обсуждаемых и дискуссионных исследовательских вопросов [Морозов, Рубцова, 2016]. С ростом численности

[1] *Пункт назначения — Россия: рост популярности внутреннего и въездного туризма. Доклад О. П. Сафонова, руководителя Федерального агентства по туризму на Петербургском международном экономическом форуме 2017. URL: https://www.forumspb.com*

Мария Васильевна Вихорева – кандидат экономических наук, доцент, доцент Байкальский государственный университет (664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11). *E-mail: vmv2000@mail.ru*

Виталий Владимирович Мачульский – магистрант, Байкальский государственный университет (664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11). *E-mail: vitaly.machulsky@gmail.com*

населения планеты и активным экономическим ростом отдельных стран, все больше людей выезжают за границу, а так же путешествуют по своим странам с целью отдыха и получения новых впечатлений и ощущений. Растет потенциал и конкуренция регионов планеты в погоне за лидерством в привлечении туристов на свою территорию. Это является одним из ведущих факторов развития инфраструктуры и привлекательности населенных пунктов. Например, в Республике Монголия строят развитие туризма вокруг значимого природного объекта – озера Хубсугул [Полякова, 2013].

В настоящей статье мы уделим внимание последствиям уже осуществленной политики по реализации туристского потенциала таких субъектов РФ, как Республика Алтай, Республика Карелия, Хабаровский край, Вологодская и Иркутская области (табл. 1).

При формировании выборки субъектов РФ учитывались следующие параметры: значимыми природными объектами являются озёра, довольно суровые климатические условия – все рассматриваемые регионы характеризуются субарктическим климатом, а это предполагает если не отсутствие, то низкую продолжительность климатического лета.

В Иркутскую область туристов привлекает, прежде всего, уникальная природная достопримечательность – озеро Байкал, которое мы и использовали как опору при подборе регионов для анализа. До недавнего времени можно было с уверенностью связывать развитие туризма на озере Байкал с развитием территории так называемого «Байкальского региона». Рост интереса к Байкальскому региону как туристической зоне проявляется в «формировании единого туристского и экономического пространства Байкальского региона и всей Байкало-Монгольской Азии», что, в частности, по разным оценкам может привести к увеличению потока иностранных туристов на 15% – 20% [Суходолов, Бережных, 2011]. Следует отметить, что 3 ноября 2018 г. Указом Президента РФ № 632[2] два субъекта РФ – Республики Бурятия и Забайкальского края – вошли в состав Дальневосточного федерального округа. Кроме того, туризм на Байкале в основном представлен на территории Иркутской области, а не Республики Бурятия, о чем свидетельствует объем туристских услуг, предоставленных на территории этих субъектов. Так, в денежном выражении этот объем почти вдвое больше в Иркутской области [Ковынева, 2018]. Хотя нельзя игнорировать тот факт, что Республика Бурятия наращивает объем платных услуг в сфере туризма очень высокими темпами, если в 2012 г. в рейтинге регионов России по объему платных услуг в сфере гостеприимства Иркутская область занимает 18-е место, Бурятия – 49-е [Исаева, Вихорева, 2012], а по данным за 2018 г. 20-е и 37-е места соответственно[3].

Кроме озера Байкал, в регионах с субарктическим климатом, рассматриваемых в данной статье, можно выделить: Онежское и Ладожское озера Республики Карелия, Телецкое озеро Республики Алтай, Белое озеро Вологодской области. Конечно озера это не единственные, и даже не самые популярные достопримечательности этих регионов, но наличие природных заповедников, гейзеров, лесов и гор делает их равновесными соперниками Иркутской области. В Хабаровском крае предлагаются такие интересные маршруты как «Ихтиофауна Хабаровского края» (трофейная и зимняя рыбалка, рыболовные сплавы по горным рекам края); «По следу тигра» (тропы и места обитания крупнейшего тигра на земле) [Ковалевская, 2018].

В данное исследование не включены регионы, имеющие большее количество популярных неприродных достопримечательностей по сравнению с природными, а так же резко контрастирующие с Иркутской областью по уровню экономического развития (исключение Республика Алтай, имеющая большой туристический потенциал). Республика Бурятия является приграничной территорией и тот

[2] *Указ Президента РФ от 3 ноября 2018 года: О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года №849*

[3] *Портал Федерального агентства по туризму РФ. URL: https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-dannye-po-rf-2018/*

Таблица 1

Базовые характеристики исследуемых субъектов РФ

Субъект РФ	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Площадь, в км^2	Население, на 2018 г., млн чел.
Республика Алтай	213,5	92903	0,22
Республика Карелия	371,5	180520	0,62
Хабаровский край	478,0	787633	1,33
Вологодская область	410,0	144527	1,18
Иркутская область	443,3	774846	2,4

Источник: составлено авторами по материалам Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru

факт, что она имеет непосредственный доступ к озеру Байкал, делает нецелесообразным сравнение с ней. Из регионов Дальнего Востока был рассмотрен Хабаровский край. Он является хорошим примером субъекта с низкой плотностью населения и наличием большого количества объектов познавательного туризма.

При этом стоит отметить, что в регионах Сибирского федерального округа наблюдается стремление к реализации совместных туристских проектов в целях развития эко- и этнотуризма: в Русское географическое общество направлены предложения для формирования межрегионального маршрута «Золотое кольцо Сибири», объединяющего регионы Сибирского федерального округа [Новичкова, 2018].

Рассмотрим некоторые базовые характеристики исследуемых субъектов РФ (табл. 1).

По уровню ВРП на душу населения отстает Алтай, однако количество туристов, посетивших эту республику в 2017 г., даже выше чем в других регионах, данная территория обладает обширным количеством природных туристских зон.

Опережая другие регионы из исследуемого перечня по уровню ВРП, Иркутская область имеет хорошую базу для развития туризма. В этом плане Иркутская область оказывается одним из лидеров, однако, стоит заметить, что лишь небольшая часть площади является востребованной в качестве туристического объекта: как показывает популярный среди путешественников сайт TripAdvisor, практически все достопримечательности находятся в городе Иркутск и на побережье Байкала.

Какими бы природными достопримечательностями не обладала территория, для полноценной реализации туристского потенциала необходим финансовый ресурс. Одним из инструментов формирования финансовых потоков для развития туризма является государственная целевая программа.

В таблице 2 аккумулирована информация о завершенных и реализуемых в настоящий момент региональных целевых программах в сфере развития и реализации туристского потенциала рассматриваемых субъектов РФ.

Государственные программы развития туризма есть в каждом регионе кроме Иркутской области, где реализуется подпрограмма (исходя из этого, очевидно, что объем финансирования ниже, чем в других рассматриваемых регионах). Кроме того, например, Хабаровский край помимо региональной целевой программы, еще включен в Программу развития Дальнего Востока до 2025 г., и на развитие туризма на территории Хабаровского края будет выделено 2 249 838 тыс. руб., в том числе из федерального бюджета 382 750 тыс. руб.; консолидированного бюджета субъекта РФ 255 522 тыс. руб. и за счет юридических лиц 1 611 566 тыс. руб. [Третьяков, Кузнецова, 2015]. В целом же, каждый из изученных нами субъектов РФ обладает ресурсами и нормативной базой для развития туризма. В отчетах о деятельности исполнительных органов демонстрируется разная степень успешности проделанной работы, но почти все официальные источники заявляют о достижении целевых показателей на уровне 90 – 99%. На-

Таблица 2

Сравнительный анализ региональных целевых программ в сфере туризма

Субъект РФ	Название целевой программы	Основные цели программы	Финансирование программы	Основные результаты
Республика Алтай	Государственная программа Республики Алтай «Развитие внутреннего и въездного туризма» (2013 – 2018 гг.)	Повышение конкурентоспособности туристского рынка Республики Алтай, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах.	Объемы бюджетных ассигнований в целом на реализацию программы составят 2 925 149,3 тыс. руб.: 945 947,8 тыс. руб. за счет региональных средств, 256 800 тыс. руб. за счет средств федерального бюджета и 1 722 401,5 тыс. руб. за счет иных источников.	Количество туристов за 2017 г. составило чуть более 2 млн. чел., что полностью соответствует ожиданиям от программы. Остальные показатели так же соответствуют ожидаемым конечным результатам реализации программы.
Республика Карелия	Государственная программа Республики Карелия «Развитие туризма в Республике Карелия» на 2016 – 2020 гг.	Развитие туристского комплекса Республики Карелия для обеспечения роста въездных туристских потоков, повышения занятости населения.	Объем финансирования за счет средств бюджета Республики – 117 892,33 тыс. руб., за счет целевых безвозмездных поступлений – 460 825,70 тыс. руб. Всего 578 718,03 тыс. руб.	Информация в открытом доступе не представлена.
Хабаровский край	Государственная программа Хабаровского края «Развитие внутреннего и въездного туризма в Хабаровском крае (2013 – 2020 гг.)»	Создание современного эффективного конкурентоспособного туристского комплекса, обеспечивающего широкие возможности для удовлетворения потребностей российских и иностранных граждан в туристских услуга.	Общий объем финансирования программы составляет 8 592,22 млн. рублей, из которых 1 121,27 млн. из средств краевого бюджета, 90,56 млн. из средств бюджетов муниципальных образований края, 927,00 млн. рублей из средств федерального бюджета и 6 453,39 млн. внебюджетных средств.	Принятие краевого закона о создании благоприятных условий для развития туризма, привлечение государственных и частных инвестиций на реализацию региональной программы развития туризма, обновление материальной базы туркомплекса, внедрение новых проектов туристской направленности, а также создание первой международной туристской ассоциации. [Даниленко, Рубцова, Ласси, 2016]
Вологодская область	Государственная программа Вологодской области «Сохранение и развитие культурного потенциала, развитие туристского кластера и архивного дела Вологодской области на 2015 – 2020 гг.»	Сохранение историко-культурного и документального наследия Вологодской области, совершенствование организации доступа населения к культурным ценностям и информации, приобщение населения к культурному и природному наследию Вологодской области	Общий объем финансового обеспечения за счет средств областного бюджета – 5 355 434,7 тыс.: за счет собственных доходов областного бюджета – 4 933 852,9 тыс. руб., за счет безвозмездных поступлений из федерального бюджета в форме субвенций и субсидий, иных межбюджетных трансфертов – 421 581,8 тыс. руб.	Организовывается ряд мероприятий для привлечения туристского потока, реализуются как минимум три крупных инвестиционных проекта, решается ряд проблем, описанных в ежегодном отчете.
Иркутская область	Подпрограмма «Развитие внутреннего и въездного туризма в Иркутской области на 2015 – 2020 гг.» государственной программы « Экономическое развитие и инновационная экономика на 2015 – 2020 гг.»	Повышение конкурентоспособности и эффективное использование регионального туристского продукта, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах.	Объем финансирования за счет средств областного бюджета составляет 185 601,7 тыс. руб.	Проведены ряд мероприятий с целью содействия туристской деятельности и создания благоприятных условий для ее развития: представление проекта плана мероприятий по развитию рынка туристских услуг, утверждено положение о предоставлении субсидий из областного бюджета с целью финансового обеспечения. проведена организация круглых столов, а так же презентации новых проектов, проводятся обучающие семинары для гидов. Реализуются два крупных проекта: «Иркутские кварталы» и «Солнечная дорога» и т.д.

Источник: составлено авторами по материалам: http://open.minfin-altai.ru/open-budget/gosudarstvennaya-programma-respubliki-altaj/32-razvitie-vnutrennego-i-v-ezdnogo-turizma.html, https://kareliasti.ru/news/turizm-segodnya/, Доклад Управления по туризму Хабаровского края за 2017 г. URL: http://www.travel.khv.ru/pages/172, Публичный доклад о результатах деятельности Департамента культуры и туризма Вологодской области за 2016 г. URL: http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka5/osipovskij_15_01.pdf., Отчет Агентства по туризму Иркутской области о проделанной работе за январь – декабрь 2017 г.

пример, Вологодская область, имея высокую по сравнению с другими регионами финансовую обеспеченность развития туризма, реализует несколько крупных государственных проектов для повышения туристской привлекательности.

Представляет интерес перечень действующих и перспективных туристских объектов в рассматриваемых субъектах РФ (табл. 3).

Плотность туристских объектов (объектов показа) в каждом регионе разная, однако количество наиболее значимых в данной выборке примерно одинаково. Важную роль играет наличие государственных социокультурных проектов, которые являются показателем инвестиционной активности, а так же общего развития сферы привлечения туристов. Абсолютного лидера по данным показателям выявить трудно. Например, плотность прибайкальских объектов туризма в Иркутской области высока, однако остальная площадь области, с точки зрения туристского потенциала, не представляет интереса. Тем не менее, само наличие та-

Таблица 3

Действующие и перспективные туристские объекты

Субъект РФ	Действующие объекты*	Перспективные (опубликованные) проекты
Республика Алтай	Телецкое озеро;Гора Белуха; Горно-Алтайский Ботанический Сад; Озеро Манжерок; Шавлинские озера	«Всесезонный горнолыжный спортивно-оздоровительный комплекс «Манжерок».
Республика Карелия	Музей-заповедник «Кижи»; Валаамский Спасо-Преображенский монастырь; Горный парк Рускеала; Онежское озеро; Национальный парк Паанаярви; Национальный парк «Ладожские шхеры»	Многофункциональный туристско-оздоровительный комплекс «Сямозеро», Туристский центр «Три водопада», Туристский развлекательный комплекс «Вотчина карельского Деда Мороза Талви Укко» и др.
Хабаровский край	Дуссе-Алинь; Амурские столбы; Шантарские острова; Петроглифы Сикачи-Аляна; Озеро Амут; Джугджурский заповедник.	«Формирование туристско-рекреационного кластера «Комсомольский», «Междуречье», национальный парк «Анюйский», развитие новых направлений туризма в рамках проекта «Дальневосточный гектар».
Вологодская область	Вотчина Деда Мороза; Кирилло-Белозерский монастырь; Вологодский кремль; Национальный парк «Русский Север».	«Успешная школа», «Великий Устюг – родина Деда Мороза», «Туристский кластер», «Кадры региона».
Иркутская область	Озеро Байкал; Остров Ольхон; Кругобайкальская Железная Дорога (КБЖД); Поселок Листвянка; Музей Тальцы; Патомский кратер; Иркутская Слобода (130 квартал).	«Иркутские кварталы», «Солнечная дорога», «Байкал: Великое озеро Великой страны», « Резиденция Байкальского Деда Мороза» и др.

** Представлены самые крупные и значимые объекты.*

Источник: Составлено авторами по материалам: mineco04.ru/razvitie-turizma-v-respublike-altay/2016.docx, https://rtournews.ru/blog/tournews/karelija-otchitalas-ob-uvelichenii-turpotoka.html, http://www.travel.khv.ru/pages/170,. http://vologdaregion.ru/news/2017/9/27/turpotok-v-vologodskuyu-oblast-vyros-na-15, https://irkutskmedia.ru/news/677896/, Исследования рынка туризма и путешествий по России и СНГ [Электронный ресурс] // Самые Туристические Регионы России 2017 Года. URL: http://turstat.com/travelrussia2017

Таблица 4

Сравнительный приток туристов в рассматриваемые субъекты РФ за 2016 – 2017 гг.

Регион	Туристский приток, млн.чел.		Абсолютный прирост, млн.чел.	Темп роста,%	Темп прироста, %
	2016	2017			
Республика Алтай	1,98	2,05	0,07	103,54	3,54
Республика Карелия	0,776	0,78	0,004	100,52	0,52
Хабаровский край	0,584	0,56	-0,024	95,89	-4,11
Вологодская область	2,81	2,85	0,04	101,42	1,42
Иркутская область	1,52	1,6	0,08	105,26	5,26

Источник: составлено авторами по материалам: mineco04.ru/razvitie-turizma-v-respublike-altay/2016.docx, https://rtournews.ru/blog/tournews/karelija-otchitalas-obuvelichenii-turpotoka.html, http://www.travel.khv.ru/pages/170,. http://vologdaregion.ru/news/2017/9/27/turpotok-v-vologodskuyu-oblast-vyros-na-15, https://irkutskmedia.ru/news/677896/, Исследования рынка туризма и путешествий по России и СНГ [Электронный ресурс] // Самые Туристические Регионы России 2017 Года. URL: http://turstat.com/travelrussia2017

кого значимого природного объекта как озеро Байкал дает очень сильный импульс к развитию туризма. В качестве результирующего показателя проводимой регионом политики в сфере туризма безусловно является величина туристического притока: именно этот показатель свидетельствует о том, что туристские объекты территорий востребованы, к ним удалось привлечь внимание целевых потребителей и сделать выбор в пользу посещения этих территорий (табл. 4).

Республика Алтай обладает внушительным туристическим притоком, несмотря на самые низкие показатели ВРП среди регионов из списка. Однако эта республика отличается тем, что на сегодняшний день 88,1% туристов, это по-прежнему гости из соседних регионов – регионов Сибирского Федерального Округа[4]. В Республике Карелия относительно невысокий показатель туристического притока обусловлен неразвитостью туристской инфраструктуры. Это делает красоты многогранной карельской природы малодоступными и явно сдерживает развитие туризма на данном этапе [Жукова, 2016]. Вологодская область по всем показателям давно позиционирует себя как пример для других регионов и имеет на то полное право: в 2017 г. область вошла в десятку лучших регионов по итогам Всероссийского рейтинга по оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере туризма, который опубликован Министерством культуры Российской Федерации[5], а по туристическому притоку она занимает лидирующее место в представленном в данной статье списке. На это могло повлиять внедрение кадрового проекта «Команда Губернатора: Ваша оценка», который реализуется с 2013 г.[6]

Проведенное исследование показало, что переосмысление, корректировка политики органов власти по реализации туристского потенциала регионов, формирование новых стратегий и программ развития туризма в субъектах РФ, межрегиональное взаимодействие и коопера-

[4] *Информация о развитии туристической отрасли Республики Алтай. URL: http://www.altai-republic.ru/tourism/development*

[5] *Публичный доклад о результатах деятельности Департамента культуры и туризма Вологодской области за 2016 год. URL: http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka5/osipovskij_15_01.pdf.*

[6] *Официальный портал правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/po_ rezultatam_proekta_komanda_gubernatora_vasha_otsenka_glava_regiona_oleg_ kuvshinnikov_proizvel_ masshtabnuyu_rotatsiyu_chlenov_pravitelstva.*

o-rf-2018/

ция в сфере туризма способны заметно изменить влияние имиджа России как «самой северной страны мира» на одну из категорий целевых потребителей – туристов. Лучшим свидетельством тому является демонстрируемый в рассматриваемых в данной статье регионах прирост туристского притока. Следовательно, политика региональных властей является результативной, однако стоит отдельно рассмотреть вопросы ее эффективности.

Список литературы:

1. Даниленко Н. Н., Рубцова Н. В., Ласси М. Ю. Апробация методики оценки эффективности функционирования социального института в сфере рекреации и туризма региона (на примере сибирской байкальской ассоциации туризма). Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: новые вызовы для менеджмента компаний. Материалы 2-й Всероссийской конференции: в двух частях. под научной редакцией С. В. Чупрова. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 70–79.

2. Жукова А. В. Анализ динамики развития туризма в Республике Карелия // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 382–384. URL https://moluch.ru/archive/108/26001/ (дата обращения: 21.10.2018.

3. Исаева Г. В., Вихорева М. В. Кластерный подход к развитию туристического бизнеса в Байкальском регионе // Государственное регулирование и устойчивое развитие муниципальных образований. Иркутск: Изд-во БГУ, 2012.

4. Ковалевская Н. Ю. Влияние инвестиционного потенциала сферы туризма на конкурентоспособность региона. Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 17 мая 2018 г. : в 2 ч. / под науч. ред. Н. Н. Даниленко, О. Н. Баевой. Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. Ч. 1. 537 с. URL: http://lib-catalog.bgu.ru.

5. Ковынева Л. В. Развитие туризма в Хабаровском крае. Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 17 мая 2018 г. : в 2 ч. / под науч. ред. Н. Н. Даниленко, О. Н. Баевой. Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. Ч. 1. 537 с. URL: http://lib-catalog.bgu.ru.

6. Морозов М. А., Рубцова Н. В. Влияние туризма на устойчивое социально-экономическое развитие региона. Цивилизация знаний: российские реалии: труды Семнадцатой международной научной конференции. М.: Издательство: Российский новый университет, 2016.

7. Новичкова Т. Р. Оценка места Иркутской области в рейтинге туристской привлекательности регионов России. Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов: материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 17 мая 2018 г. : в 2 ч. / под науч. ред. Н. Н. Даниленко, О. Н. Баевой. Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. Ч. 1. 537 с. URL: http://lib-catalog.bgu.ru.

8. Полякова Н. В, Буяннэмэх Т. Продвижение услуг на рынке въездного туризма монголии. Актуальные вопросы современной экономики и менеджмента Заочная международная научная конференция / под научной редакцией Т. Д. Бурменко. Иркутск: Изд-во БГУ, 2013. С. 142–148

9. Суходолов А. П., Бережных В. В. Перспективы российско-монгольского сотрудничества в сфере международного туризма в Байкальском регионе (на примере туристского маршрута Байкал-Хубсугул) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 2. С. 46–46. URL: http://brj-guep.ru/reader/article.aspx?id=7782.

10. Третьяков М. М., Кузнецова Н. С. Оценка уровня развития услуг сферы туризма в Дальневосточном федеральном округе методом кластерного анализа // Известия ИГЭА. 2015. Т. 6. № 1. DOI 10.17150/2072-0904.2015.6(1).7

Библиографическое описание статьи

Вихорева М. В., Мачульский В. В. Проблемы и тенденции развития туризма в субъектах Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 92–100. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-92-100

Maria V. Vikhoreva – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of public management, the Baikal State University (11, Lenin street, Irkutsk, 664003, Russian Federation) *E-mail: vmv2000@mail.ru*

Vitaliy V. Machulskiy – master student, the Baikal State University (11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, Russian Federation). E-mail: vitaly.machulsky@gmail.com

Problems and trends in the development of tourism in the regions of the Russian Federation

T*he article analyzes and assesses the efforts of some subjects of the Russian Federation to develop tourism on its territory. The subject of study of this publication is the efforts of the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation to realize the tourist potential of the respective regions. The main focus is on the natural objects of the display, which each of the regions considered has. The regional target programs and their main results, which can be judged on the level of tourism development, are considered. To achieve this goal, the authors used a comparative and comparative analysis, for some of the assessment of some indicators, data from a retrospective analysis was involved. The conclusion is made about the possibilities of the considered regions for the development of tourism, taking into account the already existing objects of display and plans to implement projects in the field of tourism based on natural attractions. The results of the research undertaken may be of interest in the development of targeted programs and projects in the field of tourism at the regional level, as well as in the implementation of integration tourism projects based on interregional cooperation and cooperation. The authors have to admit that despite the huge natural potential for the development of tourism, there are still many problems associated primarily with the weak development of infrastructure, the need to adjust and update the strategies and programs of the regions in the field of tourism. Only with the direct participation of the authorities of the constituent entities of the Russian Federation can we expect the full realization of the tourist potential.*

Keywords: *tourist potential, regional target programs, tourist facilities.*

References:

1. Danilenko N. N., Rubtsova N. V., Lassi M. Yu. Testing a methodology for evaluating the effectiveness of a social institution in the field of recreation and tourism in the region (using the example of the Siberian Baikal Tourism Association). Activating the intellectual and resource potential of regions: new challenges for the management of companies. Proceedings of the 2nd All-Russian Conference: in two parts. under the editorship of S. V. Chuprova. Irkutsk: BSU Publishing House, 2016. P. 70–79. (In Russian)

2. Zhukova A.V. Analysis of the dynamics of tourism development in the Republic of Karelia. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2016, no. 4, pp. 382–384. URL https://moluch.ru/archive/108/26001/ (access date: 10.21.2018. (In Russian)

3. Isaeva G.V., Vikhoreva M.V. Cluster approach to the development of tourism business in the Baikal region. *Gosudarstvennoye regulirovaniye i ustoychivoye razvitiye munitsipal'nykh obrazovaniy* [State regulation and sustainable development of municipalities]. Irkutsk: BSU publishing house, 2012. (In Russian)

4. Kovalevskaya N. Yu. Influence of the investment potential of the tourism sector on the competitiveness of the region. Activization of the intellectual and resource potential of the regions: materials of the 4th All-Russia. scientific-practical Conf., Irkutsk, May 17, 2018: at 2 am / under scientific. ed. N. N. Danilenko, O. N. Baeva. Irkutsk: BSU Publishing House, 2018. Part 1. 537 p. URL: http://lib-catalog.bgu.ru. (In Russian)

5. Kovyneva L.V. Tourism development in the Khabarovsk Territory. Activization of the intellectual and resource potential of the regions: materials of the 4th All-Russia. scientific-practical Conf., Irkutsk, May 17, 2018: at 2 am / under scientific. ed. N. N. Danilenko, O. N. Baeva. Irkutsk: BSU Publishing House, 2018. Part 1. 537 p. URL: http://lib-catalog.bgu.ru. (In Russian)

6. Morozov M. A., Rubtsova N. V. The

impact of tourism on the sustainable socio-economic development of the region. Knowledge Civilization: Russian Realities: Works of the Seventeenth International Scientific Conference. M .: Publisher: Russian New University, 2016. (In Russian)

7. Novichkova T. R. Evaluation of the place of the Irkutsk region in the rating of tourist attractiveness of the regions of Russia. Activization of the intellectual and resource potential of the regions: materials of the 4th All-Russia. scientific-practical Conf., Irkutsk, May 17, 2018: at 2 am / under scientific. ed. N. N. Danilenko, O. N. Baeva. Irkutsk: BSU Publishing House, 2018. Part 1. 537 p. URL: http://lib-catalog.bgu.ru. (In Russian)

8. Polyakova N. V, Buyannemeh T. Promotion of services in the market of inbound tourism in Mongolia. Topical issues of modern economics and management International Correspondence Scientific Conference / edited by T. D. Burmenko. Irkutsk: BSU Publishing House, 2013. P. 142–148 (In Russian)

9. Sukhodolov A.P., Berezhniy V.V. Prospects for Russian-Mongolian cooperation in the field of international tourism in the Baikal region (on the example of the Baikal-Hubsugul tourist route). *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [News of the Irkutsk State Economic Academy], 2011, no. 2, pp. 46–46. URL: http://brj-guep.ru/reader/article.aspx?id=7782. (In Russian)

10. Tretyakov M.M., Kuznetsova N.S. Evaluation of the level of development of services in the tourism sector in the Far Eastern Federal District using cluster analysis. *Izvestiya IGEA* [Izvestiya IGEA], 2015, vol. 6, no. 1. DOI 10.17150 / 2072-0904.2015.6 (1) .7 (In Russian)

Reference to the article

Vikhoreva M. V., Machulskiy V. V. Problems and trends in the development of tourism in the regions of the Russian Federation // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 92–100. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-92-100

СОЦИОЛОГИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-101-112
УДК 314.7

Н. М. Байков

Социальные представления городских жителей как фактор миграционных намерений и поведения

***В** статье представлен анализ социальных представлений населения городских округов Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре как основных территорий пространственного расселения в Хабаровском крае. Анализ объективных показателей миграции двух городов Хабаровского края, в которых проживает основная часть его населения, демонстрирует сохранение тенденции миграционного оттока жителей. Методами анкетирования и фокус-групповых интервью выявлены социальные представления городских жителей о различных аспектах своей жизнедеятельности, готовности и мотивах миграционного поведения. Показано, что неудовлетворенность значительной части горожан обеспечиванием базовых (витальных) потребностей и средой жизнедеятельности в местах своего проживания формирует в структуре представлений широкий спектр идей, мнений, суждений, оценок, детерминирующих стремление и готовность к выбытию из своих городов.*

***Ключевые слова:** социальные представления, социологические исследования, фокус-группы, Хабаровский край, миграция.*

Российское государство, ставя приоритетом на весь XXI век развитие Дальнего Востока, разрабатывает и внедряет различного рода преференции, налоговые режимы и управленческие модели для привлечения отечественного и зарубежного инвестора. Создание «Территорий опережающего развития» (далее – ТОСЭР), бесплатная раздача «Дальневосточного гектара», «Свободные порты» на тихоокеанском побережье и другие национальные проекты призваны привлечь новое и удержать постоянное население на восточных территориях страны[1].

Однако эти усилия не дают должного эффекта, дальневосточное население продолжает покидать места своего постоянного места жительства, а прибывающие трудовые мигранты, преимущественно из азиатских стран СНГ, не компенсируют миграционную убыль как по количественным, так и по качественным параметрам[2]. Масштабный миграционный отток населения с Дальнего Востока России, начавшийся в 90-е гг. XX в., продолжается, несмотря на усилия, предпринимаемые российской властью[3]. Особую озабоченность вызывают усиливающиеся намерения молодежи покинуть места своего постоянного проживания в регионах Дальнего Востока России, о чем мы писали десять лет назад [Байков, Березутский, 2008]. В последние годы дальневосточная молодежь стала отдельным миграционным

[1] *Дальний Восток – национальный приоритет на весь XXI век. URL: https://minvr.ru/press-center/news/13147/*

[2] *Почему уезжают и как сделать Хабаровск городом “для жизни”? URL: https://www.dvhab.ru/forum/view/504/*

[3] *Как вернуть население на Дальний Восток. URL: https://vz.ru/economy/2018/9/10/941161.html*

Николай Михайлович Байков – д-р социол. наук, профессор, гл. научный сотрудник, Дальневосточный институт управления-филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: nmbaikov@rambler.ru*

потоком, влияющим на динамику населения на Дальнем Востоке и его возрастную структуру [Мотрич, Березутский, 2018].

Социально-экономические и геополитические последствия «опустынивания» малонаселенных территорий несут вызовы и угрозы для национальной безопасности страны. По мнению профессора В. К. Заусаева, методом «проб и ошибок» в макрорегионе формируется консервативно-сырьевой сценарий, который постепенно трансформируется в либерально-сырьевой, наиболее коммерчески эффективный, базирующийся на концессионных отношениях, массированном привлечении иностранных капитала и рабочей силы, ведущий к экономической потере Дальнего Востока. Альтернативным является национальный сценарий, предполагающий превращение макрорегиона в драйвер российской экономики и требующий на начальном этапе значительных как финансовых, так и административных государственных ресурсов» [Заусаев, 2019].

Среди регионов Дальнего Востока России Хабаровский край относится к числу «старых» регионов нового освоения. Его активное заселение начинается со второй половины XIX в., когда Айгунский мирный договор установил четкие границы между Россией и Китаем. До конца последнего десятилетия XX в. край заселялся преимущественно переселенцами из западных и центральных регионов СССР. За счет миграционного притока численность населения края увеличилась и достигла своего максимума в 1,63 млн к 1992 г.[4]

С этих позиций предметом научного анализа в данной статье являются социальные представления жителей главных городов Хабаровского края как триггеры стремлений и готовности покинуть территорию своего проживания. Большая часть участников фокус-групп подтверждает, что население Дальнего Востока до 90-х гг. XX в. формировалось из прибывших из центральных городов и республик бывшего СССР: *«Сам с Украины», «я родился в Ростове-на-Дону»; «из Челябинской области»; «из Эстонии»; «из Северной Осетии»* и т. д. Их судьбы связаны миграционными перемещениями на Дальний Восток по разным причинам: *«После окончания университета по распределению приехал в Хабаровск»; «после армии в Магадан уехал, поработал и приехал в Комсомольск»; «приехал после окончания техникума»; «приехала в Комсомольск в командировку, нам дали квартиру, остались здесь».*

Определенная часть жителей переехала в Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре с других территорий Дальнего Востока по каналам межрегиональной миграции: *«Родился в пос. Солнечный, в Хабаровске живу 32 года»; «родилась в Приморском крае, приехала поступать в политехнический институт и здесь до настоящего времени проживаю»; «приехал в 94 г. с Забайкалья, чтобы учиться и остался»; «родилась в семье военнослужащего в городе Уссурийске, по службе отца перевели в г. Хабаровск».*

В постсоветский период началось устойчивое сокращение численности населения (к началу 2019 г. до 1,32 млн чел.) главным образом за счет миграционной убыли. В силу пространственной неоднородности края более половины его населения составляют жители двух городских округов – Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. При этом город Хабаровск составляет ядро южной зоны с численностью 617 465 чел., город Комсомольск-на-Амуре расположен в срединной зоне, в которой проживает 246 540 чел.[5]

Это актуализирует социологический анализ представлений людей о своей жизнедеятельности в дальневосточном крае, стремлении и готовности остаться его жителями или покинуть его в поисках лучших условий проживания.

Социология определяет социальные представления (социальные репрезентации) как идеи, мысли, образы, ценности, знания и практики, разделяемые

[4] *Социальный атлас российских регионов / Портреты регионов. Хабаровский край. URL: http://www.socpol.ru/atlas/portraits/Khabar.shtml*

[5] *Предварительная численность населения по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года. URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/hab_stat*

людьми и формирующиеся в социальных взаимодействиях, прежде всего, под влиянием средств массовой информации [Новейший..., 2010. С. 990–992].

В теоретическом плане как само понятие, так и концептуальные основы социальных представлений предложены и разработаны С. Московичи в начале 60-х гг. XX в. в противовес доминированию американской традиции в социальной психологии. Он подчеркивал, что его подход фокусируется на том, как люди думают и создают свою разделяемую реальность, а также на содержательном аспекте их мышления. Этот структуралистский подход (Ж-К.Абри) основан на следующих количественных показателях: уровне согласия мнений членов группы о важности данной характеристики объекта представления и оценке необходимости характеристик для определения объекта. [Moscovici, 1981]. Несмотря на отсутствие сформулированных требований к методологии исследования социальных потребностей, исследователями широко практикуется использование разнообразных методов их социологических анализа.

В целях социологического измерения влияния социальных представлений на миграционные перемещения жителей дальневосточных городов их можно интерпретировать как «функциональное видение мира, которое позволяет индивидам или группам придавать значение их поведению, понимать реальность через собственную систему отношений, таким образом адаптироваться к ней и определять свое место в ней» [Abric, 2001. P. 42–43]. Применительно к теме нашего исследования это способ видения жителями городов того или иного аспекта своей жизнедеятельности, который трансформируется в суждение (зафиксированное в анкете или фокус-групповом интервью) и миграционное поведение (выбывание с территории).

Авторитетный российский исследователь миграции профессор Л. Л. Рыбаковский, анализируя субъективные факторы миграции, отмечает, что наибольший вклад в разработку поведенческой концепции, объясняющей механизм принятия решения о миграции и определение состава факторов, обусловливающих переход от решения к реальному миграционному поведению, принадлежит Т. И. Заславской и ее ученикам. При этом он делает вывод: идет ли речь о субъективном факторе как о реакции индивида на окружающие его условия или о взаимодействии потребностей индивида и объективных факторов, или о взаимосвязи внешней среды с внутренней структурой личности – всюду объяснение механизма принятия решения о миграции рассматривается в русле взаимодействия объективного и субъективного компонентов, т. е. выносится на поведенческий уровень [Рыбаковский, 2003]. Это подтверждают и полученные нами результаты социологических опросов и фокус-групповых интервью с жителями городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

Социальные представления о материальном положении городских семей

По данным опроса жителей края, немногим более половины опрошенных (58,7%) оценивали материальное благополучие своих семей как среднее. Третья часть жителей идентифицируют себя с обеспеченными ниже среднего уровня, а менее десятой – с обеспеченными (6,2%), т. е выше среднего уровня. Опрошенные городские жители отметили свое материальное положение «как среднее»: Хабаровск (59,4%) и Комсомольск-на-Амуре (55,4%). Считают себя более обеспеченными: в Хабаровске – один из десяти опрошенных (9,2%), в Комсомольске-на-Амуре – 14,9%.

При этом жители Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре оценивали материальное положение своих семей в равной мере одинаково: четверо из десяти – *«живем от зарплаты до зарплаты, денег хватает на питание и самое необходимое»* и такая же доля – *«живем более или менее прилично, покупка большинства товаров не вызывает трудностей», «живем без материальных забот».*

Средний уровень своего материального положения своих семей демонстрировали и большинство участников фокус-групп:

«Замужем, ребенок, работаю в сфере образования, преподаватель университета. Заработок средний»; «Замужем, двое детей. Сама работаю в некоммерческом секторе, муж – чиновник. Заработок средний»; «Замужем, трое детей. Сфера деятельности – бизнес, уровень благосостояния средний»; «Женат, двое детей. Бизнес – лесная, дорожная отрасль. Достаток средний».

Рейтинг социально-экономических проблем, которые являются наиболее острыми по представлениям опрошенных жителей края, традиционно возглавляют следующие: «Рост цен на товары и услуги», «Низкий уровень зарплат, пенсий, стипендий, пособий», «Высокие цены на услуги ЖКХ» (табл. 1). Их подтверждают практически все участники фокус-групп. В г. Хабаровске отметили значительное число проблем, которые делают жизнь людей менее комфортной:

- цены. *«Меня удивляют цены в Хабаровске на продукты питания, а живем мы здесь и питаемся здесь, 3 – 4 место по стране по цене за квадратный метр жилья»;*

- услуги ЖКХ. *«Почему в Москве спокойно открываешь кран, ставишь чайник, набираешь воду и кипятишь и все это нормально? Мы достойны того, чтобы была качественная, вкусная вода»*;

- транспортное обслуживание. *«Транспорт с Красной речки вечером не ходит после 21:00, чтобы сходить куда-то в театр, а потом спокойно вернуться на автобусе – такое невозможно»; «Сократилось количество автобусов – с Южнопортовой приходится пропускать по два, по три автобуса»; «Приходится иногда возвращаться на наш любимый автовокзал, это ужас, особенно ночью приезжаешь, и тебя высаживают в 4 часа утра среди киосков темных, автовокзал не работает, какие-то тени бродят»;*

- экологическая ситуация. *«В связи с тем, что количество автотранспорта увеличилось практически в каждой семье, транспорт стоит во дворах, и зимой прогреваются машины. Все это попадает в почву, этим мы дышим, и дышит наше поколение»*;

- невостребованность молодежи.

Таблица 1

Представления горожан и населения края о наиболее острых социально-экономических проблемах, с которыми они сталкивались (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Хабаровск	Комсомольск-на-Амуре	Хабаровский край
Рост цен на товары и услуги	73,5	59,0	74,1
Низкий уровень зарплат, пенсий, стипендий, пособий	60,6	54,0	68,9
Высокие цены на услуги ЖКХ	55,5	49,5	47,4
Состояние дорог, ситуация на дорогах	25,4	27,0	44,6
Ситуация в сфере здравоохранения	28,9	38,3	37,1

Источник: Оценка населением эффективности деятельности органов исполнительной власти Хабаровского края. Выборка маршрутная (поквартирная) многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондента, репрезентативная по отношению к населению Хабаровского края по полу, возрасту и типу населенного пункта. Опрос был проведен в 17 муниципальных районах Хабаровского края и городских округах Хабаровск и Комсомольск на Амуре (n=7000). Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2017 г.

«Очень много ребят, особенно молодежи, для них некомфортная среда, почему они и уезжают. Они не могут найти себе здесь работу, с высшим образованием, хорошие специалисты, культурные люди, половина из них смотрят туда, где больше платят, т. е. Москва, Краснодар, Петербург, Кубань»;

- межнациональные отношения. *«Ничего не имею против граждан, которые к нам приехали жить, но они не знают языка, маршруты, как дать сдачу, но при этом они работают водителями и кондукторами»;*

- наркомания. *«Не знаю как в других районах, но у нас все ДОСы завалены шприцами, упаковками из-под медицинских препаратов вдоль тротуаров, особенно когда идёшь утром на работу»;*

- благоустройство. *«Меня волнуют наши скверы. Посмотришь, и сразу возникает вопрос, почему у нас появляются китайские скверы, неужели нельзя обустроить сквер имени Петра Комарова, допустим, на Гупровском городке, вместо балалайки?».*

Неудовлетворенность своим материальным положением выражает та часть участников, которая оценивает уровень своего материального достатка ниже среднего уровня. Среди них: представители торговли, медицины, металлургии, неработающие пенсионеры.

В оценках горожанами изменения своего материального положения за последние 3 – 5 лет отражается неоднозначность представлений. Одна часть опрошенных горожан не заметили изменений: *«Не изменилось, стабильно»; «Устойчиво, стабильно»; «У меня тоже стабильно все»; «Более **или** менее стабильно, особых изменений нет».* Другие отмечают некоторое улучшение своего материального положения, объясняя это следующими обстоятельствами: *«Стал начальником, и заработная плата повысилась»; «Улучшилось, но ненамного, это связано с переходом в лучшую компанию»; «… по источникам дохода у нас лучше стало, потому что работаю на себя, доход увеличился, стало лучше»; «Я один живу, ипотеку взял, до этого не мог взять».*

В то же время горожане пенсионного возраста отмечают ухудшение своего материального положения после выхода на пенсию. Объяснением этому служит состояние здоровья, которое *«подорвано, причем очень серьёзно и требует лекарств»,* и завышенные ожидания от пребывания на пенсии: *«материально стало хуже», «оба в семье бюджетники, и ухудшение налицо».* В силу этих и других жизненных обстоятельств многие из тех, кто вышел на пенсию, был вынужден вновь вернуться на работу.

Отдельные участники, представляющие бюджетную сферу (образование, медицину и др.), отмечают напряженность в своем материальном положении при отсутствии повышения зарплаты и росте потребительских цен: *«Можно сказать, что напряжённее стало по содержанию трат, потребностей, которые в цене подрастают, стало проблематичнее», «с 2011 г. заработная плата не поднималась, но цены выше стали», «5 лет назад было лучше, из-за инфляции на данный момент»; «сейчас нужно больше ресурсов».*

Одни представители бизнеса отмечают рост напряженности из-за санкций, так как «… в одну неделю перекрыли все кредитования и нам пришлось в срочном порядке закрывать семь объектов», другие выражают обеспокоенность оттоком квалифицированных специалистов из края: *«Если мы раньше находили хорошего высококвалифицированного сварщика, укладчика любого уровня, то на сегодняшний день найти сложно, происходит отток хороших специалистов».*

Большинство жителей Хабаровска в целом считают город для себя комфортным: «комфортен для всего». Остальные детализируют содержание комфортности: *«для жизни город скорее комфортен»; «для работы город комфортен, работу можно найти»; «мне комфортно, город родной. Здесь мои друзья, здесь все, что связано с родителями»; «естественно, намного красивее стало, есть что посмотреть, есть что показать».*

Жители г. Комсомольска-на-Амуре с разной степенью критичности оценивают комфортность своей жизнедеятельности, связывая это с тем, что

«Некомфортно, а с возрастом все менее интересно»; «Наше поколение пока только приспосабливается, а для молодежи – нет»; «Везде ощущается нехватка финансовых ресурсов для создания комфортной среды»; Возможно, что «некомфортность» связана для меня с отсутствием перспектив, так как непонятно, что впереди, хочется лучше, но пока все это как-то колеблется»; «Высокотехнологичной медицины нет вообще, приходится выезжать в Хабаровск или Владивосток».

В целом участники фокус-групп в двух городах сделали упор на неудовлетворенность в основных сферах своей жизнедеятельности, которая коррелирует с результатами анкетного опроса населения Хабаровского края (табл.2).

В условиях города Хабаровска:

- школа. Образование не удовлетворяет из-за низкого качества обучения, бесконечных поборов, неуважения к детям, подмены обучения репетиторством, низкой зарплаты и отсутствия вакансий для выпускников вузов;

- здравоохранение. Неудовлетворенность питают отсутствие доверия к врачам в государственных поликлиниках, квалификации врачей первичного звена; очереди в детских поликлиниках;

- общественный транспорт. В зимний период плохое обслуживание; старыме автобусы, в которых холодно; нарушения графиков движения;

- жилье. Дороговизна, невозможность его покупки молодежью, низкое качества, неподъемность ипотеки вместе с коммунальными платежами, высокая стоимость услуг ЖКХ; в новых микрорайонах не продумываются стоянки для транспорта, подъезды; дискриминация многодетных семей по льготам после достижения 18 лет старшего ребенка;

- природно-климатические условия. Крайне неблагоприятный климат (холодно/жарко); высокая загазованность воздуха из-за природных пожаров; неудовлетворительное качество воды для потребления; затягивается строительство Тунгусского водозабора в Хабаровске.

В системе общего образования г. Комсомольска-на-Амуре жителей беспокоит старение педагогических кадров и они задаются вопросом: *«Когда преподаватели пойдут на пенсию, то кто останется? Молодежь не идет ни в школы, ни в сады». Некоторых педагогов пугает и перспектива общего образования, так как «чем дальше, тем страшнее, сама тут работаю».*

Немалая часть комсомольчан выражает общую неудовлетворенность состоянием здравоохранения в городе: *«Разделяю точку зрения, что очень страшно болеть в нашем городе»; «медицина отвратительная»; «здравоохранение на плохом уровне»; «Персонал есть, есть больницы, но там будто не лечат».* Претензии предъявляются либо к персоналу медицинских организаций, так как *«... очень много хамства со стороны медицинских работников, вплоть до того, что не принимают, даже когда очереди нет»,* либо к больнице, *где «все ужасно, фрустрирует сильно, жутко, ребёнку нельзя дать направление в больницу. Есть у нас здесь одна, но ложиться туда страшно».*

Объектом неудовлетворенности немалой части жителей Комсомольска-на-Амуре служит общественный транспорт и состояние дорог, которые делают город малопривлекательным для проживания в сравнении с прежним периодом жизни: *«Раньше было обширное транспортное сообщение, аэропорт был, самолеты в Хабаровск летали, поездов много было, по Амуру катера ходили и пароходы, а сейчас не уедешь».*

Отмечая некоторые позитивные моменты в области качества дорог, участники отмечают, что *«дорога изменилась одна, но в целом по сфере – не очень»; «По части дорог – ремонт долгий, месяцами их ремонтируют».* Высказаны суждения о трудностях с общественным транспортом: *«... чтобы из одной части города добраться в другую утром и после работы, когда можно доехать за 15 минут, еду 1,5 часа, потому что транспорта просто нет».* С октября по апрель невозможно попасть на дачные участки: *«... если летом добраться можно до своих дач и участков, потому что существуют определенные дополнительные маршруты, то с 1 октября – просто невозможно».*

Таблица 2

Удовлетворенность жителей (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Хабаровский край		г. Хабаровск		г. Комсомольск-на-Амуре	
	Удовлетворен (да и скорее да)	Неудовлетворен (нет и скорее нет)	Удовлетворен (да и скорее да)	Неудовлетворен (нет и скорее нет)	Удовлетворен (да и скорее да)	Неудовлетворен (нет и скорее нет)
уровнем организации транспортного обслуживания в месте проживания	55,6	35,7	70,8	21,1	50,6	43,2
качеством автомобильных дорог	34,7	61,6	52,4	44,1	19,9	76,6
созданными в крае условиями по улучшению жилищных условий граждан в рамках существующих программ	25,8	38,7	26,7	38,0	35,4	38,8
услугами ЖКХ	34,5	53,1	50,9	44,2	38,4	55,0
услугами здравоохранения	27,7	66,4	31,9	62,1	26,1	68,7
качеством обслуживания в медицинских учреждениях по месту проживания	38,7	62,5	32,8	60,1	28,5	66,4
услугами в сфере образования	55,8	25,2	50,1	58,2	29,7	28,3
культурным обслуживанием в месте проживания	55,9	31,4	71,9	63,0	16,8	27,9

Источник: Оценка населением эффективности деятельности органов исполнительной власти Хабаровского края. Выборка маршрутная (поквартирная) многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондента, репрезентативная по отношению к населению Хабаровского края по полу, возрасту и типу населенного пункта. Опрос был проведен в 17 муниципальных районах Хабаровского края и городских округах Хабаровск и Комсомольск на Амуре (n=7000). Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2018 г.

Острой неудовлетворенностью комсомольчане отметили жилищно-коммунальную сферу: *«ЖКХ – сфера отвратная»; «Благоустройство и ЖКХ – по 5-балльной шкале ниже единицы, так как люди пройти во двор иногда просто не могут»; «ЖКХ – если сами жильцы не начнут требовать, то ничего не произойдет, чего-то добиться – нужно тратить свои нервы и своё здоровье».*

Состояния культуры и досуга является предметом неудовлетворенности многих комсомольчан: *«У нас скучный город, с ребенком пойти некуда. В краеведческом музее раз 5 уже, наверное, были. И, вообще, ощущение такое, будто балаган какой-то в городе происходит в последние годы»; «Выставки и экспозиции редки в нашем городе, если говорить о хороших, экспозиции не меняются годами. Мало, кто до нас доезжает, да и качество концертов низкое, такое ощущение, будто просто приезжают деньги заработать»; «Дом молодежи полностью состоит из спортсменов, нет бесплатных секций и кружков».*

В отношении объектов торговли, обращается внимание на то, что *«неприятная вещь в нашем городе – рюмочные, которые работают круглосуточно, крики по ночам, никакого воздействия на них».*

Представления о государственной политике в жизнедеятельности дальневосточников

Большинство участников фокус-групп независимо от возраста и места поселения отметили, что в отношении Дальнего Востока России нужна особая государ-

ственная политика. При этом большая часть участников дали обоснование ее необходимости:

во-первых, объективные природно-климатические условия и отдаленность от Центра. *«Мы отдаленный регион, нужно как-то привлекать, чтобы люди оставались»; «… мы живем тут в тяжелых условиях, климат – самое главное, а если люди в чем-то лишены, им должны это компенсировать»; «Климатические условия достаточно сложные»;*

во-вторых, сохранение населения как главного человеческого ресурса. *«Цель этой политики должна заключаться в удержании людей, а удержать – кнут и пряник»; «Жизнь здесь дорогая и некомфортная, чтобы здесь сохранить людей, нужны какие-то преференции»; «Программа нужна по обеспечению улучшения жизни населения Дальнего Востока»; «Про людей здесь совсем забыли, так как главная цель – выкачивание ресурсов»;*

в-третьих – сделать упор на развитие экономики: *«Наш регион большой, нужно промышленность развивать»; «Регион особенный, он никогда только за счет своих собственных ресурсов и рыночных отношений не выживал»; «Без программ по развитию Дальнего Востока нет достойных инвестиций, нет производства, то, что было, потеряли, и не знаю, как будет дальше».*

Ряд участников акцентировали внимание на геополитических аспектах: *«Фарпост России, мы здесь укрепляем нашу территорию. Политика нужна, иначе мы потеряем землю»; «Государственная политика должна быть не только в отношении Дальнего Востока – это большое экономическое кольцо – Китай, Россия, Корея и Монголия»; «Если рассматривать вопрос с точки зрения геополитики в плане сохранения границ, можно сказать, что на этой огромной территории малая заселенность, и нас уже часто пугают, что соседей из зарубежных азиатских стран на приграничных территориях больше, чем на Дальнем Востоке».*

Большинство молодых участников фокус-групп в двух городах считают, что Дальнему Востоку нужна особая государственная политика: *«Должна быть не провозглашённая политика, а система мер с действиями и с федеральным финансированием»; «Поддерживаю, нужна, только на деле, а не на словах»; «Однозначно нам нужен этот особый статус и финансирование нужно соответствующее, федеральное».* При этом участники обуславливают ее необходимость экономическими факторами: *«считаю, что политика должна быть, это связано с экономикой в основном, так как много компаний, которые работают на Дальнем Востоке, а налоги утекают в Центр»; «Потенциал есть у региона для производства, для международных контактов с сильными азиатскими странами».*

Участники фокус-групп единодушны в том, что миграционный отток коренного населения – это проблема для страны, в решении которой приоритетом должно быть создание условий для поддержки, условного «закрепления» местного населения. При этом в политике привлечения людей на Дальний Восток делать ставку на создание экономически привлекательных условий для высококвалифицированной рабочей силы и специалистов. Консолидированным мнением всех опрошенных является: *«Вкладывать нужно в своих, что бы они оставались, создавая условия, и параллельно привлекать своих граждан, русскоязычных». Все это должно быть обеспечено соответствующими ресурсами, т. е. те люди, которые живут на Дальнем Востоке, должны пользоваться какими-то определёнными льготами.*

Жители считают,что необходимо *«… материально завлекать сюда людей, в первую очередь»,* так как *«… разница в заработной плате большая между центральной Россией и Дальним Востоком».* Выражается уверенность, что *«… пока нет стабильного места работы с хорошо оплачиваемым графиком и нет доступного жилья – ничего не будет».*

Выражается озабоченность, что *«… большая часть населения покинула границы Комсомольска, а для реализации крупных проектов потребуется рабочая сила».* В политике привлечения людей из других территорий, предлагается *«…*

делать акцент на привлечение «штучных» специалистов из социальных сфер, преподавателей высшей школы, врачей, работников культуры, которые нам необходимы».

Большинство участников фокус-групп выражают настороженное отношение к приезду трудовых мигрантов:

во-первых, *«граждане, которые приезжают – не профессионалы»;*

во-вторых, из-за финансовой поддержки их со стороны государства: *«... если говорить о трудовых мигрантах, вот приехали они сюда, получили подъемное пособие, им нужно прожить два года, но это условие может не соблюдаться, потому что он зарегистрировался и улетел обратно. Это впустую потраченные деньги».* При этом горожане задают риторические вопрос: *«Почему им дают, а нам нет? Есть какое-то неравноправие»;*

в-третьих, из-за опасения неоправданного наплыва мигрантов: «… не хочу, чтобы нашу территорию заполняли представители азиатских стран, чтобы у нас повторилась такая ситуация, как в Европе. Они в любом случае будут требовать свои права, азиатское население отличается от нас».

Участники фокус-групп единодушны в том, что в первую очередь, надо создавать условия для *«... закрепления местного населения, чтобы оно не уезжало (приоритетом должно быть местное население, лучше создавать условия, для тех, кто остался здесь, чем для приезжих, которые могут просто уехать, если им не понравится»*; во-вторую очередь – привлекать *«специалистов высокого уровня, именно тех, потребность в которых есть для развития территории».*

Представления о жизненных планах и перспективах «закрепления» местного населения

Жители пессимистично оценивают будущее Хабаровского края и Дальнего Востока в целом, основываясь на том, что за постсоветский период властью было сознательно разрушено производство и сфера жизнедеятельности людей, в запустение пришли сельские муниципальные образования, районы, северные районы (Охотск, Амурск, Ульчский район и др.). При этом *«... мы подошли к такому историческому этапу, когда государство много говорит, но делает мало, особенно для народа».* Высказаны предположения, что *«... если ничего не изменится, то в лучшем случае, будет стагнация с небольшими улучшениями в некоторых областях».* Выражено мнение, что необходимо кардинально изменить политику по отношению к Дальнему Востоку, так как *«сейчас она неправильная, многие вещи остаются декларируемыми».*

Практически все участники фокус-групп имеют в своем окружении тех, кто уже уехал с территории Дальнего Востока. В основном это *«побережье Черного моря», «в Краснодар», «в Калининград», «Ростовская область», «в Новосибирск», «Санкт-Петербург».* Среди уехавших *«очень много знакомых»; «дочь, знакомые и друзья»; «друг»; «сестра»; «сын»; «родители, муж».* Мотивы отъезда земляков различные, но все опрошенные горожане детально информированы о том, как они приживаются в новых местах: *«там за копейки все покупают, у нас же здесь все очень дорого и некачественно»; «заработная плата такая же, но там все дешевле»; «комфортнее живется, чем здесь»; «после учебы возвращаться не собирается по той простой причине, что негде работать» и т. д.*

Большинство участников фокус-групп выразили крайне противоречивые, неустойчивые, отягощенные различными обстоятельствами представления как мотивирующие на отъезд, так и сдерживающие их определенными условиями и факторами. При этом большинство проявляет готовность и решимость уехать в ближайшей или отдаленной перспективе. Лишь отдельные участники относительно уверены в своих планах остаться, мотивируя это тем, что *«здесь моя семья, начиная от «первостроителей», «это малая родина моя»; «интересная и хорошо оплачиваемая работа»; «удерживает здесь семья, достаточно большая, общее хозяйство и деятельность и это ценно»; «здесь живут престарелые родители, помогать им нужно, не оставишь и не бросишь их одних».*

По мнению большинства участников фокус-групп, органам власти сегодня необходимо принять комплекс мер, чтобы остановить отток населения с территории Дальнего Востока:

1. Восстановить доверие населения: *«Отбросить борьбу за власть и повернуться лицом к людям, заняться действительно теми проблемами насущными, которые у нас сегодня есть, иначе у нас ничего не получится»; «Самое главное, у нас нет понимания заботы правительства о нас, мы ее не видим»; «Чтобы у народа была обратная связь с чиновниками, чтобы они воплощали в жизнь запросы дальневосточников. Чтобы чиновники были слугами народа, а не наоборот».*

2. Повысить оплату труда: *«Зарплата должна быть достойной, 1,5 тысячи долларов люди должны здесь получать точно»; «Создадут нормальные условия для проживания, как в советское время, когда сюда люди ехали со всей страны, здесь все развивалось, то люди приедут. Если раньше я в Челябинске подручным сталеваром 4 разряда получал 180 рублей, то здесь уже 800 рублей. Существенная разница была. Если предприятия будут развиваться и будут хорошие зарплаты, то ему не нужно будет никуда ехать. Он отработает год и поедет в отпуск, куда захочет»; «Северная надбавка – до 100%»; «Заработная плата от 80 до 100 тысяч, чтобы семья смогла откладывать, чтобы накопить какие-то средства»; дальневосточные выплаты каждому работающему человеку как в Москве, это очень бы мотивировало людей здесь жить и закрепляться»; «Необходимо хотя бы вернуть прежний коэффициент 1,3, а еще лучше – его поднять, вернуться к тому, как было раньше».*

3. Оказывать поддержку бизнесу и развитию производства: *«Предпринимателям и вообще тем, кто становится на ноги давать какие-то преференции. Необходимо вкладываться в наши существующие предприятия, поддерживать их, чтобы они могли выполнять госзаказы, чтобы продолжалось создание рабочих мест. Платежеспособность населения увеличится и коммерсанты появятся, жизнь более комфортной станет»; «Может быть, снизить налоговое бремя для предприятий, которые дают рабочие места и платят хорошую заработную плату, чтобы они могли и дальше создавать рабочие места»; «Создание рабочих мест с высокой зарплатой от 50 000 рублей минимум»; Все что делает власть, все не срабатывает, поэтому должны быть меры чрезвычайные. Условно: от Байкала до Тихого океана объявляется Свободная экономическая зона, где совершенно отсутствует налогообложение людей, налогообложение предприятий снижается в разы».*

4. Обеспечить доступное жилье и ЖКХ: *«Постройка малосемеек для молодежи. Они не создают семьи, потому что негде жить. Они хотят жить самостоятельно»; «Живу на съемной квартире, и взять в ипотеку жилье мне не позволяет зарплата. По крайней мере, взнос 500 тысяч и на протяжении 25 лет выплачивать всю свою зарплату для меня неподходящий вариант»; «Социальная программа по жилью, чтобы оно было доступно, даст поле для рождаемости – 3-х комнатная квартира по 1 300 000 по социальной программе»; «Чтобы ЖКХ было дешевле раза в 3 минимум».*

5. Ввести льготы: *«Нужен паспорт дальневосточника, так же как и паспорт москвича, который будет гарантировать, какие-то льготы по жилью, по санаторно-курортному лечению, по транспорту пенсионерам, учащимся и работающему населению по всем категориям»; «Государство должно эту функцию брать на себя, если оно хочет, чтоб здесь были люди – россияне, но судя по тому, что оно делает, оно не хочет этого».*

Представления городских жителей о приоритетах в политике сохранения и привлечения населения в Хабаровском крае аккумулируются в следующих направлениях:

- рост реальных (без учета роста цен) доходов семей (возможность приобретать товары и услуги в большем объеме и лучшего качества);

- возможности для получения качественного образования и трудоустройства молодежи;

- возможности улучшения своих жилищных условий для всех категорий жителей (молодежи, бюджетников, многодетных, малодоходных и пр.);

- возможности для самореализации детей и молодежи (дополнительное образование, школы творчества, программы поддержки молодежных инициатив, трудоустройство, система профориентации и т. п.).

Список литературы:

1. Байков Н. М., Березутский Ю. В. Дальневосточная молодежь как субъект миграционных настроений // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 4 (45). С. 67–74.

2. Заусаев Вадим: Две дальневосточные тенденции обостряют проблемы безопасности России. URL: http://dvkapital.ru/regionnow/primorskij-kraj_19.03.2019_14232_vadim-zausaev-dve-dalnevostochnye-tendentsii-obostrjajut-problemy-bezopasnosti-rossii.html

3. Мотрич Е. Л., Березутский Ю. В. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 141–150. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150.

4. Новейший социологический словарь / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн. : Книжный Дом, 2010. С. 990–992.

5. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения // Вопросы теории. М., 2003. URL: http://rybakovsky.ru/migracia2.html

6. Abric J-C. A structural approach to social representations // Representations of the social: Bridging theoretical traditions / Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 42–43.

7. Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. by H.J. Forgas. L., 1981. P. 181–209.

Библиографическое описание статьи

Байков Н. М. Социальные представления городских жителей как фактор миграционных намерений и поведения // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 101–112. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-101-112

Nikolay M. Baykov – Doctor of Sociology, professor, chief research associate, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail:nmbaikov@rambler.ru*

Social perceptions of city dwellers as a factor of migration intentions and behavior

***T**he article presents an analysis of the social representations of the population of urban districts of Khabarovsk and Komsomolsk-on-Amur as the main territories of spatial settlement in the Khabarovsk Territory. An analysis of the objective indicators of migration from the two cities of the Khabarovsk Territory, in which most of its population lives, demonstrates the continuation of the migration trend of its inhabitants. Methods of questioning and focus – group interviews revealed social perceptions of urban residents about various aspects of their livelihoods, readiness and motives for migration behavior. It is shown that the dissatisfaction of a significant part of citizens with basic (vital) needs and living environment in their places of residence forms in the structure of representations a wide range of ideas, opinions, judgments, assessments determining the aspiration and readiness to leave their cities.*

***Ключевые слова:** social perceptions, sociological research, focus groups, the Khabarovsk Territory, migration, residents of the cities of Khabarovsk and Komsomolsk-on-Amur.*

References:

1. Baikov N. M., Berezutsky Yu. V. Far Eastern youth as a subject of migratory sentiments. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2008, no. 4 (45), pp. 67–74. (In Russian).

2. Zausayev Vadim: Two Far Eastern tendencies exacerbate Russia's security problems. URL: http://dvkapital.ru/regionnow/primorskij-kraj_19.03.2019_14232_vadim-zausaev-dve-dalnevostochnye-tendentsii-obostrjajut-problemy-bezopasnosti-rossii.html

3. Motrich EL, Berezutsky Yu. V. Migration in the demographic development of the Russian Far East: problems and social consequences. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 2018, vol. 17, no. 2 (127), pp. 141–150. DOI: 10.17922 / 2071-3665-2018-17-2-141–150. (In Russian).

4. Newest sociological dictionary / comp. A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evvelkin, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko. Mn : Book House, 2010. pp. 990–992. (In Russian).

5. Rybakovsky L. L. Population migration. *Voprosy teorii* [Questions of the theory]. M., 2003. URL: http://rybakovsky.ru/migracia2.html (In Russian).

6. Abric JC. A structural approach to social representations. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. p. 42–43. (In Russian).

7. Moscovici S. On Social representations *Sotsial'noye poznaniye: perspektivy povsednevnogo ponimaniya* [Social cognition: Perspectives on everyday understanding] Ed. by H.J. Forgas. L., 1981, pp. 181–209. (In Russian).

Reference to the article

Baykov N. M. Social perceptions of city dwellers as a factor of migration intentions and behavior // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). PP. 101–112. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-101-112

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125
УДК 323-053.67(571.6)

Ю. В. Березутский

Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики

***В** статье представлен анализ данных статистики и результатов социологических исследований, характеризующих положение молодежи на Дальнем Востоке России. Делается вывод о нарастании кризиса социальных отношений, деформации преемственности поколений, рассогласованности потребностей и возможностей их удовлетворения молодежью. Несмотря на предпринимаемые меры, данные статистики и результаты социологических исследований свидетельствуют об отрицательных тенденциях в отношении миграционных настроений дальневосточников. За последние три десятилетия произошло стремительное сокращение доли молодежи на территории Дальнего Востока России ввиду миграционного оттока. Региону необходима особая национальная политика не только и не столько по макроразвитию региона, но и по улучшению уровня жизни конкретного человека. Наиболее очевидными мерами «закрепления» и привлечения населения на Дальний Восток страны участники исследования считают экономические меры стимулирования: рост реальных доходов семей, возможность улучшения своих жилищных условий, возможность получения качественного образования и трудоустройства молодежи, а также возможности самореализации детей и молодежи.*

***Ключевые слова:** молодежь, молодежная политика, социальная активность, миграционный отток, уровень жизни, Дальний Восток России.*

***М**олодежь с позиции социологической науки рассматривается одновременно как объект и как субъект государственной политики. И такое понимание молодежи как социальной группы анализируется в единстве ее индивидуальной и социальной сущностей. Более того, рассматривая молодежь как группу в спенсоровской традиции, следует особенно подчеркнуть объектно-субъектную природу молодежи, где велика роль личности, но и развитие личности невозможно без созданных в обществе соответствующих условий.

Отсюда следует, что наиважнейшим процессом развития молодежи выступает процесс ее социализации, формирующий ее ценностно-мировоззренческие установки, картину мира, ее отношение к этому миру. Академик РАН М. К. Горшков делает особый акцент на роли государства и его политики в социализации молодежи, отмечая, что *«... процесс социализации подразумевает создание государством благоприятных условий для успешной интеграции молодежи в культуру современной цивилизации, нравственные, этнические и религиозные традиции, принятие ее как ценности этических и правовых норм, общегуманистических принципов образа жизни, а также целостного мировоззрения, являющегося для государства системообразующим»* [Горшков, Шереги, 2010. С. 7].

Но, с другой стороны, развитие общества невозможно без роли и вклада в это развитие самой молодежи, ее социальной активности, ее социальной субъектности. Анализируя специфику становления личности молодого человека, А Г. Харчев делает вывод, что *«... одно из проявлений прогресса общества состоит в том, что каждое новое поколение, вступающее в жизнь, должно подниматься на более высокий уровень образованности, общей культуры, профессиональной квалифи-*

Юрий Владимирович Березутский – канд. социол. наук, доцент, заведующий Научно-исследовательской лабораторией, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: uriy-dvags@yandex.ru*

кации, социальной активности» [Харчев, 1990. С. 80].

Концептуальный подход В. И. Чупрова к социальной сущности молодежи, ее роли и месту в системе общественного воспроизводства свидетельствует о двуединой природе молодежи – ее объектно-субъектной сущности: *«... молодежь обеспечивает сохранение целостности общества (преемственность), участвует в его совершенствовании и преобразовании, передает (транслирует) обновленный опыт последующим поколениям»* [Чупров, Зубок, 2008. С. 269]. В этом и проявляется становление молодежи как субъекта общественной жизни под влиянием созданных условий предыдущими поколениями.

Социологи делают особый акцент на понимание молодежи именно с позиции того, что молодежь – это объект и субъект государственной политики. Молодежь – это отражение общественных процессов и сложившейся системы социальных отношений между государством и обществом. Недооценивание роли воздействия молодежи на общество и общества на молодежь в оценке И. М. Ильинского чревато торможением их развития, поскольку: *« ... молодежные проблемы являются проблемами всего общества, общественными проблемами, поэтому решать проблемы молодежи – значит, решать проблемы всего общества»* [Ильинский, 2001. С. 79].

Однако сегодня мы является свидетелями серьезного научно-государственного диссонанса в отношении к молодежи, что, на наш взгляд, свидетельствует о серьезной социальной атомизации власти (в том числе и в лице органов, реализующих государственную молодежную политику) и общества (в лице ее наиважнейшей социальной группы – молодежи).

Мы отмечаем сегодня наличие государственной молодежной политики, которая имеет слабую идеологическую, правовую, кадровую, инфраструктурную, финансовую основу. Сегодня все чаще в выступлениях государевых людей утверждается позиция о дистанцированности государства от молодежи, призыв к самореализации и саморазвитию молодежи. С последним спорить сложно, да и не нужно. Это правильно. Но не может человек взять и сам по себе реализоваться. Для этого нужны условия, особые условия.

Приведу лишь некоторые из публичных высказываний представителей исполнительной и законодательной власти в отношении отсутствия необходимости создавать для молодежи особые условия для ее развития. А поскольку такие оценки звучат в последние годы практически постоянно и в различных уголках нашей страны, можно сделать вывод о серьезном непонимании сущности молодежных проблем теми, кто должен их решать, о серьезной дистанцированности государственной молодежной политики от молодежи.

Так, Уполномоченный при Президенте РФ по правам предпринимателей Борис Титов назвал программу *«Жилье для молодежи» антисоциальной: «Жилье для молодых» – это антисоциальная программа, это антиэкономическая программа, прежде всего для молодых. Почему молодые должны иметь свое жилье в собственности, еще и с помощью государства? Сегодня уже разрабатывается программа о налоговых льготах для тех, кто занимается арендным бизнесом. Главное – это неправильная социальная политика и ориентация на то, что жилье должно быть в собственности»*[1].

Директор департамента молодежной политики Свердловской области Ольга Глацких не поддерживает идею необходимости создания государством условий для развития молодежи и поддержки демографической политики: *«На сегодняшний день получилось так, что в молодежи, в подрастающем поколении складывается почему-то такое понимание о том, что нам государство все должно. Нет, вам государство вообще – в принципе – ничего не должно. Вам должны ваши родители, потому что они вас родили, государство их не просило вас рожать»*[2].

[1] *Титов назвал антисоциальной программу по обеспечению жильем молодежи. URL: https://www.gazeta.ru/realty/news/2014/10/08_n_6543809.shtml*

[2] *На Урале чиновница заявила, что государство «ничего не должно» детям. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ria.ru/society/20181105/1532145121.html*

Депутат Ярославской городской думы Дмитрий Петровский, вообще предложил отказаться от всего бесплатного в социальной сфере: *«Мы привыкли сидеть у государства на шее, мы привыкли, что оно нам что-то должно. А если нет бесплатного набора от государства, мы чувствуем себя некомфортно: нет бесплатного детского садика – нам некомфортно, нет бесплатного образования – нам некомфортно, нет бесплатного пенсионного обеспечения нам опять некомфортно. Это пришло к нам с наследием Советского Союза, а нужно от этого наследия отходить».*[3]

Можно и дальше продолжать цитировать многочисленные высказывания представителей власти, но и этих достаточно, чтобы сделать вывод о нарастании кризиса социальных отношений, деформации преемственности поколений, рассогласованности потребностей и возможностей их удовлетворения. Очевидно, что без создаваемых условий, равных возможностей самореализация молодых людей невозможна. Результаты наших региональных социологических исследований регулярно подчеркивают объективную необходимость в новой, более эффективной государственной молодежной политике, обусловленной ее высокой общественной значимостью как субъекта социально-экономического и духовного развития дальневосточного региона [Березутский, 2013. С. 100].

Называя глобальной проблемой во взаимоотношениях государства и общества «проблему молодежи», И. М. Ильинский подчеркивает в сущности молодежи объектную и субъектную природу: *«Несомненно, что часть молодежи осознает свою роль и свое историческое назначение, хочет и пытается реализовать свой уже существующий творческий потенциал, но не может осуществить это намерение из-за отсутствия необходимых для этого экономических, политических, социальных, правовых и других (внешних по отношению к ней) условий и стимулов. В свою очередь, общество и государство ожидают от молодежи выполнения конституционных обязанностей, гораздо большей социальной активности, инициативы, творчества, но не получают их из-за недостаточного уровня развития качеств молодой личности»* [Ильинский, 2017. С. 66].

В этом ключе развитие Дальнего Востока России, а следовательно, и создание условий для самореализации дальневосточной молодежи выступают одним из национальных векторов и приоритетов, обозначенных Президентом России в 2013 г.: «Ресурсы и государства, и частного бизнеса должны идти на развитие, на достижение стратегических целей. Например, таких, как подъём Сибири и Дальнего Востока. Это наш национальный приоритет на весь XXI век. Задачи, которые предстоит решить, беспрецедентны по масштабу, а значит, и наши шаги должны быть нестандартными»[4]. Более того, в 2018 г. Президентом страны В. В. Путиным дано поручение разработать Национальную программу развития Дальнего Востока России на период до 2025 г. с перспективой до 2035 г., одной из амбициозных задач которой является «сделать Дальний Восток точкой притяжения для граждан, чтобы *«... на Дальний Восток, из других регионов страны приезжало больше людей, чем уезжает»*[5].

В настоящий момент идет активный процесс ее разработки, осуществляется обсуждение и сбор предложений в программу с экспертным сообществом, гражданским обществом, простыми гражданами[6]. По состоянию на середину марта 2019 г. поступило около 16 тыс. предложений от дальневосточников. В такой публичности разработки национальной программы есть как большой

[3] *Ярославский депутат предложил отменить пенсию по старости. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/02/11/2018/5bdc5e189a794733045c7310*

[4] *Путин В.В. Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825*

[5] *Дальний Восток получит Национальную программу развития. URL: https://minvr.ru/press-center/news/18680*

[6] *С 15 декабря 2018 г. по 01 мая 2019 г. запущен официальный сайт по сбору предложений в проект Национальной программы развития Дальнего Востока на период до 2025 года и на перспективу до 2035 года. URL: https://дв2025.рф*

плюс (широкая общественная дискуссия и вовлечение дальневосточников в поиск путей развития своей территории проживания), так и большой минус (необходимость удовлетворения пожеланий и предложений гражданского общества, иначе потенциал недоверия и оттока населения еще больше усугубится).

В этом контексте хочется подчеркнуть, что, пожалуй, самым главным показателем создаваемых государством условий для развития территории, самореализации молодежи, действительно выступает показатель «миграционного оттока» (желание граждан жить и работать на данной территории). А усиливающийся миграционный отток местного населения вкупе со слабой «закрепляемостью» приезжего населения – есть индикатор неблагополучия развития территории.

Поэтому, конечно, заслуживает поддержки тезис Президента России о необходимости реализации на территории Дальнего Востока России «прорывных»[7] мер. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, данные статистики и результаты социологических исследований свидетельствуют об отрицательных тенденциях в отношении миграционных настроений дальневосточников. Более того, *«... уровень и темп депопуляции на Дальнем Востоке России значительно превышают среднероссийские уровни. И, хотя тенденция эта несколько замедлилась по сравнению с девяностыми годами прошлого века, она остается устойчивой»* [Докучаев, 2015. С. 5].

Проведенный статистический анализ изменения численности доли молодежи в возрасте 15 – 29 лет в структуре населения Дальнего Востока России за последние три десятилетия свидетельствует о следующих тенденциях (рис. 1):

- во-первых, произошло стремительное сокращение доли молодежи на территории Дальнего Востока России (с 24,4% в 1990 г. до 18,6% в 2018 г.);

- во-вторых, на Дальнем Востоке России процесс сокращения доли молодежи в структуре населения идет более интенсивно, чем в среднем по России (на Дальнем Востоке доля молодежи сократилась на 5,8%, в то время как в России лишь на 4,3%);

- в-третьих, Дальний Восток еще пока сохраняет более молодежную структуру населения, нежели Россия в целом (18,6% молодежи в структуре населения Дальнего Востока против 17,2% молодежи в структуре населения России).

Наряду с сокращением доли молодежи в структуре населения, данные статистики за последние три десятилетия свидетельствуют о существенном увеличении доли пенсионеров в структуре населения (рис. 2).

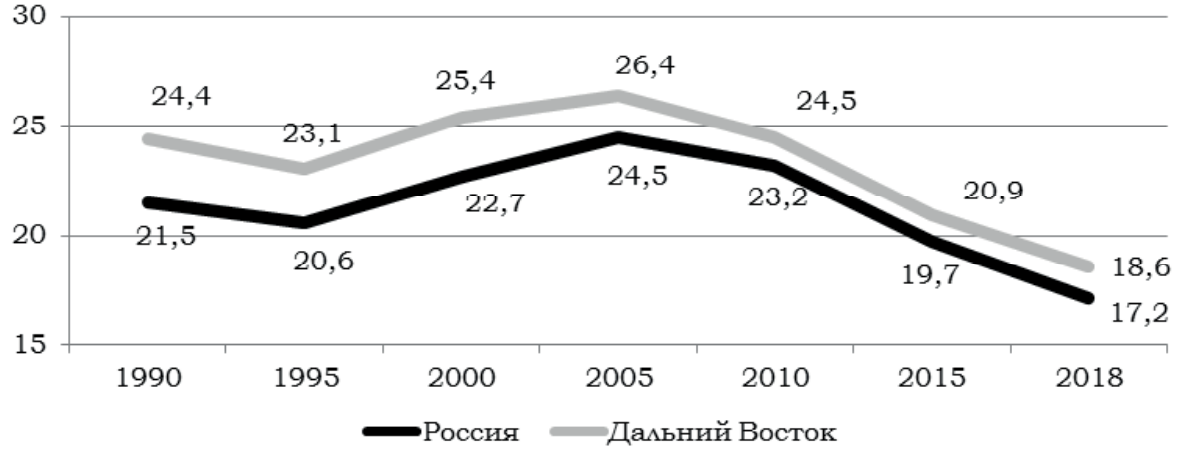

Рис. 1. Динамика доли молодежи 15 – 29 *лет в структуре населения Дальнего Востока России и России в целом*[8]*, в %*

[7] *Путин: развитие Дальнего Востока дает ресурс для прорыва в экономике РФ. URL: https://tass.ru/vef-2018/articles/5554536*

[8] *Источник: составлено автором на основе данных сайта государственной статистики «ЕМИСС». URL: https://fedstat.ru*

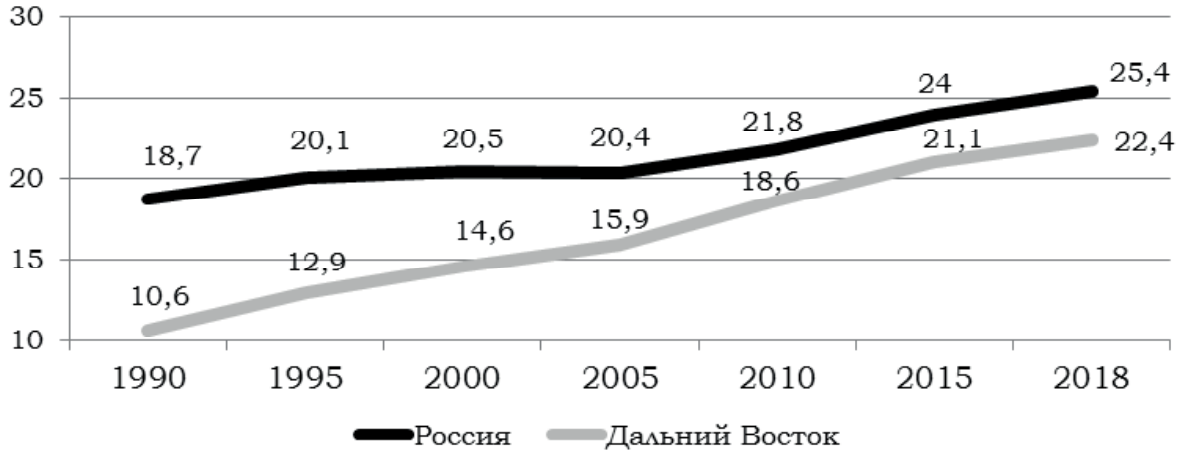

Рис. 2. Динамика доли пенсионеров в структуре населения Дальнего Востока России и России в целом[9], в %

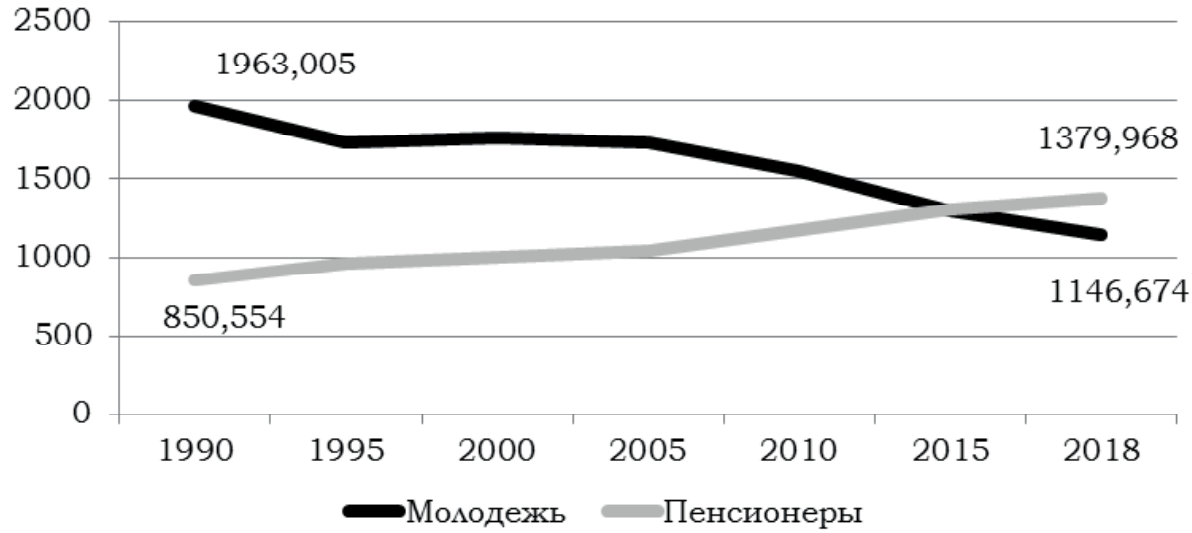

Рис. 3. Динамика численности молодежи и пенсионеров в структуре населения Дальнего Востока России[9] (в тыс. чел.)

Статистические данные (рис. 2) свидетельствуют об отрицательных тенденциях «старения» населения и общей деформации социальной структуры дальневосточного социума:

- во-первых, происходит общее стремительное «старение» населения на Дальнем Востоке России – за последние три десятилетия доля пенсионеров возросла в два с лишним раза (с 10,6% до 22,4% в 2018 г.);

- во-вторых, на Дальнем Востоке России процессы «старения» населения протекают более интенсивно, чем в среднем по России (на Дальнем Востоке доля пенсионеров увеличилась на 11,8% или в 2,1 раза, в то время как в России лишь на 6,7% или в 1,3 раза);

- в-третьих Дальний Восток еще пока сохраняет чуть более молодежную структуру населения, нежели Россия в целом (22,4% пенсионеров в структуре населения Дальнего Востока против 25,4% пенсионеров в структуре населения России).

Более того, статистический анализ показал кардинальную трансформацию социальной структуры дальневосточного социума за последние три десятилетия. Так, если в 1990 г. молодежи на Дальнем Востоке России было в 2,3 раза больше, чем пенсионеров, то в 2018 г. пенсионеров уже стало в 1,2 раза больше, чем молодежи (рис. 3).

[9] *Источник: составлено автором на основе данных сайта государственной статистики «ЕМИСС». URL.: https://fedstat.ru*

Такие трансформации социальной структуры общества не могут не повлечь за собой проблемы формирования бюджета, снижение налоговых поступлений, снижение пенсионного обеспечения, более высокую экономическую нагрузку на трудоспособное населения и др. Как отмечает Е. Л. Мотрич, *«старение» населения при сложившихся объективных и субъективных условиях не вселяет оптимизма в достижение поставленных государственных задач демографического развития: «Последствием сложившихся тенденций в демографическом развитии Дальнего Востока является трансформация возрастного состава населения, что может тоже оказаться одним из факторов, усугубляющих условия экономического развития. Ввиду чего наращивание демографического потенциала на Дальнем Востоке России, предусмотренное Концепцией демографической политики до 2025 г., весьма труднодостижимая цель»* [Мотрич, 2018. С. 73].

Более того, если провести анализ динамики численности молодежи в разрезе дальневосточных субъектов РФ, то мы увидим, что отток молодежи во всех регионах[10] более интенсивный, нежели отток населения в целом. При этом данные статистики показывают, что в большей степени отток молодежи за последние три десятилетия произошел в Чукотском АО (его с 1990 г. по 2018 г. покинуло 76,3% молодежи), Магаданской области (74,6% молодежи), Камчатского края (54,8%). Минимальный отток молодежи (25,1%) наблюдается в Республике Саха (Якутия). В то же время территория Дальнего Востока России более интенсивно, нежели страна в целом, «теряет» и население, и молодежь (в два с лишним раза) (рис. 4).

Такой складывается объективная картина демографического развития Дальнего Востока России. Наряду с этим важной компонентой исследования выступает и социологический анализ, позволяющий оценить субъективную сторону объективных процессов и дать объяснение причин такого стремитель-

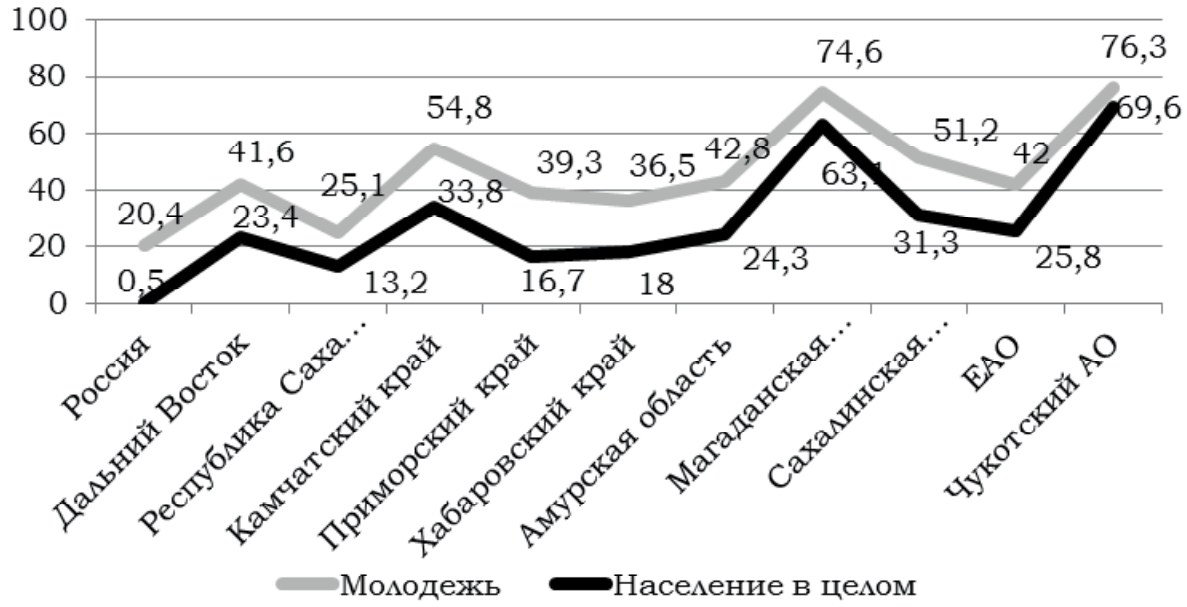

Рис. 4. Динамика изменения доли молодежи и доли населения в целом в разрезе субъектов РФ ДФО и России в целом к 2018 г. по сравнению с 1990 г.[11], в %

[10] *Анализ проводился в период до подписания Указа Президента РФ от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» о включении в состав Дальневосточного федерального округа Республики Бурятия и Забайкальского края.*

[11] *Источник: составлено автором на основе данных сайта государственной статистики «ЕМИСС». URL: https://fedstat.ru*

ного оттока дальневосточников.

Результаты нашего масштабного дальневосточного фокус-группового исследования населения в целом и молодежи в частности позволили оценить их отношение к государственной политике по развитию Дальнего Востока, мотивацию миграционных настроений, механизмы и инструменты «закрепления» местного населения и привлечения населения на Дальний Восток[12].

Результаты исследования, как и данные статистики, описанные выше, отражают трансформацию социальной структуры дальневосточного сообщества вследствие изменения государственной политики. Если в советский период приток квалифицированных специалистов и членов их семей осуществлялся за счет целенаправленной политики перемещения трудовых ресурсов и их закрепления, то в настоящее время этот приток из центральных регионов страны практически отсутствует. Одной из современных характеристик региона является интенсивный приток трудовых мигрантов, низкоквалифицированной рабочей силы из стран СНГ, стран ближнего и дальнего зарубежья.

В поиске «прорывных» идей развития Дальнего Востока России, мы зачастую забываем об успешном опыте реализации государственной, в том числе и молодежной, политики советского периода. Например, в 70-х гг. XX в. посредством консолидации молодежи и ее вовлечения в созидательную совместную деятельность в рамках мега проекта по строительству БАМа, историками отмечаемого как свидетельство «действенной государственной молодежной политики, способной поднять огромную массу молодежи, совершившей трудовой подвиг, тем самым поразив воображение многих западноевропейских государств» [Платонова, 2008. С. 75]. Разве это не «прорыв»? Однако не только идеологическими инструментами обладала государственная молодежная политика того периода времени. В рамках этой политики успешно были реализованы и «прорывные» для того времени (да и для настоящего) меры экономического стимулирования привлечения молодежи в Дальневосточный регион: «районный коэффициент, северные надбавки за работу на трассе, «полевые», большие ежегодные отпуска с оплатой предприятием проезда к месту отдыха один раз в три года, бронирование жилья и др.» [Платонова, 2008. С. 78–79]. Об этом ностальгировали на фокус-группах не только представители старшего поколения, но и молодое поколение.

А как сегодня современная молодежь оценивает реализуемую государственную политику по созданию для нее условий развития на Дальнем Востоке страны? Оценки молодежью роли государственной политики в отношении развития Дальнего Востока России можно свести к четырем ключевым выводам.

Во-первых, региону необходима особая национальная политика не только по макроразвитию региона, но и по улучшению жизни конкретного человека: *«... жизнь здесь дорогая и некомфортная, чтобы здесь сохранить людей, нужны преференции», «... программа нужна именно по обеспечению улучшения жизни населения Дальнего Востока», «... регион особенный и он никогда только за счет своих собственных ресурсов и рыночных отношений не выживал», «... без программы развития Дальнего Востока не будет достойных инвестиций, не будет производства, то, что было, потеряли, и не знаю, как будет дальше», «... такая политика обязательно нужна, должна быть именно не провозглашённая политика, а система действенных мер и с федеральным финансированием», «нужна, только на деле, а не на словах».*

В унисон звучат и выводы региональ-

[12] *НИР «Оценка мнения дальневосточников о жизни и перспективах развития на Дальнем Востоке России», выполнена в 2018 г. по заказу ФАНУ «Востокгосплан» коллективом социологов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС. Научный руководитель Ю.В. Березутский. Проведена 21 фокус-группа (из которых 9 – молодежных) в четырех дальневосточных субъектах РФ (Хабаровский край, Приморский край, Амурская область, Сахалинская область) в 9 городах с общим количеством участников 199 человек: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Владивосток, Находка, Уссурийск, Благовещенск, Белогорск, Южно-Сахалинск, Холмск.khabkrai.ru/events/Novosti/2208*

ных экономистов: *«Реализация масштабных проектов для улучшения демографической ситуации на Дальнем Востоке условие необходимое, но недостаточное. К тому же это процесс длительный, а влияние его – косвенное. Переломить же тенденцию необходимо в течение ближайших 5 – 10 лет. Поэтому меры государственной поддержки должны быть прямые, то есть непосредственно касающиеся благосостояния дальневосточников и в то же время снижающие затратность дальневосточной экономики (повышающие ее конкурентоспособность)»* [Заусаев, Кручак, 2017. С. 128].

Во-вторых, особенность Дальнего Востока молодежь видит в *«удаленности от развитого и притягательного «центра», «неразвитости территории», «высокой стоимости жизни», «сложных природно-климатических условиях», «мощной ресурсной базе», «необходимости сохранения населения в условиях встраивания Дальнего Востока в систему стран АТР»* и др.

В-третьих, молодежь считает приоритетом создание более комфортных и преференциальных условий для закрепления местного населения, во вторую очередь – для привлечения населения на Дальний Восток: *«... приоритетом должно быть местное население, лучше создавать условия для тех, кто остался здесь, чем для приезжих, которые могут просто уехать, если им не понравится»; «... согласна с теми людьми, которые говорят о том, что нужно создавать условия для того, чтобы люди не уезжали отсюда»; «... в приоритете – местные жители, потому что, если сделать их жизнь лучше, они будут довольны, отзывы, которые пойдут от них, уже привлекут сюда другое население», «... опереться на местное население лучше и проще, т. к. здесь остались одни патриоты Дальнего Востока, своих мест, а привлекать нужно специалистов, которых нет».*

Во вторую очередь целесообразно привлекать людей на Дальний Восток России: *«... считаю, что нужно сделать политику, чтобы умные люди приезжали сюда», «я за то, чтобы развивать население, которое проживает здесь, но вместе с тем должна быть доля привлечения специалистов высокого уровня, именно тех специалистов, потребность в которых есть для развития территории», «необходимо сначала для своих сделать жизнь нормальной, а потом уже приглашать».*

Напряженность в общественном сознании вызывает интенсивный приток трудовых мигрантов (особенно проявляющийся на территории Сахалинской области): *«... если бы к нам приезжали высококвалифицированные люди, которые бы двигали нашу экономику вперед, я двумя руками за, но эти граждане, которые приезжают, не профессионалы», «... меня волнует тот момент, кто именно будет приезжать и откуда, например, жители из азиатских стран уже и так достаточно сильно заселили наш город», «... для приезжих по программе дают миллион. Почему им дают, а нам нет? Есть какое-то неравноправие», «мигрантов много, они все низкоквалифицированные, опытных особо нет», «... мне не нравится, что китайцы приезжают на наши земли, они просто могут потом заменить нас», «... люди русские отсюда будут уезжать, заселят китайцы».*

В-четвертых, несмотря на декларирование приоритета развития Дальневосточных территорий, реализацию национальных программ и проектов, в большинстве своем молодежь не ощущает особой государственной политики в отношении дальневосточников: *«... ничего не ощущаю, вообще, единственное – город немного благоустраивают визуально», «... только в плане благоустройства, а вообще, нет, не ощущаю», «... изменения есть, но их недостаточно, на мой взгляд», «... не ощущаю его на себе, но, как говорят многие, это внимание есть и его очень много, а средств, чтобы развивать город, не дают», «... по телевизору о нас очень часто говорят», «... что касается внешнего облика – да, что касается экономического развития и социального – не особо», «... на словах все красочно, а по факту даже ресурсы не выделяют», «... есть какие-то привилегии, но недостаточные, тот же гектар, но это неперспективно», «... чувствуем, потому что постоянно об этом говорят, но где строится космодром – население не чувствует, даже чувствуют, что все выкачивают, у нас всё забирают*

и делают нас заложниками, поэтому – только декларация, а реально – нет», «... общее впечатление – это кампанейщина, словоблудие».

Такие отрицательные оценки выступают одним из ключевых факторов формирования жизненных планов молодежи, ее миграционных настроений на отъезд с территории Дальнего Востока России. В свою очередь, особенности жизненных планов и стратегий дальневосточной молодежи также можно сгруппировать в четыре важных характеристики.

Во-первых, дальневосточная молодежь демонстрирует высокий миграционный потенциал (намерение в ближайшие годы покинуть территорию Дальнего Востока России): *«... сегодня я не планирую уезжать, но не знаю, как поменяются мои мечты, так как твёрдой уверенности нет», «... меня здесь ничего не держит, в планах уехать», «... в планах я хочу после учебы поступить в магистратуру в другой город», «... доучиться здесь и уехать в западную часть России», «... в ближайшие 5 лет я буду здесь, а потом может и уеду», «... если не получится в Хабаровске, то уеду», «... нельзя остаться, однозначно, уеду в Крым в ближайшие 5 лет», «... я поеду кости греть в Сочи, через 5 лет точно уеду», «... хочу переехать и очень сильно хочу, но пока не могу и не знаю, когда смогу, все упирается в маму, я у нее один».*

Более того, жители прогнозируют и дальнейший отток населения: *«... по поводу притока и оттока населения: я не вижу сейчас причин, по которым бы привлекалось население в наш край, не придумано еще», «... отток будет до тех пор, пока качество жизни будет ухудшаться», «отток будет однозначно, даже стабилизации не будет, будет только отток, ведь все упирается в жилье и социальную политику».*

Во-вторых, дальневосточная молодежь демонстрирует достаточно высокий уровень неудовлетворенности образованием, наличием рабочих мест, оплатой труда, качеством медицины, транспортной доступностью, возможностями для интересного досуга и для самореализации: *«... молодежь почему уезжает, потому, что жилья нет, и дорого у нас, ипотека дорогая, нужно дешевле», «... главная причина – низкие зарплаты, у меня друг уехал за границу, получает в месяц, сколько я за год», «... брат в Москву уехал, не жалуется, зарплата здесь не устроила», «... друзья в Питер уехали, работа, зарплата», «... уезжали за получением образования, оно там лучше и качественнее», «... одноклассница уехала учиться, там и осталась, зарплата достойная, лучше, чем у нас», «... личностный рост, здесь тесновато стало», «... уезжают учиться, образование там лучше, говорят, что жизнь там лучше, чем здесь», «... из-за образования и самореализации», «... не вижу здесь перспектив, хочу уехать в Москву», «... на запад, там энергия движения, там все движется, меняется, у нас этого нет».*

Показательна оценка молодого человека из г. Холмска Сахалинской области: *«Два года назад я закончил 11 классов, из 21 выпускника здесь осталось лишь четверо. Знаете почему? Потому что они провалили ЕГЭ. Остальные уехали поступать за пределы Дальнего Востока и вернутся вряд ли».*

При этом достаточно высок потенциал эмиграционных настроений молодежи: *«... уехать, очень далеко, за границу, там друзья зовут, сейчас учу язык, у меня цель такая», «... доучиться здесь, потом хотел во Владивосток, там отработать какое-то время и потом из России вообще уехать, потому что ничего не меняется», «... не хочу растить детей своих здесь».*

Остроту проблем населения, детерминирующих его социальную активность, обуславливают рост цен на основные товары и услуги, сокращение реальных доходов граждан, снижение их покупательной способности и другие факторы [Байков, 2018. С. 134].

В-третьих, парадокс большой страны заключен в наличии всего лишь двух «центров притяжения» молодежи, где с ее слов она может самореализоваться – это г. Москва и г. Санкт-Петербург: *«... хочу попытать удачу и поступить в Москве»; «... уеду, как мне кажется. Я побывал в Питере, хочу туда»; «... брат в Москву уехал, не жалуется, зарплата здесь не устроила», «... друзья в Питер уехали, работа, зарплата», «... не вижу здесь перспектив, хочу уехать в Москву», «... я хочу*

уехать после обучения в Питер и это желание не изменилось». В то же время следует отметить, что такими же дальневосточными «центрами притяжения», но с меньшей силой притяжения, являются гг. Хабаровск и Владивосток: *«... я планирую переместиться по Дальнему Востоку, в Хабаровск, там лучше», «... я не хочу здесь жить, уеду в Хабаровск или во Владивосток, потом может дальше», «доучиться здесь, потом хотел во Владивосток».*

В-четвертых, в отношении прогноза регионального развития больше пессимизма в оценках дальневосточников, чем видения перспектив развития территории Дальнего Востока. В то же время представления молодежи о перспективах развития Дальнего Востока, прогнозные оценки в отношении его будущего как региона, о городах, в которых они проживают, в силу возрастного оптимизма и веры в будущее в целом позитивные, но с поправками на реальность: *«... красивее станет точно, в плане работы – не думаю, что что-то изменится»; «думаю, что станет лучше, но ненамного»; «... мне кажется, что со временем что-то изменится, если уже какие-то сдвиги за такой промежуток времени начали происходить, то, я думаю, наш город станет к этому времени чуть-чуть лучше», «... пограничное такое состояние, потому что я вижу, что есть сдвиги, но не уверена, что их станет больше», «... считаю, что изменения будут, но, должно измениться мышление людей, если оно изменится, то изменения произойдут и во внешней среде»; «... думаю, что это зависит от того, какую политику выберет государство, но какой-то особой уверенности нет», «... будет стагнация, потому что, даже у нас открылся завод и для приезжих зарплата намного выше, чем для тех, кто здесь живет», «... развитие будет, но вопрос – для кого, для местных или для приезжих», «при этом правительстве – нет».*

В сознании как в целом населения, так и молодежи в частности обострено чувство социальной несправедливости. По мнению большинства дальневосточников, Дальний Восток видится государству, к сожалению, лишь в качестве ресурсной базы: *«К нашим ресурсам есть пристальное внимание со стороны Москвы, все доходы с них получает Москва, а у нас дефицит бюджета, и нам приходится просить у них помощи материальной».*

Результаты всех без исключения фокус-групп показали, что по всем обследованным субъектам Дальнего Востока России, в разных типах городских поселений высока доля разочаровавшихся, неудовлетворенных существующим подходом федерального Центра к региону, востребованному преимущественно как средство добычи природных ресурсов недр и морей. Каждый исследуемый субъект ДФО имеет свои особые «точки неудовлетворенности»:

– в Амурской области особую озабоченность у участников фокус-групп вызывает высокая стоимость электроэнергии (в оценках участников по сравнению с Китаем, куда идут поставки электроэнергии) при наличии трех электростанций;

– в Сахалинской области – это политика несправедливого, по мнению участников исследования, перераспределения доходов от добычи природных ресурсов, рыбы и морепродуктов;

– в Хабаровском крае – это неудовлетворенность условиями жизни в городе «президентского внимания» в контексте декларируемой особой государственной политики;

– в Приморском крае – это отсутствие реального эффекта для жителей от реализуемых на территории края крупномасштабных проектов.

Сложившиеся особенности, в свою очередь, отрицательно влияют на формирование общественного мнения местного сообщества, формируют чувство социальной отчужденности и социальной несправедливости, увеличивают отток населения.

Кто уезжает? Уезжает молодежь, в большинстве своем образованная, амбициозная, мотивированная на саморазвитие и самореализацию, интеллектуальная, и, что немаловажно, креативная. К сожалению, приходится констатировать, что потенциал остающегося, «стареющего» населения вряд ли сможет реализовать планируемые «прорывы» в развитии Дальнего Востока страны. Основной ре-

сурс и источник «прорывов» заключен в человеческом ресурсе, молодежном ресурсе, раскрыть который способна только реальная и мощная государственная молодежная политика.

В чем молодежь видит эту политику, направленную на создание условий для развития и снижения оттока?

Наиболее очевидными мерами «закрепления» и привлечения населения на Дальний Восток страны участники фокус-группового исследования считают экономические меры стимулирования: рост реальных доходов семей (61% участников), возможность улучшения своих жилищных условий для всех категорий жителей (48% участников), возможность для получения качественного образования и трудоустройства молодежи (39% участников), а также возможности для самореализации детей и молодежи (30% участников).

Обобщая многочисленные мнения, высказывания, идеи и предложения участников фокус-группового исследования, следует представить наиболее типичные, распространенные и поддерживаемые большинством:

– предоставление субсидированного перелета не только для молодежи и пенсионеров, а для всех категорий населения, особенно для работающего населения, платящего налоги;

– предоставление для всех дальневосточников бесплатной возможности, хотя бы раз в три года с семьей выехать в любую точку страны в отпуск;

– обнуление, либо снижение до уровня, не превышающего 5%, ставки ипотечного кредитования для дальневосточников;

– осуществление реального снижения налогов и создание дальневосточных преференций (распространение практики ТОРов и ТОСЭРов на весь дальневосточный регион) для развития малого и среднего бизнеса. Особый акцент целесообразно сделать на производственном секторе, изготавливающем продукты питания и товары первой необходимости;

– создание рабочих мест с достойной заработной платой, которая на Дальнем Востоке должна быть на порядок выше, чем в других регионах страны. При этом фактором роста доходов может стать освобождение дальневосточников от НДФЛ;

– снижение пенсионного возраста для дальневосточников;

– распространение на всей территории Дальнего Востока бесплатного высшего и среднего профессионального образования;

– кардинальное изменение политики в отношении развития системы здравоохранения – подкрепление ее достаточным кадровым, материально-техническим и финансовым обеспечением;

– развитие внутреннего в том числе и событийного туризма вкупе с субсидированием и кардинальным снижением авиатарифов на внутренние дальневосточные направления позволит получить существенный мультипликативный эффект: рабочие места, развитие малого и среднего бизнеса, инвестирование домохозяйств в развитие региона; приток иностранных инвестиций и, что немаловажно, формирование более глубокой идентичности с природой, культурой и наследием своей малой Родины;

– существенное снижение для дальневосточников тарифов на услуги ЖКХ позволит не только улучшить качество жизни, но и будет способствовать развитию малого и среднего бизнеса, снижению себестоимости производства на территории Дальнего Востока;

– развитие в малых городах культурно-досуговых центров для молодежи, функционирующих по самым широким направлениям культурно-досуговой деятельности и предоставляющих широкие возможности для самореализации детей и молодежи;

– привлечение и создание условий для притока именно квалифицированных специалистов, потребность в которых есть на Дальнем Востоке (например, в сфере здравоохранения, образования), социально значимых и востребованных профессий;

– в создаваемые масштабные проекты на территории региона (с обязательным согласованием и учетом мнения и потребностей жителей) целесообразно вовлекать большое количество местного населения, тем самым не только создавая реальные рабочие места с достойной оплатой тру-

да, но и формируя сопричастность (идентичность) со своей территорией.

Можно по-разному относиться к полученным результатам исследования. Но именно так ощущает происходящее вокруг дальневосточная молодежь. Так она думает, а соответственно, и действует, либо будет действовать: проявлять свою активность или нет, быть вовлеченной в жизнь территории или нет, хотеть уехать с территории Дальнего Востока или продолжать здесь жить и работать. Важно одно – это существующее общественное мнение, с которым необходимо работать, прежде всего создавая реально ощутимые условия улучшения уровня и качества жизни дальневосточников.

Список литературы:

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

2. Харчев А. Г. Социология воспитания: (О некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности). М.: Политиздат, 1990. 222 с.

3. Чупров В. И. Молодежь // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. 608 с.

4. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 696 с.

5. Березутский Ю. В. Социальное развитие молодежи региона в социологическом измерении // Уровень жизни населения регионов России: научно-практический журнал. 2013. № 01/2013 (179). С. 95–100.

6. Ильинский И. М. Государственная молодежная политика в СССР. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. 432 с.

7. Дальний Восток России: История депопуляции и технологии ее преодоления / под ред. И.И. Докучаева. Владивосток: Дальнаука, 2015. 327 с.

8. Мотрич Е. Л. Проблемы и перспективы развития демографических процессов на Дальнем Востоке России // Наука. Культура. Общество. Издательство: Российская академия социальных наук. 2018. №4. С. 67–76.

9. Платонова Н. М. Государственная молодежная политика на Дальнем Востоке России в 70-х – первой половине 80-х гг. XX века (социально-экономический аспект) : монография. Хабаровск: изд-во ДВГУПС, 2008. 167 с.

10. Заусаев В. К., Кручак Н. А. Особые режимы хозяйствования на Дальнем Востоке и демографические процессы // Уровень жизни населения регионов России: научно-практический журнал. 2017. № 2 (204). С. 127–132.

11. Байков Н. М. Обеспечение устойчивости жизнедеятельности населения региона: дальневосточное измерение // Устойчивое развитие России в период нестабильности: внешние вызовы и перспективы. Материалы XII очной международной научно-практической конференции. 2018. С. 132–141.

Библиографическое описание статьи

Березутский Ю. В. Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 113–125. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125

Yuriy V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate professor, head of the Research laboratory, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: uriy-dvags@yandex.ru*

The Far Eastern youth as a subject and object of the state policy

T*he article presents an analysis of statistical data and sociological research results that characterize the situation of young people in the Far East of Russia. The article makes a conclusion about the growing crisis of social relations, deformation of the continuity of generations, the mismatch of needs and the possibilities of satisfying them with the young*

people. Despite the taken measures, statistics and the results of sociological studies indicate negative trends in the migration attitudes of the Far East. Over the past three decades, there has been a rapid decline in the proportion of young people in the Russian Far East due to the migration outflow. The region needs a special national policy not only on the macro-development of the region, but also on improving the standard of living of a particular person. The most obvious measures of "securing" and attracting people to the Far East of the country participants consider economic incentives: the growth of real family incomes, the possibility of improving their living conditions, the opportunity to receive good education and employment of young people, as well as opportunities for self-realization of children and youth.

Keywords: *youth, youth policy, social activity, migration outflow, standard of living, the Far East of Russia.*

References:

1. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The Youth of Russia: a sociological portrait. M.: TsSPiM, 2010, p. 592. (In Russian).

2. Kharchev A. G. Sociology of education: (On some actual social problems of education of the individual). M.: Politizdat, 1990, p. 222. (In Russian).

3. Chuprov V. I. Youth *Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Sociology of youth. Encyclopedic Dictionary] / Ed. ed. Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov. M.: Academia, 2008, p. 608. (In Russian).

4. Ilinsky I. M. Youth and youth policy. Philosophy. Story. Theory. M.: Golos, 2001, p. 696. (In Russian).

5. Berezutsky Yu. V. Social development of young people in the region in the sociological dimension *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [The standard of living of the population of the regions of Russia: scientific and practical journal], 2013, no. 01/2013 (179), pp. 95–100. (In Russian).

6. Ilinsky I. M. State youth policy in the USSR. M.: Publishing House of Moscow University for the Humanities, 2017, p. 432. (In Russian).

7. The Far East of Russia: The History of Depopulation and the Technology for Overcoming It / ed. I.I. Dokuchaeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2015, p. 327. (In Russian).

8. Motrich, E. L. Problems and Prospects for the Development of Demographic Processes in the Far East of Russia, Nauka. Culture Society. Publisher: Russian Academy of Social Sciences. 2018, no. 4, pp. 67–76. (In Russian).

9. Platonova N. M. State youth policy in the Far East of Russia in the 70s – first half of the 80s. XX century (socio-economic aspect): monograph. Khabarovsk: DVGUPS publishing house, 2008, p.167. (In Russian).

10. Zausayev V. K., Kruchak N. A. Special economic regimes in the Far East and demographic processes *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Level of living of the population of the regions of Russia: scientific and practical journal], 2017, no. 2 (204), pp. 127–132. (In Russian).

11. Baikov N. M. Ensuring the sustainability of the life of the population of the region: the Far Eastern dimension *Ustoychivoye razvitiye Rossii v period nestabil'nosti: vneshniye vyzovy i perspektivy. Materialy XII ochnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Sustainable development of Russia in a period of instability: external challenges and prospects. Proceedings of the XII full-time international scientific-practical conference], 2018, pp. 132–141. (In Russian).

Reference to the article

Berezutskiy Yu. V. The Far Eastern youth as a subject and object of the state policy // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 113–125. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-113-125

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-126-133
УДК 316.334.2:325.2

Н. П. Сидорова

Влияние уровня жизни населения на формирование миграционных настроений

Статья посвящена анализу влияния уровня жизни населения на формирование миграционных настроений. Актуальность изучения факторов формирования миграционных настроений населения подтверждается продолжающимся оттоком населения с территории, несмотря на реализуемые в регионе государственные программы и проекты по привлечению и закреплению населения. В статье представлены результаты крупномасштабного социологического исследования населения дальневосточного региона, рассматриваются основные тенденции в оценках уровня жизни населением и миграционные настроения как потенциальная готовность к миграции. Отмечается, что главные мотивы отъезда связаны с различными условиями, которые во многом определяются уровнем жизни: с получением более качественного образования, поиском лучшей работы, более достойной заработной платой, лучшими условиями жизни.

Ключевые слова: *уровень жизни населения, миграционные настроения, миграция, отток населения, дальневосточный регион, программы государственной поддержки населения, неудовлетворённость уровнем и условиями жизни, материальное положение, уровень доходов.*

В современных условиях одной из важнейших проблем развития Дальневосточного региона остается отток населения. По данным Росстата за январь – ноябрь 2018 г. (11 месяцев) с территории Дальнего Востока уехало в сумме 331 424 чел. Прибыло – 301 671 чел. Таким образом, миграционная убыль составила 29 753 человек. Учитывая, что естественная убыль населения в новых границах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) за тот же период составила 93 чел., выводы крайне неутешительны: за неполный 2018 г. Дальний Восток стал еще на 30 тыс. чел. меньше [Щербаков, 2019].

При этом следует отметить, что реальный отток населения с Дальнего Востока может быть выше статистического, поскольку среди уезжающих в более развитые регионы большое количество молодых людей, которые, отучившись, например, в вузе Москвы или Санкт-Петербурга, остаются там жить, снимая квартиру. Их дальневосточная прописка сохраняется, поэтому в миграционную статистику они не попадают. Также могут поступать и представители старшего поколения, переезжая на другие территории и сохраняя дальневосточную прописку для получения «северных» надбавок к пенсии и др. В результате, статистические показатели миграционных потоков искажаются. Это подтверждают и результаты исследований в регионе [Донец, Чудиновских, 2017; Изотов, 2013; Миграционные процессы..., 2018].

При этом тенденции оттока населения сохраняются, несмотря на усилия со стороны государства. В последние годы развитие региона является актуальным вопросом на всех уровнях государственного управления [Мотрич, Изотов, 2018]. Предпринимаются значительные усилия для активизации в первую очередь социально-экономического развития региона. Созданы территории опережающего развития, функционирует свободный порт Владивосток и электронная виза для прибывающих в порт, создается инфра-

Наталья Петровна Сидорова – канд. социол. наук, доцент, и. о. заведующего кафедры менеджмента и предпринимательского права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: wifedrag@mail.ru*

структурная поддержка инвестиционных проектов, реализуется программа предоставления бесплатно дальневосточного гектара, осуществляется снижение тарифов на электроэнергию для промышленных потребителей и т. д. Все эти мероприятия, реализующиеся в государственных программах и программах госкомпаний, ориентированные на приоритет интересов Дальнего Востока, должны работать на развитие региона и на повышение его привлекательности для инвесторов и населения. В итоге экономические показатели ДФО, согласно статистическим отчетам, действительно растут. В 2010 – 2016 гг. валовой региональный продукт (далее – ВРП) ДФО в реальном выражении (то есть за вычетом инфляции) рос в среднем на 1,8% в год. При этом ВРП на душу населения в ДФО почти на треть превосходит аналогичный показатель по России. Две трети (64%) ВРП округа формируют три крупнейших региона – Республика Саха, Приморский край и Сахалинская область [Самофалова, 2018].

Однако всех этих усилий не достаточно: жители Дальнего Востока продолжают уезжать. К сожалению, результаты реализации крупных государственных проектов, «точки социально-экономического роста» не трансформируются в реально ощутимые изменения для частной жизни жителей региона, не сказываются на уровне и качестве жизни населения. В результате практически в каждой семье есть «уехавшие» – знакомые, родственники, соседи. И процесс этот не прекращается: едут с севера на юг, из деревень в города и из столицы ДФО «на Запад» и даже за границу. На миграционные настроения населения «меры поддержки» влияют мало.

В качестве причин оттока населения можно назвать целую систему факторов: растущая мобильность населения, климат, территориальная удаленность, неблагоприятная среда для проживания, слабое развитие инфраструктуры, низкий уровень развития экономики и производства и т. д. Но когда речь идет о каждом конкретном решении «переезжать или остаться», о личностных, персональных оценках, настроениях, то очень часто ведущим, решающим мотивом, почему люди хотят уехать, является уровень жизни [Бурлаев, Дьяченко, Мотрич, Фещенко, 2018].

Это подтверждают и результаты исследований, и экспертные оценки. Мнение директора ВЦИОМ В. Федорова: «Главная причина [оттока населения] – неудовлетворенность социально-экономическими условиями. В частности, речь идет о неблагоприятном (холодном) климате, дороговизне жизни при низких зарплатах. Желающие уехать с Дальнего Востока в разные периоды называли в качестве причин высокие цены на продукты, промышленные товары и энергоносители, которые вызваны большими транспортными издержками и суровым климатом… высокие цены некоторое время назад покрывались зарплатами, однако в последнее время (видимо, после 2014 г., когда начался кризис), этого покрытия не происходит» [Аликин, 2018].

В целом, говоря об уровне жизни населения, следует отметить, что само определение крайне обширно и включает в себя различные интерпретации. Уровень жизни – (англ. standards of life/ living; нем. Lebensniveau) социально-экономическая категория, выражающая степень удовлетворения материальных и культурных потребностей населения страны (или отдельного региона), классов и социальных групп, семьи, индивида в смысле обеспеченности потребительскими благами, характеризующимися преимущественно количественными показателями, абстрагированными от их качественного значения[1].

Оценивая уровень жизни населения, можно говорить об объективных (формализованных) и субъективных (личностных) показателях его измерения.

Однако наиболее значимыми, с точки зрения формирования миграционных настроений, выступают субъективные оценки уровня жизни населения региона, поскольку не важны статистические показатели экономического развития региона, объемы инвестиций, количество программ поддержки и т. д., если его жители считают, свой уровень жизни не достаточно высоким и готовы включиться

[1] *Большой словарь по социологии. URL: http://www.xn--80aacc4bir7b.xn*

в миграционные процессы.

В данной работе уровень жизни населения оценивается в первую очередь через субъективные самооценки жителей региона, которые были получены методом фокус-групповых интервью в ходе крупномасштабного исследования «Оценка мнения дальневосточников о жизни и перспективах развития на Дальнем Востоке России»[2], проведенного Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС по заказу Федерального автономного научного учреждения «Восточный центр государственного планирования (ФАНУ «Востокгосплан»).

Так, по результатам исследования независимо от сферы своей деятельности большинство участников исследования оценивают материальное обеспечение своей семьи как «среднее».

При этом достаточно часто в оценках своего уровня жизни респонденты изначально отмечают некий «средний уровень дохода семьи». Однако само представление о «среднем доходе» крайне размыто: от *«... можем позволить себе поехать за границу»*, *«... все что нам нужно у нас в принципе есть»*, до *«... уровень доходов средний, считаю, т. к. структура государственная, там не особо много платят, что касается возможности что-то приобрести, средние товары можно приобрести, а что касается крупных покупок, то здесь, конечно, затруднения»* и др. [здесь и далее представлены выдержки высказываний участников фокус-групповых интервью].

Кроме этого, следует отметить, что во многом уровень жизни населения региона поддерживается за счет кредитования и подработки: *«... уровень жизни – хотелось бы лучше, в последние лет 10 у нас работа на банки с ипотекой, кредитами и т. д. для увеличения уровня жизни, так как сфера деятельности разнообразная до безобразия – бизнес, подработка + основной заработок в порту».*

Молодежь более оптимистичная в оценках уровня жизни, особенно та, которая не создала семью, не имеет детей, живет с родителями, но имеет работу и заработок: *«... пока меня содержат, чувствую отлично».*

Определенная часть молодежи и представителей среднего возраста дали оптимистичную оценку своей обеспеченности, объясняя это тем, что сегодня для того, чтобы повысить свой уровень жизни, необходимо активно над этим работать, а возможности сегодня есть: *«... наша семья тоже идет по принципу «если ты хочешь чего-то большего, то добивайся»; «... так как я развиваюсь и стремлюсь к цели, у меня идет здорово».*

Старшее поколение, особенно пенсионеры, более критичны в своих самооценках. Большинство из них оценивают свой уровень жизни, как «ниже среднего»: *«... ниже среднего, нечего хорошего для себя не вижу», «... я пенсионер, поэтому доходы у меня ниже среднего, пенсия 11 тысяч».*

В качестве ресурса повышения уровня доходов многие представители старшего возраста отмечают необходимость продолжать работать. Однако сегодня сохранить рабочее место пенсионеру все сложнее, а найти новую работу можно только со значительным снижением квалификационного уровня: *«Я знаю единственный момент, что на пенсию не проживёшь..., т. е. пока ноги носят, пенсионеры работают, к сожалению, найти работу становится все сложнее».*

В целом, можно отметить, что уровень жизни оценивается в соотношении с имеющимися доходами либо с прошлым собственным опытом: *«У меня 5 лет назад не было квартиры, а сегодня я живу в собственном жилье, конечно же, я плачу ипотеку… Я езжу на своем транспорте, но я, правда, езжу на нем восемь лет, я могу позволить себе есть сегодня мясо.*

[2] *НИР «Оценка мнения дальневосточников о жизни и перспективах развития на Дальнем Востоке России» выполнена по заказу (договор №27-6/ 31807119709 от 09.11.2018 г.) Федерального автономного научного учреждения «Восточный центр государственного планирования (ФАНУ «Востокгосплан») коллективом социологов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС, научный руководитель – Березутский Ю.В, к.с.н., доцент, заведующий Научно-исследовательской лабораторией. Целевая аудитория – население в возрасте от 18 лет и старше, проживающее на территории Хабаровского и Приморского краев, Амурской и Сахалинской областей. Методы исследования – фокус-групповые интервью.*

Это дорогого стоит, потому что я помню свои школьные годы, когда я не знал, что это такое».

Достаточно часто звучало мнение, что необходимо соотносить свои потребности и возможности: *«Богатый не тот, кто много получает, а тот, кто мало тратит».* При этом данная стратегия минимизации потребностей может быть эффективной лишь на некоторое время.

В значительной степени жители в своих оценках не особо «прихотливые», как средний отмечают свой достаток, не исходя из представлений и понимания о среднем классе, а сравнивая его со средним размером заработков в регионе и в ближайшем окружении.

Кроме этого, оценивая потенциальные возможности закрепления и привлечения населения на Дальний Восток, необходимо учитывать более высокую стоимость жизни по сравнению с большинством регионов страны.

Так, по оценкам участников фокус-групповых интервью, в сравнении с уровнем жизни в других регионах, в том числе столичных, уровень жизни, например, в Приморском крае значительно проигрывает: *«... раньше я считала, что с работой во Владивостоке прям все «вау», но оказалось не очень, поэтому дети и уехали… я приезжала к ним пару раз в Москву, проще там во всех отношениях: с работой, с детскими садами и со школами и со всем»; «... а вообще у нас очень дорого во Владивостоке, цены растут, ценники меняются чуть ли не каждый день. Вот я в Питере была, у меня там сестра живет... Там пенсионеру выживать легче, там продукты можешь выбрать, очень много скидок, и «комуналка» у них меньше намного, и цены в аптеках...».*

Еще сложнее адаптироваться к стоимости жизни в регионе тем, кто переехал недавно с других территорий: *«Здесь сейчас не очень комфортно ощущаю, потому что цены у нас в Нижнем Новгороде на порядок ниже, чем здесь. А поскольку цены сейчас и так выросли, переехав сюда, где и так цены выше, получилось, что надбавка весьма приличная. Из-за этого появляется некий дискомфорт».*

Если проанализировать самооценки изменения уровня жизни за последние 5 лет, то результаты исследования показывают противоречивую картину изменения уровня жизни – у части он улучшился, у части не изменился, у части ухудшился. Однако у большинства уровень жизни снизился в большей степени за счет роста цен на товары и услуги. Существующий размер доходов в домохозяйствах либо не меняется на протяжении многих лет, либо его рост не справляется с более интенсивным ростом инфляции: *«... мне кажется, стали жить хуже, чем раньше, так же жалуются окружающие, друзья, знакомые. Жалуются, что с бизнесом проблемы, что люди перестали посещать заведения различные, у людей меньше денег стало в этот период, у обычных людей»; «... я вижу только ухудшение. Цены растут, доходы не меняются, приходится работать в других сферах, подрабатывать. Что касается трудоустройства, то же самое – ухудшилось. Предприятия сокращают работников, закрываются, поэтому у меня тут не радужные перспективы развития».*

Молодежь, особенно работающая, отмечает некоторое улучшение уровня жизни, связывая, в первую очередь, позитивные перемены с трудоустройством после окончания учебных заведений и получением заработной платы: *«У меня все в лучшую сторону идёт, потому что я работаю в сфере IT, а это сейчас развивается, соответственно, и работы, и знаний все больше и больше, в этом плане негативной стороны нет».*

У большинства пенсионеров обратная оценка изменений уровня жизни, особенно тех, кто недавно вышел на пенсию и остался без работы: *«Улучшения не вижу, ухудшения идут, красивые вывески это всё есть, а толку то? У меня доход, можно сказать, ниже среднего, нечего хорошего для себя не вижу. Всё дорожает, везде одни расходы. И все время со стороны правительства, пытаются последнее забрать. Смотришь уже по мелочи что купить… Так что надбавок к пенсии не чувствую».*

Одна из серьезных проблем – стагнация или снижение уровня жизни при

определенном росте доходов, заработных плат. Рост заработных плат не справляется с более интенсивным ростом цен на товары и услуги: *«Насчет доходов очень интересный момент: несмотря на то, что по карьере иду вверх, много усилий вкладываю в работу и, вроде бы как, начинаю больше получать, но чувствую себя ровно также, как и 3 года назад. С тех пор, как приехал сюда, с одной стороны, по материальному состоянию равновесие, все стабильно... Личностный рост идет, и это странно, с одной стороны. На самом деле очень растут цены. Очень сильно, зарплаты за ними не успевают. К чему все идет – не понятно».*

Улучшение уровня жизни участников исследования в большинстве своем связано не с ростом реальных заработных плат и доходов, а с ростом объемов занятости и нагрузки (ввиду большей нагрузки, дополнительных работ, роста зарплат ввиду повышения в должности, смена работы). При этом такие практики не типичны в поведении большинства жителей, в том числе ввиду отсутствия широкого спектра вариантов трудоустройства с достойной оплатой труда.

При этом в целом на фоне разнонаправленности векторов изменения уровня жизни на оцениваемый период доля негативных оценок превалирует, поскольку подавляющее большинство участников исследования отмечают рост тарифов, рост цен, общее удорожание жизни в регионе на фоне ограниченных возможностей на рынке труда, закрытия предприятий, сокращения работников в различных структурах (оптимизация штатов), повышения рабочей нагрузки и т. д.: *«... все хуже и хуже становится, да. То, что могли позволить себе 5 лет назад, сейчас не можем позволить, хотя муж и я работаем, хуже все стало на Дальнем Востоке»; «... уровень жизни в Приморском крае снижается с колоссальной скоростью».*

В результате можно говорить о достаточно высоком миграционном оттоке жителей. При этом у абсолютного большинства жителей региона есть близкие, друзья, знакомые, родственники, кто уехал в поисках лучшей жизни с территорий Дальнего Востока. Положительный опыт улучшения уровня жизни и условий проживания при переезде у ближайшего окружения формирует потенциальную готовность к миграции: *«... у них получилось, и я смогу».* В целом участники продемонстрировали высокий миграционный потенциал, готовность покинуть территорию Дальнего Востока.

Основные миграционные потоки направлены в сторону столичных регионов (Москва, Санкт-Петербург), Краснодарского края (Краснодар, Сочи), а также определенная часть уезжает за границу: *«У меня много знакомых таких, я сама была патриоткой, мне нравится этот город, но есть мысль уехать».*

Кроме этого, прослеживается «этапная миграция»: с перемещение из более мелких населенных пунктов в более крупные, которые рассматриваются как промежуточный этап для последующего перемещения в еще более крупные, в том числе за пределами региона.

Миграционный отток не прекращается, однако следует отметить, что, хотя в окружении много примеров переезда, достаточно четко звучит позиция, что «… переезжают те, кто здесь не родился, кто не местный…».

Главные мотивы отъезда связаны с различными условиями, которые во многом определяются уровнем жизни: с получением более качественного образования, поиском лучшей работы, более достойной заработной платой, более лучшими условиями жизни, отдаленностью от центральной части страны: *«Есть много знакомых, которые уехали, возвращаться не собираются... Они жилье снимают, но все равно живут там намного лучше, чем здесь».*

Результаты исследования показали, что существующие условия жизнедеятельности на Дальнем Востоке не способствуют «притяжению» квалифицированных кадров и увеличению желания россиян жить и работать на Дальнем Востоке в следствие невысоких заработков (в отличие от советской системы преференций), отсутствия социальных льгот, высокой стоимости жизни. Реализуемые сегодня государственные программы

привлечения населения и его удержания (дальневосточный коэффициент, гектар, подъемные при переезде и т. д.) не работают, в том числе и из-за высокой стоимости жизни и при недостаточно высоком уровне жизни населения.

В большей степени существующие условия способствуют «выталкиванию» населения, особенно молодежи, наращивают и без того высокий миграционный потенциал населения.

Общая картина такова, что в целом особого улучшения своего уровня жизни на протяжении последних 3 – 5 лет дальневосточники не ощущают, а в чем-то уровень жизни и снижается. Это происходит в условиях существенного роста цен на товары и услуги, инфляции, которую, по большому счету, не обгоняет существующий рост заработных плат и доходов семей. Уровень жизни в средних городах хуже, чем уровень жизни и возможности его улучшения в столичных центрах субъектов ДФО, которые выступают своеобразными центрами притяжения из других населенных пунктов краев и областей.

Главный тезис связан с тем, что если люди отсюда не захотят уезжать (условия будут комфортные), то и другие будут стремиться приехать: *«Первостепенно нужно создавать условия для местного населения. А когда условия будут настолько хороши, что ни один местный уехать не захочет, то и люди будут сюда приезжать»* – поскольку, как сказал один из участников исследования *«с деньгами можно жить где угодно»*.

Список литературы:

1. Аликин, А. Россия: программы заселения Дальнего Востока не смогли остановить отток людей. 19.09.2018. URL: https://russian.eurasianet.org

2. Донец Е. В., Чудиновских О. С. Современные тенденции миграции в регионах дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. № 4 (206). 2017. С. 88–94.

3. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2014 года. http://www.gks.ru/free_2014/demo/edn.

4. Ивлев Я. Я., Галичанин Е. Н. Дальний Восток и Забайкалье (историко-экономический обзор). Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Федерации Дальнего Востока и Забайкалья. Приамурское географическое общество. Хабаровск, 1998. 56 с.

5. Изотов Д. А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. №4. С.27-44.

6. Население России 2010-2011: восемнадцатый – девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. 530 с.

7. Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: сборник трудов II Международной научно-практической конференции, 4-5 июня 2018 г. / Под общей редакцией: С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, Л. А. Савинкина, Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2018.

8. Мотрич Е. Л., д.э.н., ведущий научный сотрудник, зав сектором народонаселения, занятости и социальных проблем Института экономических исследований ДВО РАН Хабаровск, Хабаровский край, Россия // Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке (Исследование проведено в рамках РФФИ № 08-90-2890; исследовательских проектов ДВО РАН № 09-Ш-А-10-546 и № 09-1-П28-02.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://dvforum.ru/doklads/s5_Motrich.pdf

9. Бурлаев Е. А., Дьяченко В. Н., Мотрич Е. Л., Фещенко Н. В. Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции / под ред. П. А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 71 с.

10. Самофалова О. Как вернуть население на Дальний Восток. 2018 / Взгляд. Деловая газета. 10.09.2018.URL: https://vz.ru/economy/2018/9/10/941161.html

11. Мотрич Е.Л., Изотов Д.А. Современные тенденции и проблемы миграции

в приграничном регионе России: Дальний Восток // Пробуемы прогнозирования, №3, 2018, С.28.36

12. Щербаков Д. Все глубже в демографическую яму. Дальний Восток продолжает терять население. 11.02.2019. URL: https://www.eastrussia.ru/material/vse-glubzhe-v-demograficheskuyu-yamu/

Библиографическое описание статьи

Сидорова Н. П. Влияние уровня жизни населения на формирование миграционных настроений // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 126–133. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-126-133

Natalya P. Sidorova – Candidate of Sociology, associate professor, acting head of thr management and business law chair, the Far-Eastern Institute of management – branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: wifedrag@mail.ru*

Impact of living standards on the formation of migration attitudes

***T**he article is devoted to the analysis of the influence of the standard of living of the population on the formation of migration attitudes. The relevance of studying the factors of formation of migration attitudes of the population is confirmed by the continued outflow of the population from the territory, despite government programs and projects in the region to attract and retain the population. The article presents the results of a large-scale sociological study of the population of the Far Eastern region, examines the main trends in assessing the standard of living of population and migration attitudes, as a potential readiness for migration. It is noted that the main reasons for leaving are associated with various conditions, which are largely determined by the standard of living: with getting a better education, looking for a better job, more decent wages, better living conditions.*

Keywords: *standard of living of the population, migration attitudes, migration, population outflow, the Far-Eastern region, programs of state support of the population, dissatisfaction with the level and living conditions, financial situation, income level.*

References:

1. Alikin, A. Russia: programs of settling the Far East could not stop the outflow of people. September 19, 2018 URL: https://russian.eurasianet.org (In Russian).

2. Donets E. V., Chudinovskikh O. S. Current migration trends in the regions of the Far Eastern Federal District *Uroven' zhizni naseleniya regionov* [Living standards of the population of the Russian regions], no. 4 (206), 2017, pp. 88–94. (In Russian).

3. Natural population movement in the context of the subjects of the Russian Federation in January-December 2014. http://www.gks.ru/free_2014/demo/edn. (In Russian).

4. Ivlev Ya. Ya., Galichanin E.N. Far East and Transbaikalia (historical and economic review). Interregional Association of Economic Cooperation of the Subjects of the Federation of the Far East and Transbaikalia. Amur Geographical Society. Khabarovsk, 1998. 56 p. (In Russian).

5. Izotov D. A. Far East: innovations in public policy *EKO* [EKO], 2017, no. 4, pp. 27–44. (In Russian).

6. Population of Russia 2010-2011: the eighteenth – the nineteenth annual demographic report / resp. ed. A.G. Vishnevsky; Nat Issled. University "Higher School of Economics". M .: Izd. House of the Higher School of Economics, 2013. 530 p. (In Russian).

7. Migration processes and their impact on the demographic and socio-economic development of the Far East: a collection of works of the II International Scientific and Practical Conference, June 4–5, 2018 / Edited by: S. V. Ryazantsev, M. N. Khramova, L.A. Savinkina, Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2018. (In Russian).

8. E. L. Motrich, Doctor of Economics,

Leading Researcher, Head of the Population, Employment and Social Problems Sector, Economic Research Institute of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences Khabarovsk, Khabarovsk Territory, Russia *Demograficheskiye i migratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Demographic and Migration Processes in the Far East (Study in the framework of the Russian Foundation for Basic Research], no. 08-90-2890; research projects of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences No. 09-Sh-A-10-546 and No. 09-1-P28-02.) [Electronic resource]. - Access mode http://dvforum.ru/doklads/s5_Motrich.pdf (In Russian).

8. Burlaev E. A., Dyachenko V. N., Motrich E. L., Feschenko N. V. Population of the Russian Far East: problems and trends / ed. P. A. Minakir; Economic Research Institute of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2018. 71 p. (In Russian).

9. Samofalova O. How to return the population to the Far East. 2018 / Look. Business newspaper. 10.09.2018.URL: https://vz.ru/economy/2018/9/10/941161.html (In Russian).

10. Motrich E. L., Izotov D. A. Current trends and problems of migration in the border region of Russia: the Far East. *Probuyemy prognozirovaniya* [Try to predict], no. 3, 2018, pp. 28, 36. (In Russian).

11. Shcherbakov D. Deeper and deeper into the demographic pit. The Far East continues to lose population. 11.02.2019. URL: https://www.eastrussia.ru/material/vse-glubzhe-v-demograficheskuyu-yamu/

Reference to the article

Sidorova N. P. Impact of living standards on the formation of migration attitudes // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 126–133. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-126-133

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-134-146
УДК 316

Е. А. Клейменов

Социальный механизм взаимодействия и стратегия сотрудничества в деятельности полиции: социологический анализ

***В** статье на основании результатов фокус-групповых интервью сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в подразделениях территориальных органов МВД России, расположенных в Дальневосточном федеральном округе, рассматривается реализация принципа взаимодействия и сотрудничества полиции. Исследование показало, что в целом сотрудники полиции положительно оценивают характер взаимодействия с другими органами власти и управления. Представители последних воспринимают сотрудников полиции как профессионалов своего дела. Устранение типичных проблем внутри полиции – ключ к решению большинства проблем во взаимодействии с другими органами власти и управления. Наиболее часто упоминаемыми респондентами преградами для должной реализации рассматриваемого принципа являются следующие сложности: кадровые проблемы, вопросы материально-технического обеспечения, несовершенство нормативного регулирования деятельности сотрудников полиции, в том числе в части объема их полномочий, а также в части их совместных с другими органами и организациями усилий по обеспечению общественных безопасности и порядка, борьбе с преступностью, рост документооборота. Кроме данных факторов, значимую роль во взаимодействии полиции с другими органами власти и подчиненными им организациями играют характер межличностных отношений между конкретными сотрудниками и их руководителями, административно-территориальная принадлежность таких взаимодействий («большой город – район, село»), качество ранее имевших место результатов профессионально-служебных контактов.*

***Ключевые слова:** взаимодействие полиции, органы власти и управления, подразделения по вопросам миграции, участковые уполномоченные полиции, оперативные подразделения, патрульно-постовая служба полиции, ГИБДД.*

В пореформенный период Министерство внутренних дел России в экспертной среде, в специальной литературе, в средствах массовой информации, среди высшего политического руководства страны центральной темой при оценке деятельности полиции стал вопрос об уровне доверия общества к полиции и в целом различные аспекты общественного мнения относительно характера и качества деятельности органов внутренних дел по обеспечению общественных безопасности и порядка, борьбе с преступностью.

Вместе с тем вопросы межведомственного взаимодействия, сотрудничества с другими органами власти и управления, общественными объединениями остаются без должного внимания не только со стороны ученых, но и со стороны представителей органов власти. Это, на наш взгляд, с одной стороны, оправданно – первостепенное значение для оценки эффективности деятельности полиции должно иметь, действительно, общественное мнение.

Однако, с другой стороны, результативное взаимодействие и сотрудничество полиции с другими правоохранительными органами, органами власти и организациями во многом предопределяет выполнение качества возложенных на

Евгений Алексеевич Клеймёнов – канд. социол. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России. (680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15). *E-mail: yevgeni-k1@yandex.ru*

полицию обязанностей по охране общественного порядка, защите нарушенных прав граждан и т. д., а значит, также требует своего научного и экспертного осмысления.

Содержание указанного взаимодействия нашло свое нормативное закрепление в статье 10 Федерального закона «О полиции» в виде такого принципа деятельности полиции, как взаимодействие и сотрудничество (далее – Принцип).[1]

Принцип, с одной стороны, предполагает использование полицией возможностей органов власти и управления, организаций при выполнении возложенных на нее задач, и обязанность последних – содействовать полиции в таком выполнении. С другой стороны, Принцип обязывает полицию, во-первых, взаимодействовать с названными субъектами, а также с гражданами при осуществлении своей деятельности, а во-вторых, предполагает оказание содействия полицией указанным органам и организациям в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдения законности и правопорядка.

В научном сообществе анализ реализации Принципа нашел свое отражение, главным образом, в трудах ученых-правоведов, рассматривающих его преимущественно с позиций толкования нормативных правовых актов или описания мероприятий, совместно проводимых полицией и другими ведомствами, организациями в рамках полномочий и процедур, обозначенных в вышеупомянутых актах [Амельчакова, 2015; Майорова, 2016; Юрицин, 2017].

Очевидно, что такой подход недостаточен, так как за пределами гуманитарного знания остаются те практики, что обусловлены не нормативными, а фактическими условиями социальной реальности, влияющими на взаимодействие и сотрудничество полиции с другими органами и организациями и выражающими их.

Адекватно отразить такую реальность, на наш взгляд, можно при помощи социологических инструментов.

На уровне общей социологии в качестве таких средств выступают теоретические модели, раскрывающие природу и виды социального взаимодействия. Кратко отразим сущность наиболее известных из данных подходов и одновременно с этим наиболее применимых для описания и объяснения взаимодействия полиции с различными социальными субъектами при решении возложенных на неё задач.

У Макса Вебера центральным элементом в рассуждениях о социальном взаимодействии является субъективное, но при этом рациональное соотнесение личностью своих действий с поведением других людей, ожидание возможной реакции третьих лиц на соответствующее действие данной личности [Вебер, 2010].

Дж. Хоманс и П. Блау разработали теорию социального обмена, базирующуюся на допущении о том, что поведение – это действия, являющиеся последствиями соответствующих вознаграждений и наказаний [Култыгин, 1997].

Э. Гидденс со ссылкой на И. Гоффмана анализирует социальное взаимодействие с позиций пространственно-временного аспекта. В основе такого анализа лежит концепция регионализации, описывающая зонирование социальной жизни в пространстве-времени [Гидденс, 2005].

Несмотря на достаточно глубокий анализ природы, условий и видов социальных взаимодействий, представленный в обозначенных концепциях, наиболее развернутую теорию социального взаимодействия разработал Питирим Сорокин [Сорокин, 1994].

Под взаимным действием ученый понимает явление, когда люди взаимно влияют на поведение друг друга. В качестве составных частей указанного действия мыслитель выделяет:1) индивидов (не менее двух); 2) их действия – акты; 3) проводники взаимодействия.

П. Сорокин в основание классификации социального взаимодействия помещает следующие критерии: количество взаимодействующих индивидов, качество взаимодействующих лиц, характер взаимоотношений взаимодействующих,

[1] *Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант плюс».*

направленность на достижение цели, длительность взаимодействия, степень организованности взаимодействия [Сорокин, 1994].

Несмотря на столь внушительный теоретический фундамент в общей социологии, посвященный вопросам социального взаимодействия, в теориях среднего уровня и в прикладных социологических исследованиях тема взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами, органами власти и управления, организациями остается мало разработанной.

С учетом изложенного, а также по причине того, что надлежащую предметно-практическую оценку работы механизма взаимодействия полиции могут дать преимущественно сами сотрудники полиции, нами была поставлена цель – провести социологический анализ мнений сотрудников полиции о том, как данный механизм функционирует в их профессиональной деятельности. Для её достижения нами были использованы качественные методы сбора социологической информации: проведены 5 фокус-групповых интервью сотрудников подразделений полиции, наиболее интенсивно и широко взаимодействующих с населением (далее – Исследование).[2]

Принимая во внимание широту реализации Принципа, в Исследовании мы сделали акцент на изучении взаимодействия сотрудников полиции с органами власти и управления, а также с подведомственными им учреждениями (далее – «органы власти и управления»), оставив за его рамками вопросы взаимовлияния полиции и организаций (коммерческих предприятий, общественных объединений и т. д.), полиции и граждан.

Также заметим, что, ориентируясь на предметно-практическую направленность результатов Исследования, в настоящей статье мы сделаем уклон на освещение проблемных аспектов во взаимодействиях полиции с другими органами власти и управления и фрагментарно покажем положительный опыт сотрудничества полиции с последними.

Изложение материала мы выстроим от частного к общему: раскроем особенности работы механизма социального взаимодействия полиции в профильных подразделениях, а затем перейдем к общему, типичному, свойственному для опрошенных большинства подразделений.

Исследование показало, что механизм социального взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с властными структурами работает в различных режимах, что во многом предопределено природой, функциональным предназначением соответствующих подразделений полиции.

Так, сотрудники подразделений по вопросам миграции (далее – ПВМ) наиболее интенсивно по роду службы взаимодействуют с сотрудниками Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП) России, судов общей юрисдикции, Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ) России.

О положительном опыте солидарного двустороннего (по Сорокину) взаимодействия с последними свидетельствуют следующие мнения многих респондентов:

- *«... очень большое взаимодействие с сотрудниками ФСБ именно по проверке иностранных граждан, потому что этот вопрос их очень интересует»;*

- *«Очень помогают. Им очень нравятся … рейды. Вот только рейд – они готовы и машину, и сотрудников предоставить…»;*

- *«... у нас тоже нет проблем с этим. Всегда отзывчивые …».*

Также позитивно оценивают некоторые респонденты взаимодействие с судами:

- *«... у нас судьи не только в часы приёма, но и в вечерние часы готовы работать, если у нас есть соответствующие материалы. …»;*

- *«... есть у нас какие-то рамки, в кото-*

[2] *Автором проведены 5 фокус-групповых интервью сотрудников оперативных подразделений (далее – «ОП») (n=9, май 2018 г.), подразделений участковых уполномоченных полиции (далее – «УУП») (n=7, май 2018 г.), патрульно-постовой службы полиции (далее – «ППС») (n=9, май 2018 г.), ГИБДД МВД России (n=8, май 2018 г.), подразделений по вопросам миграции (далее – «ПВМ») (n=8, ноябрь 2018 г.). В фокус-групповых интервью приняли участие сотрудники подразделений территориальных органов МВД России, расположенных в Дальневосточном федеральном округе. Руководитель исследований – Е. А. Клеймёнов.*

рые они нас ставят, но они все разумные: в определённое время привезти материалы, не позже какого-то времени.… условия вполне допустимые, реальные. … всё очень разумно. … Работать очень спокойно, легко в этом плане».

Интересно, что сотрудники ПВМ взаимодействуют не только с правоохранительными органами, но и со службами социальной защиты. Причем, данное взаимодействие, как показывают мнения некоторых опрошенных, носит ценностно-рациональный (по Веберу) характер.

Так, сотрудники принимают участие в помощи лицам с неурегулированным статусом (без документов, подтверждающих правовой статус, оказавшимся в сложной жизненной ситуации) через обращение в службы социальной защиты и делают это по своей инициативе, не смотря на то, что данный вид служебной деятельности не предусмотрен должностными регламентами:

– *«… бывают люди совсем в плачевном состоянии. И мы пытаемся наладить с социальными службами взаимодействие, чтобы они … какую-то помощь им оказали, этим гражданам»;*

– *«Есть категория граждан, которым необходима помощь, и мы самостоятельно делаем запросы, если они не в состоянии сделать это по разным причинам: по неосведомлённости, из-за отсутствия материальных средств у них».*

Вместе с тем некоторые респонденты из числа ПВМ сообщили о проблемах, возникающих при взаимодействии с работниками ряда многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – «МФЦ»). Данные сложности выражаются, по мнению опрошенных, прежде всего, в ненадлежащем оформлении документов, поступающих в подразделения из МФЦ:

- *«… есть проблема в том, что некоторые отделения заполняют заявления на российский паспорт некорректно, недостоверно, с исправлениями, с ошибками. Это недопустимо»;*

- *«… после их неправильной работы мы будем к себе вызывать человека и восполнять все эти пробелы в тех же заявлениях»;*

- *«… они просто приняли документы абы как. Есть такие отделения».*

Кроме того, некоторые респонденты сообщили о том, что к ним из МФЦ поступают не только неверно оформленные документы, но и неполные комплекты документов:

- *«… не берут документы, которые нам необходимы, хотя гражданин на приёме в МФЦ их предоставлял. Это уже выясняется потом, когда мы начинаем звонить гражданину…»;*

- *«Сотрудники МФЦ не всегда берут необходимые для нас документы, пусть даже временная регистрация – она не является основным бланком какого-то перечня, но для нас как для административной практики она необходима …».*

Кроме того, посредническая роль МФЦ между гражданами и ПВМ, как считают многие участники фокус-групп, может негативно сказываться на восприятии населением ПВМ. Связано это с тем, что граждане имеют дело только с первичной подачей документов в МФЦ, сотрудники которых, действуя строго по регламентам, не всегда правильно квалифицируют сущность проблемы обратившегося гражданина, и конечным продуктом оказанной государственной услуги. В связи с этим, граждане, не обладая представлениями о работе ПВМ и их сотрудников, личным профессиональным контактом с ними и возможностью получить квалифицированную помощь и консультацию от специалистов ПВМ на этапе подачи документов, вынуждены повторно обращаться со своим вопросом, но уже к специалистам, сотрудникам ПВМ:

- *«А здесь получается, он пришёл в МФЦ, чтобы сделать всё побыстрее и не стоять, грубо говоря, в очереди у нас. В итоге получается, что он потеряет в два раза больше времени, чем если бы он пришёл к нам напрямую»;*

- *«Да, они нас разгрузили, да, у нас нет очереди. Однако на месте можно решить много вопросов, не доводя до конфликта вообще»;*

- *«… повторное обращение с документами порождает негатив по отношению именно к нашей службе».*

Электронизация оказания услуг, в том

числе посредством подачи документов через портал государственных услуг Российской Федерации (светоцветовой проводник взаимодействия по П. Сорокину), также отрицательно воспринимается многими респондентами из числа опрошенных сотрудников ПВМ, поскольку, по их мнению, осложняет их предоставление. Обусловлено это, во-первых, как и в случаях с МФЦ, неясностью всех обстоятельств, требующих разрешения, в рамках электронного обращения гражданина:

- *«… в электронном виде, через многофункциональные центры оказываем услуги, то есть нет контакта с людьми»;*

- *«… где-то разъяснения определенные вопросы требуют… Сейчас же, при электронном предоставлении услуг, не будет такого содействия гражданину, ведь всякое бывает – с человеком работаешь и всей ситуации, исходя из представленных в электронном виде документов, не видишь»;*

- *«Например, заявитель забыла указать фамилию, которая у неё была 10 лет назад, она просто забыла, а указание даже такой фамилии обязательно, это в регламенте прописано. Именно в ходе личной беседы можно выяснить, что когда-то у неё были другие установочные данные, которые необходимо указать».*

Во-вторых, по мнению некоторых опрошенных, к электронизации не готовы сами граждане, особенно на селе, в отдаленных населенных пунктах, поскольку не обладают достаточной компьютерной грамотностью:

- *«… ещё люди не совсем к этому готовы… Не понимают. Они в районах живут, в сёлах живут отдалённых. … Некоторые не знают даже, что это такое. Спрашиваю: «Вы зарегистрированы на портале Госуслуг?». Отвечают: «Да-да, я есть в «Одноклассниках»…».*

Межведомственное информационно-телекоммуникационное взаимодействие, по мнению сотрудников ПВМ, также не лишено препятствий. Так, корректный прием запросов от ПВМ другими органами, как свидетельствует один из респондентов, возможно только в силу сложившихся личных контактов сотрудников соответствующих госструктур: *«…с другими органами мы общаемся посредством электронной почты, большую часть всех запросов межведомственных мы оформляем в электронном виде. В этих ведомствах остаются те же люди, с которыми мы работали пять лет назад, и они принимают эти запросы,так как знают нас. Что будет в дальнейшем неизвестно».*

В подразделениях Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД) МВД России наиболее позитивные практики солидарного взаимодействия сложились с прокуратурой, военной полицией и автоинспекцией, службой судебных приставов.

Так, с военной полицией сотрудники ГИБДД участвуют в совместных рейдах по проверке транспортных средств, управляемых военнослужащими, а также в обеспечении общественного порядка:

- *«С военнослужащими также проводятся рейдовые мероприятия, с военной полицией. … Совместно обеспечиваем безопасность дорожного движения и охрану общественного порядка»;*

- *«… в последнее время проходили рейды у нас с военной автоинспекцией. Также останавливаем автомобили военнослужащих, военнослужащих на гражданских автомобилях…».*

С ФССП России осуществляется взаимодействие по линии проверки и задержания должников в рамках исполнительных производств:

- *«В последнее время у нас часто стали проходить рейды с судебными приставами. … Собираемся, останавливаем транспортные средства»;*

- *«В основном взаимодействуем с судебными приставами. По факту долгов … проходит какое-то рейдовое мероприятие, на посту останавливаем автомобили, проверяем водителей, пассажиров».*

Говоря о проблемах, усложняющих межведомственное взаимодействие, многие сотрудники ГИБДД отметили несовершенство законодательного регулирования их деятельности. Последнее выражается преимущественно в наличии пробелов в праве, нечеткости формулировок правовых актов, в возможном их двояком тол-

ковании и, как следствие, правовой незащищенности сотрудников:

- «… также существуют ситуации, на которые вообще нет ответа …»;

- «… у нас многое строится не на основе законодательства, а на основании практики, правоприменительных традиций»;

- «Гражданин пишет заявление по поводу того, что его незаконно привлекли к ответственности. По выговору выписали. А за что? За то, что не доставили в дежурную часть для установления личности».

Также некоторые из сотрудников ГИБДД сообщили о том, что препятствия со стороны других ведомств происходят от обиды за качественное исполнение обязанностей инспекторами по контролю за соблюдением транспортной дисциплины сотрудниками и работниками соответствующих структур:

- «… у всех есть служебный автотранспорт, который также механик выпускает на линию. Это опять же ГИБДД может все проконтролировать. … допустим, механик выпустил автомобиль с какой-нибудь неисправностью или без отметки врача у водителя, мы его оформляем. … Потом представители этих ведомств говорят нам: «Попросите вы еще что-нибудь от нас». В связи с этим в последующем … нам в помощи отказывают, стараются избежать сотрудничества»;

- «… какая-то часть будет все равно отрицательно настроена, для всех хорошим не будешь».

Сотрудники подразделений участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) также как и сотрудники ГИБДД интенсивно сотрудничают с судебными приставами. Кроме того, практики солидарного взаимодействия сложились и с сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по проверке лиц, освободившихся из мест лишения свободы:

- «Уголовно-исполнительная инспекция. В основном это проверка условно осуждённых»;

- «… если взять, например, уголовно-исполнительную инспекцию, то с ними проблем нет»;

- «… у нас взаимодействие наиболее плотно идёт с уголовно-исполнительной системой, проверяем поднадзорных лиц».

Наряду с этим в фокус-группе с участием УУП большинство опрошенных признались в том, что наиболее трудно взаимодействовать с администрациями муниципальных образований. Главная причина этому в односторонности такого сотрудничества: органы местного самоуправления заинтересованы во взаимных связях только тогда, когда это им выгодно. Подтвердим данное заключение конкретными высказываниями участников фокус-группы:

- «… когда им надо, они к тебе подходят, когда тебе необходимо решить служебные вопросы, они поворачиваются к тебе спиной, и ты вынужден к ним уже подходить долго и упорно, чтобы получить ответы. Через запрос – очень проблематично и долго»;

- «… только когда мы им нужны, они с нами работают, а когда хочешь выполнить свои служебные задачи, они как-то не очень на контакт идут»;

- «Администрация зачастую от нас отворачивается, одностороннее взаимодействие с администрацией».

Большинство УУП также указали на то, что участковые воспринимаются в других структурах как универсальный институт для решения тех проблем, с которыми другие органы и организации даже при наличии полномочий справляться не могут или не хотят. УУП же в силу наличия у них широко толкуемых полномочий вынуждены выполнять и эту работу. В связи с этим УУП перегружены исполнением второстепенных задач:

- «… часто ездим на рейды с судебными приставами, ездим, охраняем их, тратим на них свое время, хотя у них для этого есть свои сотрудники…»;

- «…и ты едешь охранять их, а нормативного основания нет.Они это преподносят под эгидой охраны общественного порядка, потому что под эту формулировку можно подвести вообще все что угодно»;

- «… у меня на 10 посёлков один участковый, и администрация постоянно дёргает: «приди туда, приди туда, приди

туда. Также администрация присылает людей к нам по вопросам вне нашей компетенции, но мы все равно их принимаем, потому что угрожают жалобами, … хотя это работа администрации. В принципе в других правоохранительных органах, службах придерживаются мнения: «Если не знаешь что делать, отправь человека к участковому».

Если говорить о сотрудниках патрульно постовой службы полиции (далее – ППСП), то большинство из последних отметили, что наиболее позитивные практики складываются с сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, в том числе по линии раскрытия преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ППСП (Применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации), оскорбление представителя власти (ст. 319 Уголовного кодекса Российской Федерации):

- «… со Следственным комитетом отношения улучшились»;

- «… со Следственным комитетом работаем по статьям 318, 319 УК РФ. В качестве свидетелей всегда опрашивают»;

- «… взаимодействуем со Следственным комитетом по нашим статьям».

Вместе с тем неоднозначно складываются отношения у сотрудников ППСП с сотрудниками Росгвардии. Так, некоторые сотрудники отметили, что преобладает согласное взаимодействие с сотрудниками данной вновь образованной структуры, прежде всего, при охране общественного порядка и раскрытии преступлений:

- «… патруль формируется из одного полицейского и трёх росгвардейцев. Они находятся у нас в подчинении. В принципе никто не возмущается и нормально относится к нам как добропорядочным сотрудникам»;

- «Гвардия также воспринимает нас очень хорошо, потому что там большая часть сотрудников являются бывшими сотрудниками ППС. Все друг друга знают и понимают…»;

- «… с Росгвардией у нас совместный пеший патруль. Патруль формируется из одного человека с нашей службы, а другой сотрудник из Росгвардии. … Осуществляется доставление лиц по статье 20.20 КоАП, хулиганов».

Вместе с тем мнения некоторых сотрудников ППСП свидетельствуют о необходимости интенсификации взаимодействия с Росгвардией, расширения их полномочий до ранее существовавшего объема:

- «..много, что запретили. Раньше можно было их просто попросить и всё, а сейчас их попросишь, а они говорят: «Мы не можем, потому что у нас все по приказу»;

- «… нам нужно увеличить общение с охраной, потому что они приезжают на происшествие первыми, и им нужно активно взаимодействовать с нами, чтобы активнее препятствовать преступности»;

- «Сейчас они уже не имеют полномочий заходить на вызов, они только могут нас довозить».

Несмотря на это некоторые участники фокус-группы с участием сотрудников оперативных подразделений (далее – ОП) отметили, что взаимодействие с сотрудниками данной силовой структуры складываются достаточно хорошо и касается это, прежде всего, силовой поддержки тех мероприятий, что проводят сотрудники ОП:

-«… идёт взаимодействие с Росгвардией при проведении каких-нибудь операций, с незаконным переливанием топлива, например. Они обеспечивают нам беспрепятственную силовую поддержку»;

- «… частое взаимодействие с Росгвардией. Мы постоянно консультируемся и постоянно работаем».

Другой проблемой для сотрудников ОП является сложное межведомственное взаимодействия по линии получения необходимой информации. Об этом сообщили большинство сотрудников ОП:

- «… упростить документооборот… Очень много времени на это тратишь»;

- «… все через установленные сроки, всё через запросы. На мой взгляд, это – первая причина, по которой у нас происходит такая волокита и буксуют некоторые направления в полиции»;

- «… даже в таком органе, как Росреестр, возникли большие проблемы просто даже с ознакомлением с регистрационными делами».

Наряду с особенными препятствиями

во взаимодействии с другими органами власти и управления сотрудники полиции отмечают сложности, которые в силу их регистрации в большинстве фокус-групп можно считать типичными или общими для большинства подразделений полиции, сотрудники которых приняли участие в исследовании.

Опрошенные признают, что такие препятствия лежат, главным образом, в плоскости деятельности самой полиции. К ним относится, прежде всего, необходимость оптимизации кадрового состава, которую, в свою очередь, можно разделить на ряд аспектов. Подкрепим данное суждение, а также тезисы о межведомственных коммуникативных преградах, берущие начало в деятельности полиции, наиболее иллюстративными тезисами из результатов фокус-групповых интервью.

Так, большинство УУП отмечают недостаточную численность сотрудников органов внутренних дел (далее – «ОВД»):

- «... нужно вернуть те кадры, которые были сокращены»;

- «... нужно укомплектовать штат, потому что у нас нехватка кадров, каждый месяц уходят сотрудники …»;

- «... на один район приходилось по шесть сотрудников, сейчас – по два, а преступников и условников меньше не стало…».

Об этой же трудности сообщают многие сотрудники ГИБДД:

- «… никого так не коснулось сокращение как сотрудников ГИБДД…»;

- «... кадровая проблема… У нас сокращают с каждым годом. … Говорят, у нас сейчас все автоматизировано, камера работает. А что камеры могут проверить «лишенцев» без права управления с подложными номерами?»;

- «... автомобилистов и автомобилей становится все больше, а сотрудников все меньше, поэтому все успеть просто невозможно».

В различных фокус-группах, за исключением фокус-группы с участием сотрудников ПВМ, представлены единичные мнения о «текучести» кадров в подразделениях:

- «Кто пришел и лет 10 отслужил, то те ещё более или менее держаться»;

- «... очень большая текучка»;

- «… в ППС не задерживаются. Это – первоначальная должность как трамплин».

Подобные коллективные ощущения касательно численности ОВД и последствий её сокращения характерны не только для сотрудников ОВД, но и для жителей нашей страны в целом. Так, согласно общероссийскому исследованию Фонда «Общественное мнение» 41% опрошенных россиян отрицательно относятся к решению о сокращении численности сотрудников ОВД, что практически идентично числу тех, кто относится положительно (45%)[3]. При этом главные причины такого негативного восприятия отражаются в следующих тезисах (в процентах от числа тех, кто отрицательно относится к сокращению численности сотрудников ОВД, отвечали 41% респондентов)

- «Сейчас высокая преступность, она возрастет еще больше» (16%);

- «Сотрудников ОВД и так не хватает» (8%);

- «Увеличится нагрузка на сотрудников ОВД, они не будут успевать справляться со своими обязанностями» (6%).

Помимо нехватки сотрудников существуют и другие сложности в кадровой инженерии ОВД. Так, большинство участковых указали на то, что непросто работать с молодыми сотрудниками. Это касается как сотрудников, прибывших на службу в ОВД и не прошедших профильной подготовки в образовательных организациях системы МВД России, так и представляющих иные органы власти:

- «Если приходит какой-то молодой сотрудник с необоснованными амбициями, то он, естественно, начинает делать поспешные выводы…»;

- «... с молодыми сложнее работать, потому что фактически они приходят на работу только с теорией, никакой практики нет …»;

- «Молодые приходят... Им объясняешь, как делать, как работать, а у них ветер в голове».

О кадровых трудностях сообщили и сотрудники ППС, большинство из которых признались в том, что необходимо повышение уровня профессионализма сотруд-

[3] *Отношение к полиции и реформе ОВД // [Электронный ресурс], Сайт Фонда «Общественное мнение», режим доступа: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12263*

ников, особенно молодых правоохранителей, только что принятых на службу:

- «…есть, например, молодые сотрудники, которых берут после армии. Они, конечно, ничего ещё не знают, и никто их ничему ещё не научил»;

- «… нужно улучшать обучение, сам командир отделения молодёжь должен учить чему-то»;

- «… нужно обучать сотрудников более направленно, не в общих чертах, а более предметно-практически»;

- «… нужно проводить постоянные занятия по правильности составления материалов».

Еще одной преградой для эффективного взаимодействия с другими органами власти и управления, по мнению опрошенных, является недостаточность или неопределенность их полномочий (пробелы в праве).

О необходимости больших полномочий сообщают некоторые сотрудники ОП:

- «… моё мнение такое: нужно предоставить больше полномочий»;

- «… нагрузка стала больше, а полномочий особо не прибавилось»;

- «… полномочий мало».

О необходимости больших полномочий сообщили и некоторые сотрудники ГИБДД:

- «Водитель управлял автомобилем , не справился с управлением и у него погиб пассажир – бабушка. Водитель скрылся. … Мы его запеленговали, он выходил на связь, звонил жене, говорил, что скоро будет дома, домой так и не явился. Он сел в поезд и уехал. Попытались его перехватить… попросили предоставить нам информацию. Там нам сказали, что если сейчас в такой форме предоставить информацию, их попросту всех уволят, поэтому всё через запрос, а это – время»;

- «… полномочий нет».

Кроме этого, несовершенство законодательного регулирования полномочий сотрудников порождает опасения применения огнестрельного оружия, специальных средств, физической силы. Подтвердим данный тезис следующим, во многом типичным, мнением:

- «Актуальная проблема – применение физической силы, специальных средств. Сотрудник полиции 10 раз подумает прежде чем что-то применить, потому что опасается в отношении себя процессуальных проверок и ответственности, а пока он будет думать, его уже могут, к примеру, убить».

Более того, названное несовершенство, по мнению некоторых опрошенных, приводит к существованию фактически сложившейся презумпции виновности сотрудников в отношениях с гражданами и осложняет взаимодействие с контролирующими органами:

- «… если мы приходим в организации, то к нам негативное отношение от граждан. Они просто считают, что они имеют на все права, и им ничего не будет…»;

- «… дали по выговору. А все почему? Все потому, что он гражданский. Он же заявил, он пожаловался, значит ты виноват. … В любой ситуации виноват сотрудник. Везде так»;

- «.. при первом же сообщении о правонарушении проводят сразу же в отношении сотрудника процессуальную проверку …».

Третьим общим препятствием для оптимального взаимодействия является требующее улучшения материально-техническое обеспечение деятельности ОВД.

Многие сотрудники ПВМ, например, отмечают ненадлежащую работу интернет-каналов для приема-передачи информации. Особенно ярко данная проблема проявляется за пределами региональных центров, в муниципальных районах:

- «Не все подразделения готовы к электронному оказанию услуг. Например, в рамках города – большая готовность, а в районах же нет связи»;

- «В районах нет связи. Это – Интернет …, телефон»;

- «Мы до четырёх часов вечера, до 16 часов, ещё как-то более или менее работаем. После, когда Москва просыпается, невозможно нам нормально выполнять свои обязанности по исключительно техническим причинам».

Сотрудники ГИБДД также связывают оптимизацию межведомственного взаимодействия с улучшением материально-технического снабжения данных подразделений ОВД:

- «… первое – это материальное обе-

спечение»;

- «… конечно, нужно совершенствовать техническое обеспечение, чтобы все были с планшетами, например. Техническая база нужна»;

- «У нас есть программа (внутри ГИБДД – прим. автора) запросов-ответов. Все ей пользуются. Вот примерно тоже самое нужно с другими органами государственной власти реализовать. … Так будет намного быстрее и эффективнее работать, чем ехать с этим личным запросом, встречаться, общаться».

В большинстве фокус-групп опрошенные также отметили рост документооборота:

- «Хочется меньше бюрократии. Документов стало очень много»;

- «Сейчас очень большой документооборот»;

- «Больше бумаг стало, документооборот больше стал».

Несмотря на перечисленные сложности в большинстве подразделений многие сотрудники отметили, что их деятельность воспринимается сотрудниками других служб и ведомств положительно, к сотрудникам полиции относятся как к профессионалам своего дела.

Так, многие сотрудники ПВМ указали следующее:

- «… нашу службу, нашу работу очень положительно воспринимают в городе и в районе»;

- «В целом, конечно, наша деятельность воспринимается хорошо»;

- «Я думаю, что те организации, с которыми мы взаимодействуем, относятся к нам как к профессионалам своего дела, доверяют нашим действиям».

Такого же мнения придерживаются большинство сотрудников ГИБДД:

- «… в целом да, считают нас профессионалами, добросовестными профессионалами»;

- «… считают … профессионалами. Большая часть»;

- «… по специфике нашей деятельности они относится к нам, естественно, с уважением. Как к профессионалам. За консультациями они сразу к нам. В основном доверия хватает».

Об уважительном отношении со стороны большинства властных структур сообщили и многие сотрудники ОП:

- «Недоверия и недопонимания нет»;

- «… в плане работы они признают наш профессионализм»;

- «… особо никаких сложностей с доверием нет. … когда неоднократно работаешь, неоднократно пересекаешься, то по запросам быстро получаешь ответы. В целом нас воспринимают как профессионалов».

Во многих фокус-группах большинство опрошенных отмечают, что важное значение для выстраивания солидарных отношений имеет «человеческий фактор», характер сложившихся отношений между конкретными сотрудниками в различных ведомствах:

- «… все зависит от людей, кто на местах работает»;

- «Все зависит от конкретного города, от его населения»;

- «Все зависит от сотрудника. Если сотрудник нормальный, исполнительный, хорошо подходит к работе, то проблем никаких нет».

Также существенную роль в формировании взаимовыгодного сотрудничества большая доля опрошенных отводит руководству взаимодействующих подразделений:

- «… в целом все взаимодействие зависит от начальника»;

- «Все зависит от руководства. Как начальник построит работу, так оно все и будет. Если грамотно построит работу, то все будет нормально»;

- «Все ещё зависит от начальника отдела конечно…».

Однако многие отметили, что о доверительных отношениях с надзорными органами, а также судами, говорить не приходится. С ними взаимодействие осуществляется формализованно, исключительно по букве закона:

- «При каких-то конфликтных ситуациях стараются относиться к нам с пониманием, хотя личных контактов как таковых нет»;

- «… судьи требуют от нас строгого соблюдения всех правил. Неофициального взаимодействия нет»;

- «… с судами и прокуратурой взаимодействие осуществляется официально, требуют все в установленные сроки».

Также некоторые опрошенные в фокус-группах отметили, что двусторон-

нее солидарное взаимодействие зависит от того, насколько хорошо ранее сложились взаимовыгодные отношения между сотрудниками полиции и другими институтами власти и управления, что говорит о практической реализации положений теории социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау:

- *«... если ты сделал грамотно поручения по запросу или тебе конкретно информация какая-то нужна, конечно, тебе пойдут навстречу и предоставят тебе то, что тебя интересует»;*

- *«... если ты помог – ты хороший, если ты не помог – ты плохой»;*

- *«Если они относятся к нашей компетенции недобросовестно, то мы будем отвечать им тем же».*

В результатах Исследования находят свое подтверждение и теоретические тезисы Э. Гидденса о пространственном зонировании социальных взаимодействий. Это проявляется в том, что, по мнению некоторых опрошенных в различных фокус-группах, в крупных городах сотрудничество полиции с органами власти и управления протекает с большими сложностями, чем в небольших населенных пунктах (районных центрах, селах, деревнях). В последних взаимодействие складывается более доверительное и оперативное:

- *«…в городе население большое. А в районах … чем меньше население, тем больше личностного общения, которое переходит в профессиональную деятельность и обеспечивает доверие при взаимодействии»;*

- *«... в городе если задать вопрос, знает ли человек своего участкового, то 90% ответивших не знают, кто у них участковый. … а тут, на селе, меня все видят, меня все знают».*

- *«У меня в районах, кстати говоря, госорганы больше доверяют сотрудникам полиции, чем в самом городе. … А в городе вы зайдёте в администрацию города, и там на вас смотрят свысока».*

Обобщая вышеизложенное, обозначим ключевые итоги анализа результатов Исследования.

В большинстве своем сотрудники полиции положительно оценивают характер взаимодействия с другими органами власти и управления. Многие опрошенные отметили, что к ним относятся как к профессионалам своего дела.

Исследование показало, что эффективное взаимодействие и сотрудничество сотрудников полиции с другими органами власти и управления зависит, прежде всего, от должной организации деятельности подразделений самой полиции. Наиболее часто упоминаемыми респондентами преградами для надлежащей работы механизма социального взаимодействия являются кадровые проблемы, вопросы материально-технического обеспечения, несовершенство нормативного регулирования деятельности сотрудников полиции, в том числе в части объема их полномочий, а также в части их совместных с другими органами и организациями усилий по обеспечению общественной безопасности и порядка, по борьбе с преступностью; рост документооборота.

Кроме данных факторов, значимую роль во взаимодействии полиции с другими органами власти и подчиненными им организациями играют характер межличностных отношений между конкретными сотрудниками и их руководителями, административно-территориальная принадлежность таких взаимодействий («большой город-район, село»), качество ранее имевших место результатов профессионально-служебных контактов.

Наряду с вышеперечисленными содержательными итогами в завершение работы сделаем методологическое замечание. Представленные сведения и выводы основаны на применении качественного метода социологических исследований, фокус-групповых интервью, следовательно, говорить о массовом, общезначимом характере таких научных выводов применительно ко всем подразделениям полиции в Дальневосточном федеральном округе нельзя. В связи этим решение задачи по верификации полученных качественных данных, определению степени их распространения должно быть сопряжено с проведением перспективных количественных социологических исследований или дополнительных качественных социологических опросов.

Список литературы:

1. Амельчакова В. Н. К вопросу о взаимодействии полиции с государственными органами правоохранительной направленности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности при проведении спортивно-массовых мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 211–213.
2. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. М.: Директ-Медиа, 2010. С. 107. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/06.php.
3. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 632. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/04.php
4. Култыгин В. П. Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 85–99.
5. Майорова С. А. Основные принципы и формы взаимодействия по-лиции с государственными органами в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // Вестник Владимирского юридиче-ского института. 2016. № 1. С. 84–89.
6. Отношение к полиции и реформе ОВД // Сайт Фонда «Общественное мнение». URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12263
7. Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 560. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/02.php
8. Юрицин А.Е. Взаимодействие полиции с органами государственной власти и местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму // Вестник Омской юридической академии. 2017. Том 14. № 2. С. 92–97.

Библиографическое описание статьи

Клеймёнов Е. А. Социальный механизм взаимодействия и стратегия сотрудничества в деятельности полиции: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 134–146. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-134-146

Yevgeniy A. Kleymenov – Candidate of Sociology, Associate Professor of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (15, Kazarmenny Per., Khabarovsk, 680020, Russian Federation). *E-mail: yevgeni-k1@yandex.ru*

Social mechanism of the police interaction with the authorities and management in the sociological dimension

T*he article discusses the implementation of the principle of interaction and police cooperation based on the results of focus group interviews of employees of internal affairs agencies serving in divisions of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia located in the Far-Eastern federal district.The study showed that, in general, police officers positively assess the nature of interaction with other authorities and administrations. The representative of the latter is perceived by police as professionals in their field.Solving the typical problems within the police is the key to solving most problems in cooperation with other authorities and administrations.The most frequently mentioned by the respondents are the obstacles to the proper implementation of the principle under consideration are the following difficulties: personnel problems, issues of material and technical support, imperfect regulation of the activities of police officers, including in terms of the scope of their powers, as well as in joint with other bodies and organizations efforts to ensure public safety, order, the fight against crime, the growth of documents.In addition to these factors, an important role in the interaction of the police with other authorities and their subordinate organizations is played by the nature of interpersonal relations between specific employees and their leaders, the administrative-territorial affiliation of such interactions ("big city-district, village"), the quality of place the results of professional-official contacts.*

Keywords: *police, interaction and cooperation, authorities and administrations, units on migration issues, local police officers, operational officers, patrol police, traffic police.*

References:

1. Amelchakova V. N. On the Question of the Interaction of the Police with Governmental Law Enforcement Agencies for the Protection of Public Order and Ensuring Public Safety during Sporting Events, Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015, no. 8, pp. 211–213. (In Russian).

2. Weber M. On some categories of understanding sociology. M .: Direct Media, 2010, p. 107. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/06.php. (In Russian).

3. Giddens E. Sociology. M .: Editorial URSS, 2005, p. 632. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/04.php (In Russian).

4. Kultigin, V.P., The Concept of Social Exchange in Modern Sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 1997, no. 5, pp. 85–99. (In Russian).

5. Mayorova S. A. Basic Principles and Forms of Interaction of Policies with Government Authorities in the Sphere of Protection of Public Order and Ensuring Public Safety *Bulletin of the Vladimir Law Institute* [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2016, no. 1, pp. 84–89. (In Russian).

6. Attitudes towards the police and ATS reform. *Obshchestvennoye mneniye* [Public Opinion Foundation website]. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12263 (In Russian).

7. Sorokin P. An accessible textbook of sociology. Articles of different years. M .: Nauka, 1994, p. 560. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/02.php (In Russian).

8. Yuritsin A.E. The interaction of the police with government bodies and local governments in the field of countering extremism *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of the Omsk Law Academy], 2017, vol. 14, no. 2, pp. 92–97. (In Russian). (In Russian).

Reference to the article

Kleimenov Ye. A. Social mechanism of the police interaction with the authorities and management in the sociological dimension // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 134–146. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-134-146

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155
УДК 314.7(571.620)

В. В. Зубков

Миграционный потенциал молодежи в системе мер государственной региональной политики

***В** статье представлен анализ приоритетных направлений государственной политики, направленных на регулирование миграционных потоков в Хабаровском крае, главным из которых является отток коренного населения и приток малоквалифицированных трудовых мигрантов. Выявлен положительный опыт реализации в регионе таких инструментов закрепления молодежи как «образовательный кредит» и «сберегательный капитал», «Дальневосточный гектар» и «Земский доктор», которые могут быть успешно реализованы в других субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа. С учетом результатов социологических опросов последних лет, фиксирующих миграционные настроения и ориентации молодежи Хабаровского края, предложены основные пути совершенствования мер региональной политики, направленных на снижение миграционного оттока городской и сельской молодежи и деформации социальной структуры региона. Предложенные меры направлены, прежде всего, на повышение уровня жизни населения и трансформацию социально-экономических условий жизни в регионе.*

***Ключевые слова:** миграционный потенциал молодежи, меры государственной поддержки, «Дальневосточный гектар», «Земский доктор», «Сберегательный капитал», «Образовательный кредит», закрепление молодежи.*

В последние годы дальневосточный вектор государственной политики, направленный на ускоренное социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации воплотился в ряд крупных национальных проектов, позволяющих привлечь дополнительные инвестиции. Среди них – территории с особыми правовыми и налоговыми режимами для осуществления опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), программа «Дальневосточный гектар» и др. Они призваны создать комфортные условия для обеспечения жизнедеятельности населения. Однако данные органов государственной статистики и результаты социологических исследований свидетельствуют о продолжающемся, хоть и в меньших масштабах, чем в 90-е и начале 2000-х гг., миграционном оттоке населения, основную часть которого составляют люди молодого трудоспособного возраста.

В соответствии с поручениями Президента РФ В. В. Путина в стране идет подготовка Национальной программы развития Дальнего Востока, которая должна завершиться к осени 2019 г. Главный посыл при ее разработке – увеличение численности населения в дальневосточных субъектах Российской Федерации не только за счет повышения рождаемости, но и за счет регулирования миграционных потоков, главным из которых является отток оседлого населения и приток малоквалифицированной рабочей силы из государств ближнего зарубежья.

Вместе с тем анализ состояния и динамики миграционных намерений молодежи Хабаровского края выявил ряд актуальных проблем, на решение которых должна быть направлена политика федеральных и региональных органов государственной власти и местного самоуправления.

Социологические опросы последних лет фиксируют высокий уровень неудовлетворенности молодежи региона воз-

Владимир Владимирович Зубков – доцент кафедры публичного и частного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, заместитель председателя общественного совета при комитете по внутренней политике Правительства Хабаровского края (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева Амурского, д. 33). *E-mail: zubkovvv89@mail.ru*

можностями по удовлетворению своих жизненных потребностей в доступном жилье, трудоустройстве по специальности, достойной оплате труда, реализации профессионального и карьерного роста, организации досуга и отдыха (табл. 1). Стоит согласиться с Е. Н. Галичаниным, что перечисленные негативные явления стали следствием того, что в макрорегионе происходит снижение уровня жизни населения, трансформация социально-экономической среды, непосредственно влияющей на качество развития социальной сферы, изменение приоритетов в ценностных ориентациях [Галичанин, 2018].

В этой связи приоритеты государственной политики в отношении демографических проблем дальневосточных территорий необходимо сконцентрировать на решении вопросов, отвечающих современным запросам молодежи края. Для достижения поставленных целей был принят целый ряд федеральных и региональных законодательных и иных нормативных правовых актов, в которых утверждены соответствующие региональные инструменты. Так, например, в рамках государственной программы Хабаровского края «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае»[1] осуществляется предоставление молодым семьям социальных выплат на приобрете-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Если Вы хотите сменить место жительства, то с чем это связано?» (в % от числа молодежи, ориентированной на переезд)

Варианты ответа	2013 г.	2017 г.	2018 г.
1. Отсутствие возможностей для трудоустройства по специальности	24,8	43,8	33,6
2. Низкий уровень оплаты труда	41,1	45,0	46,8
3. Отсутствие доступного жилья	30,4	25,3	25,0
4. Отсутствие условий для образования и развития детей	10,7	20,4	26,8
5. Неблагоприятный климат и экологическая ситуация	33,2	34,3	24,3
6. Отсутствие развитой социальной инфраструктуры	19,6	23,4	26,8
7. Социальная напряженность и низкий уровень безопасности	-	-	6,3
8. Затрудняюсь ответить	-	-	10,8
9. Другие	8,7	5,9	-

Источник: составлено автором на основе данных социологических источников[2]

[2] *Социологический мониторинг «Молодежь Хабаровского края: проблемы и перспективы» (1997-2017 гг.). Метод анкетирования, квотная выборка (по полу, возрастным группам и территории проживания), случайная на этапе отбора респондентов в гг. Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, а также в 11 муниципальных районах Хабаровского края. Опрошено 800 респондентов. Организация полевых исследований и подготовка аналитического отчета осуществлена под научным руководством Байкова Н.М., д.с.н., профессора и Березутского Ю.В., к.с.н., доцента (Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС).*

Социологический опрос по теме «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития», проведенный в апреле – мае 2017 г. (исследование проведено методом анкетирования, квотная выборка (по полу, возрастным группам и территории проживания), случайная на этапе отбора респондентов, опрос молодежи проведен в гг. Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, а также в 11 муниципальных районах Хабаровского края. Опрошено 800 респондентов. Организация полевых исследований и подготовка аналитического отчета осуществлена под научным руководством Березутского Ю.В., к.с.н., доцента (Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС).

Социологический опрос по теме «Миграционный потенциал молодежи Хабаровского края», проведенный в апреле – мае 2018 г. (исследование проведено методом анкетирования, квотная выборка (по полу и территории проживания), случайная на этапе отбора респондентов, опрос проведен в гг. Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, а также во всех 17 муниципальных районах Хабаровского края). Опрошено 1 424 респондента. Организация полевых исследований и подготовка аналитического отчета осуществлена под научным руководством Спасского Е.Н., д.полит.н., доцента (Дальневосточный государственный университет путей сообщения).

[2] *Государственная программа Хабаровского края «Развитие жилищного строительства в Хабаровском крае». URL: https://minstr.khabkrai.ru/ZHilischnaya-politika/Gosudarstvennaya-programma-Razvitie-zhilischnogo-stroitelstva-v-Habarovskom-krae (дата обращения: 20.03.2019)*

ние или строительство жилья в крае.

Для молодых семей предусмотрена социальная выплата для строительства либо покупки недвижимости на территории края в размере 30 – 40% от стоимости недвижимости. На частичную компенсацию стоимости квадратного метра для молодых семей в 2018 г. было направлено около 600 млн руб., что позволило улучшить жилищные условия 587 молодым семьям[3], из которых большая часть проживает в гг. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре (217 участников программы).

Вместе с тем несмотря на увеличение объемов строительства жилья, а также снижение численности населения региона, в Хабаровском крае остается высокой стоимость квартир, которая при относительно невысоких доходах молодежи сдерживает темпы обеспечения молодежи жильем.

Официальные статистические данные о средней стоимости жилья на первичном и вторичном рынке свидетельствуют о достаточно высоком уровне цен, который соизмерим с ценами в центральных районах России (табл. 2).

Кроме того, в регионе слабо развиты институты финансирования некоммерческих форм жилищного строительства: товариществ индивидуальных застройщиков, потребительских кооперативов в жилищной сфере, некоммерческих организаций, сдающих жилье в некоммерческий наем, которые могли бы способствовать росту уровня обеспеченности молодежи собственным жильем.

Молодежь региона неизбежно сталкивается не только с проблемой поиска и приобретения жилья на выгодных условиях, но и с проблемой трудоустройства. В Хабаровском крае безработица среди молодежи является одной из социально-экономических проблем, так как молодежь в возрасте 20 – 29 лет составляет самую многочисленную группу из числа безработных (табл. 3). По мнению молоде-

Таблица 2

Динамика средней рыночной стоимости жилья в Хабаровском крае (2012 – 2017 гг.), в тыс. руб./кв. м.

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Средняя рыночная стоимость жилья	64,81	66,79	65,96	60,33	60,12	60,44
Средняя рыночная стоимость жилья на первичном рынке	62,59	69,44	69,24	60,75	60,86	60,34
Средняя рыночная стоимость жилья на вторичном рынке	67,03	64,15	62,67	59,91	59,39	60,54

Источник: Средние цены на рынке жилья. URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/ hab_stat/prices/ (дата обращения: 21.08.2018)

Таблица 3

Структура численности безработных в Хабаровском крае по возрастным группам (2012 – 2017 гг.), в % к итогу

Возраст безработных	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
15 – 19 лет	5.9	4,5	2,7	2,3	2,2	3,1
20 – 29 лет	38,4	39,9	36,0	33,8	31,3	32,9
30 – 39 лет	21,7	21,7	23,3	24,1	25,6	24,3
40 – 49 лет	15,4	14,0	18,1	19,5	19,4	17,4
50 – 59 лет	16,1	15,5	16,7	16,4	16,0	20,3
60 – 72 года	2,5	4,4	3,2	3,9	5,5	2,0

Источник: Структура численности безработных по возрастным группам. URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/ rosstat_ts /habstat/ru/statistics/hab_stat/employment/ (дата обращения: 22.08.2018)

[3] *587 молодых семей края улучшили свои жилищные условия с помощью господдержки. URL: https://minstr.khabkrai.ru/events/Novosti/1369 (дата обращения: 26.03.2019)*

жи, а также экспертного сообщества работодателей края, наиболее распространенными проблемами при трудоустройстве молодого специалиста в регионе являются завышенные зарплатные ожидания и ограниченные возможности регионального рынка труда в их удовлетворении. Кроме того, очевидна деформация спроса и предложения на рынке труда Хабаровского края по определенным сферам подготовки специалистов [Лада, 2018], а также отсутствие опыта и стажа работы, определенных навыков и компетенций у молодых соискателей.

С 2008 г. в крае реализуются решения, направленные на закрепление квалифицированных специалистов в отраслях социальной сферы, обеспечение эффективности деятельности учреждений. С этой целью реализуется постановление Правительства Хабаровского края «О мерах по обеспечению квалифицированными кадрами учреждений социальной сферы Хабаровского края»[4], предусматривающее следующие мероприятия:

– «образовательный кредит» – профессиональная подготовка специалистов с высшим образованием за счет средств бюджета для учреждений социальной сферы края;

– «сберегательный капитал» – выплата специалисту, направленному и проработавшему в учреждениях социальной сферы, расположенных в отдаленных и труднодоступных муниципальных образованиях края, не менее 3 лет, сберегательного капитала в размере 50 минимальных окладов.

За годы реализации принятых мер в крае заключено 100 договоров со специалистами, направленными в труднодоступные и отдаленные районы края («сберегательный капитал»), и 635 договоров на профессиональную подготовку специалистов с высшим образованием («образовательный кредит»)[5]. Кроме того, для молодых специалистов дополнительно предусмотрены стипендия, оплата общежития, оплата проезда до места практики и будущего трудоустройства.

Инструментом привлечения и закрепления молодежи в сельских поселениях Хабаровского края стала реализация с 2012 г. программы по привлечению специалистов здравоохранения «Земский доктор»[6]. В рамках этой программы врачи, которые изъявят желание работать в медицинских учреждениях, расположенных в сельской местности, получат подъемные средства в размере 1 млн руб. Сначала привлекались врачи в возрасте до 35 лет, на сегодняшний день программа распространяется на врачей до 50 лет, прибывших или переехавших в сельские населенные пункты или рабочие поселки, а также города с населением до 50 тыс. чел.

За время реализации программы «Земский доктор» (2012 – 2017 гг.) дефицит врачей на селе сократился на 30%, привлечено 202 врача, которые прибыли в медицинские учреждения практически всех муниципальных районов края. В 2018 г. привлечен в 12 районов Хабаровского края (в том числе города) 51 специалист, в том числе 40 врачей и 11 фельдшеров. Вместе с тем для закрытия дефицита врачей в медицинских учреждениях сельских населенных пунктов потребуется еще более 150 специалистов.

Результаты социологического исследования показывают, что молодежь края слабо участвует в реализации данных программ в Хабаровском крае: до половины опрошенных не участвовали ни в одной из них. Только пятая часть молодежи удовлетворена реализацией данных программ в регионе (табл. 4).

---

[4] Постановление Правительства Хабаровского края от 30 декабря 2008 г. № 312-пр «О мерах по обеспечению квалифицированными кадрами учреждений социальной сферы Хабаровского края». URL: https://rg.ru/2012/08/16/habarovsk-post274-reg-dok.html (дата обращения: 23.08.2018)

[5] Информация о мероприятиях по обеспечению квалифицированными кадрами учреждений социальной сферы Хабаровского края. URL: https://edu27.ru/?page=254 (дата обращения: 23.08.2018)

[6] Постановление Правительства Хабаровского края от 13 апреля 2018 г. № 129-пр «О единовременных компенсационных выплатах медицинским работникам (врачам, фельдшерам) в возрасте до 50 лет, прибывшим (переехавшим) на работу в сельские населенные пункты либо рабочие поселки, либо поселки городского типа, либо города с населением до 50 тыс. человек». URL: https://zdrav.khv.gov.ru/sites/files/zdrav/docs/2018/61ef5a185110780c2d39.pdf (дата обращения: 24.08.2018)

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Удовлетворены ли Вы следующими мерами федеральных и региональных органов власти по привлечению и закреплению жителей Хабаровского края в регионе проживания?» (в % от числа опрошенных)

Программы	Удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Не сталкивался
1. «Земский доктор»	22,5	14,8	21,5	41,2
2. «Сберегательный капиталл»	23,3	10,2	16,9	49,6
3. «Образовательный кредит»	18,5	8,7	16,3	56,5

Источник: социологический опрос по теме «Миграционный потенциал молодежи Хабаровского края», проведенный в апреле – мае 2018 г.

Стоит отметить, что реализация указанных мероприятий направлена лишь на «временное» закрепление населения в городских и сельских поселениях региона, а после окончания обозначенного в программах срока большая часть переселенцев стремится уехать в более благоприятные условия для проживания и работы.

Также стоит обратить особое внимание не только на подготовку специалистов высшей школы, но и переориентацию государственного заказа по подготовке специалистов рабочих профессий. Так, по мнению Н. П. Сидоровой, при определенном дефиците квалифицированных кадров и выраженной потребности в специалистах, которых готовят профессиональные образовательные организации края, доля выпускников, которые были приняты на работу, незначительна. Так, на половине предприятий края за последние три года не было принято ни одного выпускника учреждений среднего профессионального образования [Сидорова, 2018].

Определенные надежды на увеличение человеческого ресурса, прежде всего молодежного, и ускоренное развитие дальневосточных территорий власть и общество связывают с политикой «дальневосточного гектара».

Федеральный закон Российской Федерации о «дальневосточном гектаре» действует с 1 июня 2016 г. и регулирует земельные, лесные и иные отношения, связанные с бесплатным предоставлением гражданам Российской Федерации земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территории Дальневосточного федерального округа[7].

Цель закона – привлечь внимание и ресурсы граждан к освоению территорий Дальнего Востока. Закон позволяет любому гражданину России единожды и бесплатно получить 1 га на Дальнем Востоке под жилое строительство, фермерское хозяйство или предпринимательскую деятельность. В законе особое внимание уделяется вопросам привлечения граждан на постоянное место жительства на территорию Дальневосточного федерального округа, в том числе Хабаровского края, снижения оттока местного населения, а также ускорения темпов социально-экономического развития регионов.

По состоянию на 26 октября 2018 г. на территории Хабаровского края предоставлено 8700 «дальневосточных гектаров», из которых 98 земельных участков – для ведения пчеловодства, 20 – для целей, связанных с сельским хозяйством, 5 – для ведения бизнеса, и 212 пользователей приступили к их освоению[8].

Стоит отметить, что в регионе проведена достаточно мощная информацион-

[7] *Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/71388648/ (дата обращения: 25.08.2018)*

[8] *Слайды по освоению участниками программы «Дальневосточный гектар» земельных участков [Электронный ресурс]. URL: https://mio.khabkrai.ru/Dalnevostochnyj-gektar (дата обращения: 10.03.2019)*

ная кампания по ознакомлению населения, в том числе молодежи, о реализации «дальневосточного гектара», что подтверждается результатами социологического исследования. Так, более половины опрошенных хорошо знакомы либо знакомы в общих чертах с программой «Дальневосточный гектар». Доля молодых граждан, которые слышат о реализации указанного закона впервые, составила не более 10% (табл. 5).

Вместе с тем молодежь региона достаточно прагматична в оценках программы «Дальневосточный гектар». Каждый третий молодой гражданин считает, что ее реализация не приведет к «закреплению» дальневосточников, а также не будет способствовать притоку населения в Хабаровский край. Стоит также отметить, что третья часть респондентов затруднились ответить на указанный вопрос, что может свидетельствовать об отсутствии заинтересованности в участии и реализации указанного закона (табл. 6).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Знакомы ли Вы с программой «Дальневосточный гектар», в рамках которой любой житель нашей страны может бесплатно получить в пользование 1 гектар земли?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2017 г.
1. Да, знаком хорошо с программой	15,6
2. Да, знаком в общих чертах	42,0
3. Что-то слышал	32,8
4. Слышу об этом впервые	9,6

Источник: социологический опрос по теме «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития», проведенный в апреле – мае 2017 г.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Как Вы считаете, программа «Дальневосточный гектар» позволит достичь своих целей – «закрепление» населения на Дальнем Востоке, а также привлечение жителей России к переезду на Дальний Восток?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2017 г.
1. Будет способствовать «закреплению» дальневосточников	10,0
2. Будет способствовать притоку населения на Дальний Восток	15,6
3. Будет способствовать и тому, и другому	12,7
4. Не будет способствовать ни тому, ни другому	31,5
5. Затрудняюсь ответить	30,2

Источник: социологический опрос по теме «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития», проведенный в апреле – мае 2017 г.

Таблица 7

Результаты ответа молодежи на вопрос анкеты: «Вы или Ваша семья готовы воспользоваться условиями программы и получить «Дальневосточный гектар»?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2017 г.
1. Мы уже взяли	3,9
2. Планируем взять	10,3
3. Не планируем	60,6
4. Затрудняюсь ответить	25,2

Источник: социологический опрос по теме «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития», проведенный в апреле – мае 2017 г.

Приведенные данные показывают нежелание молодежи участвовать в реализации своего права на земельный участок, расположенный на территории Хабаровского края, что также подтверждается результатами социологического исследования (табл. 7).

Отсутствие интереса у молодежи к получению «дальневосточного гектара» может быть обусловлено как миграционными предпочтениями и ориентирами, направленными за пределы Хабаровского края, так и рядом других причин, среди которых: отсутствие инфраструктуры и коммуникаций, отсутствие денежных средств на развитие участка, отсутствие времени и желания, нецелесообразность.

Таким образом, при проведении достаточно широкой информационной кампании по популяризации закона о «дальневосточном гектаре» остается достаточно низким уровень заинтересованности молодежи в его получении и использовании. В свою очередь, эти противоречия снижают эффективность данного механизма закрепления населения в регионе.

Таким образом, отсутствие у государственных органов власти системного и комплексного подхода к решению проблем дальневосточного региона актуализирует стремление и готовность молодежи реализовать свои жизненные планы на территориях, не связанных с Хабаровским краем. [Миграционные процессы..., 2013]. При сохранении неадекватных данной ситуации мер государственной политики усиливается деформация социальной структуры региона и ее негативное влияние на все стороны социально-территориального развития.

Анализ основных направлений государственной политики по нивелированию миграционных намерений и поведения среди молодежи края позволяет определить комплекс первоочередных мер по ее совершенствованию:

1. В государственной программе «Обеспечение жильем молодых семей Хабаровского края» следует предусмотреть компенсацию части расходов на возмещение банковских процентов по уплате ипотечного кредита и создание льготных условий для его получения работниками бюджетной сферы. Это будет содействовать не только закреплению местной молодежи, но и привлечению в регион молодых специалистов с других территорий страны.

2. Строительство арендного жилья экономного класса, приемлемого для молодежи по цене и качеству, требует принятия специальных мер государственного стимулирования. Механизмом реализации проекта может стать формирование системы обеспечения гарантированного спроса на арендное жилье через создание информационной базы, в которой граждане и работодатели смогут указывать о своем желании снимать арендное жилье.

3. Необходимо совершенствовать меры государственного регулирования рынка труда и рынка образовательных услуг с учетом удовлетворения спроса организаций в квалифицированных кадрах, профессиях, востребованных в экономике региона; корректировать систему набора в вузы в соответствии с необходимыми потребностями экономики и социальной сферы края; усиливать инновационную составляющую экономики, что позволит изменить структуру рабочих мест и сделать их более привлекательными как по уровню оплаты, так и по содержанию и условиям труда.

4. Следует осуществить запуск информационной кампании с освещением успешных практик и результатов использования «дальневосточного» гектара, что позволить преломить мнение молодежи о бесполезности и нецелесообразности получения данного участка, а также вовлечь молодежь в реализацию своего предпринимательского потенциала.

5. Осуществить переформатирование системы приоритетных направлений молодежной политики на создание условий, способствующих более полному раскрытию и реализации интеллектуального и творческого потенциала молодежи в регионе.

6. Молодежная политика в регионе должна учитывать все возрастающую вовлеченность подрастающего поколения в информационно-теле-коммуникационные ресурсы «Интернет», социальных сети и «телеграмм-каналы», которые выступают для него основным источником получе-

ния информации.

В целом стоит отметить, что, несмотря на принимаемые органами региональной власти усилия, молодежь слабо ощущает на себе влияние государственной молодежной политики или особого отношения государства в улучшении своей жизни. Как следствие, она рассчитывает в основном на собственные усилия, что находит свое отражение в миграционных намерениях и жизненных стратегиях, не связанных с Хабаровским краем.

Список литературы:

1. Галичанин Е. Н. Закрепление населения на Дальнем Востоке – ключевая задача Национальной программы развития региона // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 151–156.

2. Лада А. С. Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 21–31.

3. Миграционные процессы в Дальневосточном регионе России: опыт комплексного анализа: монография / под общ. ред. Н. М. Байкова. Хабаровск, ДВИУ-филиал РАНХиГС, 2013. С. 293.

4. Сидорова Н. П. Перспективы трудоустройства выпускников системы среднего профессионального образования в оценках работодателей // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 3 (84). С. 84–91.

Библиографическое описание статьи

Зубков В. В. Миграционный потенциал молодежи в системе мер государственной региональной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 147– 155. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155

Vladimir V. Zubkov – Associate Professor of the public and private law chair, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA The vice-chairman of the public council at the committee on domestic policy of the Government of the Khabarovsk territory (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). *E-mail: zubkovvv89@mail.ru*

Migration potential of youth in the system of measures of the state regional policy

T*he article presents an analysis of the priorities of state policy aimed at regulating migration flows in the Khabarovsk territory, the main of which is the outflow of the indigenous population and the influx of low-skilled labor migrants. The positive experience of the implementation in the region of such instruments of retaining young people as "educational loans" and "savings capital", "Far Eastern hectare" and "Zemsky doctor", which can be successfully implemented in other regions of the Russian Federation of the Far-Eastern Federal District, is revealed. Taking into account the results of sociological surveys of recent years, fixing migration attitudes and orientations of the youth of the Khabarovsk territory, the main ways of improving the regional policy measures aimed at reducing the migration outflow of urban and rural youth and deformation of the social structure of the region have been proposed. The proposed measures are aimed primarily at improving the standard of living of the population and the transformation of socio-economic conditions of life in the region.*

Keywords: *migration potential of youth, measures of state support, "Far-Eastern hectare", "Zemsky doctor", "Savings capital", "Educational credit", consolidation of youth.*

References:

1. Galichanin, E. N. The consolidation of the population in the Far East is the key task of the National Program for the Development of the Region. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii.* [Power and Governance in the East of Russia], 2018, no. 4 (85), pp. 151–156. (In Russian).

2. Lada A. S. Problems of attracting labor resources in the subjects of the Far East. *Vlast' i upravleniye na Vostoke*

Rossii. [Power and Governance in the East of Russia], 2018, no. 4 (85), pp. 21–31. (In Russian).

3. Migration processes in the Far Eastern region of Russia: the experience of complex analysis: a monograph / under total. ed. N. M. Baykova. Khabarovsk, DVIU-Branch of RANEPA, 2013, pp. 293. (In Russian).

4. Sidorova N. P. Prospects for employment of graduates of the system of secondary vocational education in the estimates of employers. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii.* [Power and Governance in the East of Russia], 2018, no. 3 (84), pp. 84–91. (In Russian).

Reference to the article

Zubkov V. V. Migration potential of youth in the system of measures of the state regional policy // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 147–155. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-156-162
УДК 316.614:37.062.1-054.72

Е. Н. Спасский
Е. Л. Рябкова

Факторы и результаты социокультурной адаптации иностранных студентов в вузах города Хабаровска

***И**нтернационализация высшего образования увеличивает значимость проблемы социокультурной адаптации международных студентов. В статье приведены результаты социологического исследования иностранных студентов, обучающихся в вузах г. Хабаровска, основанного на системном подходе к адаптации в условиях краткосрочных программ академической мобильности. По итогам опроса выявлено, что макроуровневые факторы (культурные и институциональные) оказывают преимущественно негативное влияние на адаптационный процесс, тогда как организационные и личностные – способствуют ему. Суммарный эффект воздействия различных факторов проявляется в умеренно позитивной динамике адаптации на функциональном, психологическом и идентификационном уровнях.*

***Ключевые слова:** социокультурная адаптация, кросс-культурная адаптация, программы академической мобильности, иностранные студенты, факторы адаптации.*

Социокультурная адаптация представляет собой изменения в поведении, восприятии, установках и ценностях, позволяющие индивиду эффективно взаимодействовать с обществом в иной социокультурной среде. Проблемы адаптации, связанные с кардинальным изменением повседневной реальности при перемещении в другую среду, хорошо известны и активно исследуются в современной литературе [Кремень, 2017; Залилов, Лебедева, 2017]. Однако многообразие конкретных адаптационных ситуаций, вызванное различием миграционных траекторий, особенностями конкретных социальных групп, условиями в стране пребывания, делают необходимым более сфокусированное изучение отдельных типов ситуаций, в которых оказываются те или иные группы.

Международные студенты (студенты, обучающиеся по программам академической мобильности) – одна из основных групп временных мигрантов в современном мире. Глобализация образования – один из важнейших факторов, влияющих на социальную мобильность и жизненные стратегии современной молодежи [Бацына, 2017. С. 13–15]. В глобализированном мире привлечение иностранных студентов становится условием конкурентоспособности вуза и инструментом реализации «мягкой силы» на государственном уровне. Россия остается одним из привлекательных направлений для иностранных студентов.

Основным конкурентным преимуществом российских вузов является низкая стоимость обучения при относительно высоком качестве. Однако рост числа иностранных студентов повышает и важность адаптационных проблем, с которыми они сталкиваются и которые влияют на успешность обучения. Особенно велика роль адаптационных проблем в случае краткосрочных программ академической мобильности. Несмотря на достаточно большое число исследований,

Евгений Новомирович Спасский – д-р полит. наук, заведующий кафедрой философии, социологии и права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (680021, Россия, Хабаровск, ул. Серышева, д. 47). *E-mail: srs2@festu.khv.ru*

Елена Леонидовна Рябкова – аспирант, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (680021, Россия, Хабаровск, ул. Серышева, д. 47). *E-mail: yona7@rambler.ru*

посвященных адаптации иностранных студентов [Кремень, 2017; Залилов , Лебедева , 2017; Язвинская, 2008], они по большей части сосредоточены на тех, кто проходит полный цикл обучения. Для многих исследований также характерно отсутствие системного взгляда на адаптационный процесс, соответствующего современной теории [Kim, 2001]. Системный подход к адаптации студентов предполагает, в частности, выделение в адаптационном процессе различных групп факторов адаптации (культурных, институциональных, организационных, личностных), взаимодействие которых обусловливает результаты адаптации, её успешность, проявляющиеся в таких аспектах, как функциональное соответствие, психологическое благополучие и межкультурная идентичность. В соответствии с общей теорией социокультурной адаптации можно говорить о трех типах результатов адаптационного процесса, упорядоченных иерархически и соответствующих разной глубине и успешности адаптации:

– аккомодация, то есть функциональное соответствие, позволяющее уверенно решать практические задачи в соответствии с нормами и ожиданиями местной культуры;

– ассимиляция, то есть аккомодация, сопровождающаяся чувством психологического благополучия;

– аккультурация – наиболее полная степень адаптации, при которой формируется межкультурная идентичность, позволяющая индивиду органично вписаться в местную культуру и считать себя ее частью (это не обязательно предполагает полное и прямое принятие всех ценностей, традиций и норм местной культуры).

Очевидно, что адаптация может оказаться неудачной на одном или всех трех уровнях, а результаты адаптации могут оказывать обратное воздействие на жизненные стратегии и конфигурацию социальных связей [Рябкова, 2018]. Основываясь на этой теоретической логике, мы провели социологическое исследование адаптации иностранных студентов в вузах г. Хабаровска[1].

Итоговая выборка включает студентов из нескольких стран, преимущественно Восточной Азии, отражая региональную специфику хабаровских вузов. Наибольшая доля среди опрошенных принадлежит студентам из КНР (65,8%), также достаточно заметные группы из КНДР и Южной Кореи. Средний возраст опрошенных – 23 года, 40% – девушки. Все студенты принимали участие в программах академической мобильности разной длительности: от 3 месяцев до 1 года и больше.

Структура анкеты позволила выявить все ключевые элементы системы адаптационного процесса студентов. Система факторов адаптации измерялась в 4 категориях: культурной (воспринимаемая культурная дистанция между российской и собственной культурой студента), институциональной (относительная благоприятность различных институциональных факторов в России и своей стране, различие в общих условиях обучения), организационной (воспринимаемая ценность отдельных мер социальной поддержки, реализуемых как родным, так и принимающим вузом), личностной (мотивы и жизненные стратегии). Результаты адаптации измерялись тремя категориями переменных, отражающих: функциональную адаптацию (важность адаптационных проблем), психологическую адаптацию (субъективный психологический комфорт в начале и конце обучения), а также формирование межкультурной идентичности (степень идентификации студента со своей и российской культурой).

Полученные в ходе опроса ответы позволяют описать систему факторов адап-

[1] *Исследование «Социокультурная адаптация иностранных студентов, обучающихся в вузах г. Хабаровска» проводилось университетом путей сообщения (ДВГУПС) в августе-декабре 2018 г., полевой этап исследования – сентябрь-ноябрь. Исследование было проведено методом онлайн-опроса иностранных студентов, обучающихся по краткосрочным программам академической мобильности в Дальневосточном государственном университете путей сообщения и Тихоокеанском государственном университете. Генеральная совокупность согласно статистическим данным, предоставленным соответствующими структурными подразделения вузов, составила 170 единиц (N = 170). Объём выборочной совокупности – 85 респондентов (n=85), тип выборки на этапе отбора – собственно-случайный, ошибка выборки = 5%.*

тации студентов на примере вузов г. Хабаровска.

Наиболее фундаментальным фактором, влияющим на адаптацию, является разница в культуре, затрагивающая как элементы повседневных практик, так и глубинные ценностные установки. Многочисленные кросс-культурные исследования показывают существенные различия между культурой России и стран Восточной Азии, представители которых составляют основную часть опрошенных. Эти данные подтверждаются нашими результатами. Средняя оценка иностранными студентами воспринимаемых культурных различий между своей страной и Россией составила 4,6 балла по 7-бальной шкале (ст. откл. = 1,6). Таким образом, студенты больше подчеркивают не сходства, а различия, и значительная культурная дистанция оказывается фактором, осложняющим адаптацию.

Оценка институциональной среды также показывает значимые различия между странами. Оценивая степень и направление различий в девяти различных компонентах институциональной среды, иностранные студенты единодушно указали на относительно неблагоприятные условия проживания в России. Представление распределения ответов в виде шкалы от -2 (условия воспринимаются как гораздо более благоприятные в своей стране) до +2 (условия гораздо более благоприятные в России) показало исключительно отрицательные средние значения. Величина воспринимаемых различий варьируется от – 0,1 (возможности проведения досуга) до –1,1 (безопасность). Проблемы безопасности воспринимаются как наиболее острые и неблагоприятно характеризующие проживание в России. Другими факторами, оказывающими явно выраженное негативное воздействие на возможности адаптации, стали климат (– 0,9), транспортное обеспечение (–0,8), а также еда и медицинское обслуживание (–0,7).

Характеризуя общие условия обучения, большинство студентов также отмечают значимые различия в большинстве аспектов обучения. Наиболее выражены эти различия в таких аспектах, как организация учебного процесса и взаимодействие с администрацией вуза, а в наименьшей – в отношении взаимодействия с преподавателями.

Таким образом, общекультурные и институциональные факторы социокультурной адаптации в восприятии участников опроса выступают определёнными социальными барьерами на пути успешного вхождения студентов в российское общество. Особое значение в таких условиях могут играть организационная среда и меры поддержки, оказываемые вузами, как родными для студента, так и принимающими.

Проведенный опрос показал, что студенты очень высоко ценят любые меры, помогающие им подготовиться и адаптироваться к обучению и жизни в другой стране. На этапе предадаптационной подготовки (в своей стране), наиболее ценной мерой следует считать дополнительную языковую подготовку. Очень полезной ее считают 56% от тех студентов, у кого такая форма подготовки была. Но при этом следует отметить, что почти в трети случаев родной вуз не предлагал студентам никаких языковых курсов перед отправкой в другую страну. К числу других полезных способов предварительной подготовки, в порядке убывания ценности, можно отнести: общение со студентами из России, общение со студентами из своей страны, которые раньше учились в России, лекции и семинары о российской культуре и быте, общение с другими носителями российской культуры, информационные ресурсы.

Российские вузы, на которые ложится основная работа по адаптации студентов, реализуют достаточно широкий круг мер. Наиболее распространенными формами поддержки при этом являются отдельные ориентационные занятия, посвященные российской культуре и быту, а также информационные ресурсы с информацией

---

[4] *Официальный интернет-портал Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. URL.: http://habstat.gks.ru/ (дата обращения 17.10.2018).*

[5] *Почему повышение МРОТ не решение проблемы бедности в России. URL.: http://nabat.news/2018/03/13/pochemu-povyshenie-mrot-ne-reshenie-problemy-bednosti-v-rossii/*

о стране, городе, вузе. Наименее распространенными оказались языковые курсы, экскурсии и система прикрепленных студентов. С точки зрения воспринимаемой полезности, наиболее ценными считаются отдельные занятия, посвященные российской культуре и быту: очень важными их считают 52,6% от числа опрошенных. Исключительную полезность языковых курсов отметили 36,8% опрошенных, однако следует отметить, что при этом более чем в четверти российских вузов таких мер предусмотрено не было. Высокую ценность также имеет неформальное общение с преподавателями, что может отражать ориентацию студентов на учебу как основной вид деятельности в ходе пребывания в другой стране. Дополнительные вопросы подтвердили, что неформальное общение с теми, у кого имеется непосредственный опыт жизни в другой стране, оказываются наиболее ценным источником информации. При этом более ценными считаются групповые формы коммуникации, нежели индивидуальные, и вовлекающие представителей как своей, так и российской культуры.

Наконец, на адаптацию не могут не влиять различия в мотивации и жизненных стратегиях самих студентов. Результаты опроса показывают доминирование среди студентов общеобразовательных мотивов, тогда как профессиональные и миграционные оказываются менее выраженными (рис. 1).

Безусловный приоритет при этом отдается развитию языковой компетентности. Интересно, что такой мотив характерен для студентов независимо от того, какой жизненной стратегии они придерживаются. С точки зрения дальнейших жизненных планов, наибольшая часть студентов (39,5%) собирается вернуться на родину. Из оставшихся 23,7% собираются мигрировать в Россию, а 10,5% – в третью страну. Более четверти опрошенных затруднились с ответом. Тот факт, что изучение русского языка оказывается важным не только для потенциальных мигрантов в Россию, но и для тех, кто планирует вернуться на Родину, показывает, что и для последних дальнейшая жизнь и/или профессиональная деятельность так или иначе связаны с Россией (например, в виде работы с российскими компаниями-контрагентами).

Тем самым можно утверждать, что факторы адаптации иностранных студентов носят разнонаправленный характер, причем, если макроуровневые факторы (культурные и институциональные) затрудняют адаптацию, то организаци-

Рис. 1. Оценка иностранными студентами значимости отдельных мотивов участия в программах академической мобильности

онные и личностные, напротив, оказывают скорее положительное воздействие.

Совокупный результат воздействия множества факторов на успешность адаптационного процесса проявляется на трех уровнях: функциональном, психологическом и идентификационном. С функциональной точки зрения адаптированность студентов проявляется в воспринимаемой остроте отдельных проблем. Как показал опрос, студенты признают наличие таких проблем, но в целом их острота является умеренной. Средняя оценка значимости девяти различных проблем по 5-бальной шкале среди респондентов составила 3,2 балла. Наиболее острыми оказались проблемы медицинского обслуживания (3,7), взаимодействия с преподавателями (3,5) и слабое владение русским языком (3,2). Наименьшие сложности возникают с проведением досуга и пониманием местной культуры. Следует отметить, что основные адаптационные проблемы студентов связаны с теми аспектами повседневной жизни, которые сильно зависят именно от университета. В ходе программ академической мобильности, имеющих, как правило, ограниченную продолжительность, основная жизнь студентов связана с вузом, а функциональное соответствие появляется, прежде всего, в образовательном контексте. В этой связи, следует обратить внимание российских вузов на проблемы взаимодействия иностранных студентов с преподавателями.

Оценки психологического комфорта в начале и конце обучения, данные студентами, показали очень интересные результаты. В целом по выборке психологический комфорт в начале обучения был оценен на 4,0 балла по 7-бальной шкале (ст. откл. = 1,5), а в конце обучения – на 4,9 балла (ст. откл. = 1,5). Можно с уверенностью утверждать, что адаптация в российских вузах носит позитивную динамику, а длительность пребывания положительно сказывается на психологическом благополучии студентов. Некоторые студенты отмечают радикальное улучшение психологического самочувствия (от 1 до 7 баллов) по ходу программы, демонстрируя успешное преодоление культурного шока. Тем не менее следует отметить, что среди студентов существует и такая группа, которая отмечает негативную динамику по мере протекания адаптационного процесса (ее численность можно оценить приблизительно в 13%).

Таким образом, совокупность макро- и микроуровневых факторов обеспечивает умеренно выраженное позитивное воздействие на адаптацию по ходу прохождения обучения в российских вузах, хотя такой эффект не является универсальным, а примеры дезадаптации в российских вузах также встречаются, что требует принятия соответствующих мер от университета.

Наконец, проведенный опрос позволил охарактеризовать и межкультурную идентичность студентов. Оценка субъективной связи со своей и российской культурой позволяет выделить основные идентификационные стратегии иностранных студентов в соответствии с классической моделью Дж. Берри [Berry, 1997]. С точки зрения интеграции и межкультурного взаимодействия наиболее позитивной следует считать стратегию интеграции, для которой характерна высокая степень самоидентификации и со своей, и с чужой культурой. Как показало наше исследование, такая бинарная идентичность характерна приблизительно для четверти опрошенных (23,7%). Значение обеих культурных идентичностей для них больше или равно 7 по 10-бальной шкале. Стратегия отделения, то есть сохранения собственной культурной идентичности, характерна для 13,2%, ассимиляции (принятия российской идентичности) – для 2,9%, маргинализации (отсутствия выраженной идентичности в отношении обеих культур) – для 7,9%. Остальные респонденты были отнесены к промежуточным вариантам. Сопоставление идентификационных и жизненных стратегий (то есть дальнейших миграционных и жизненных планов) не показало каких-то явных зависимостей, возможно, вследствие небольшого размера подвыборок.

Также важно отметить, что почти у трети опрошенных (31,6%) собственная и российская культурная идентичность выражена в одинаковой мере. Это показывает наличие большой группы, потенциально наиболее приспособленных к жизни и работе в поликультурной среде и глобализованном мире. Несмотря на специфику и самобытность восточноази-

атских культур, видно, что их носители обладают высокой культурной гибкостью и адаптивностью, и достаточно открыты для межкультурного взаимодействия.

Заключение. Проведенное исследование, несмотря на свои ограничения (сравнительно небольшой размер обследуемой группы, региональный срез), подтверждает многокомпонентный, системный характер адаптационного процесса. На возможности и успешность социокультурной адаптации международных студентов влияют культурные, институциональные, организационные и личностные факторы. При этом, в случае иностранных студентов хабаровских вузов, прибывающих преимущественно из стран Восточной Азии, макроуровневые факторы оказывают воздействие, затрудняющее адаптацию, тогда как личностные и организационные – способствуют ей. Исследование подтвердило, что именно от университета во многом зависит успешная адаптация студентов в новой среде и их способность быстро и эффективно влиться в учебный процесс. Для относительно краткосрочных программ академической мобильности большую роль играют предадаптационные меры, реализуемые отправляющим вузом. Однако основная часть адаптационной поддержки должна быть обеспечена принимающим вузом. Исследование показало, что, хотя российские вузы стараются реализовывать разные меры адаптационной поддержки иностранных студентов, они не всегда оказываются достаточными. В частности, вузам можно рекомендовать усилить меры по дополнительной языковой подготовке прибывающих студентов, а также групповые формы неформального взаимодействия с представителями российской культуры. Меры адаптационной поддержки на организационном уровне особенно важны для дальневосточных вузов из-за значительных различий между Россией и странами Восточной Азии, а также иной институциональной среды.

Список литературы:

1. Академическая мобильность иностранных студентов в России // Факты образования. 2016. Вып. 7. С. 5–6.

2. Бацына Я.В. Актуальные проблемы социологии молодежи в XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. С.13–15.

3. Залилов З. Ю., Лебедева Н. А. Адаптация к учебному процессу ино-странных студентов НовГУ: персонализация обучения // Вестник Нов-городского государственного университета. 2017. № 3. С.125–127.

4. Кремень С. А. Кросс-культурная академическая адаптация иностранных студентов // Творческое наследие Э. В. Ильенкова и современность. 2017. № 3. С. 47–52.

5. Рябкова Е. Л. Социокультурная адаптация международных студентов: теоретические аспекты исследования // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 1. С. 134–139.

6. Язвинская Т. Н. Социокультурная поддержка иностранных студентов, обучающихся в российском вузе // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 49. С. 414–418.

7. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. Pp. 5–34.

8. Bochner S., McLeod B., Lin A. Friendship patterns of overseas students: A functional model // International Journal of Psychology. 1977. Vol.12. Pp. 277–297.

9. Galchenko I., van de Vijver F.J.R. The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia // International Journal of Intercultural Relations. 2007. Vol. 31. Pp. 181–197.

10. Kim Y. Y. Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.

Библиографическое описание статьи

Спасский Е. Н., Рябкова Е. Л. Факторы и результаты социокультурной адаптации иностранных студентов в вузах Хабаровска // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 156–162. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-156-162

Evgeniy N. Spasskiy – Doctor of Political Sciences, Head of the chair of philosophy, sociology and law, the Far-Eastern State Transport University (47, Seryshev St., Khabarovsk, 680021, Russian Federation). *E-mail: srs2@festu.khv.ru*

Elena L. Ryabkova – Postgraduate student of the philosophy, sociology and law chair, the Far-Eastern State Transport University (47, Seryshev St., Khabarovsk, 680021, Russian Federation). *E-mail: yona7@rambler.ru*

Factors and outcomes of sociocultural adaptation of foreign students in the Khabarovsk universities

***I**nternationalization of higher education increases the significance of students' sociocultural adaptation. The article reports the results of a survey study conducted among the foreign students participating in the short-term programs in the Khabarovsk universities. Based on a system approach, the study revealed that macro-level (cultural and institutional) factors influence the adaptation process in a negative way whereas organizational and personal factors are rather positive. The net effect of the system of factors leads to a moderately positive adaptation dynamics at functional, psychological, and cultural identity levels.*

Keywords: *sociocultural adaptation, cross-cultural adaptation, academic mobility programs, foreign students, adaptation factors.*

References:

1. Academic mobility of foreign students in Russia. *Fakty obrazovaniya* [Facts of education], 2016, vol. 7, pp. 5–6. (In Russian).

2. Batsyna Ya.V. Actual problems of the sociology of youth in the XXI century.*Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2017, no. 1, pp. 13–15. (In Russian).

3. Zalilov Z. Yu., Lebedeva N. A. Adaptation of the foreign students of NovSU to the educational process: personalization of training. *Vestnik Nov-gorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Nov. urban state university], 2017, no. 3, pp.125–127. (In Russian).

4. Kremen, S. A. Cross-Cultural Academic Adaptation of Foreign Students. *Tvorcheskoye naslediye E. V. Il'yenkova i sovremennost'* [Creative Heritage of E. V. Ilyenkov and Modernity], 2017, no. 3, pp. 47–52. (In Russian).

5. Ryabkova Ye.L. Sociocultural adaptation of international students: theoretical aspects of research *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in Eastern Russia], 2018, no. 1, pp. 134–139. (In Russian).

6. Yazvinskaya T. N. The sociocultural support of foreign students studying in a Russian university *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen], 2008, no. 49, pp. 414–418. (In Russian).

7. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation. *International Journal of Psychology* [Applied Psychology: An International Review], 1997, vol. 46, pp. 5–34.

8. Bochner S., McLeod B., Lin A. Friendship patterns of overseas students: A functional model *International Journal of Psychology* [International Journal of Psychology], 1977, vol. 12, pp. 277–297.

9. Galchenko I., van de Vijver F.J.R. The role of the perceived cultural distance in Russia *International Journal of Intercultural Relations* [International Journal of Intercultural Relations], 2007, vol. 31, pp. 181–197.

10. Kim Y. Y. Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation. Thousand Oaks: Sage Publications, 2001.

Reference to the article

Spasskiy E. N., Ryabkova E. L. Factors and outcomes of sociocultural adaptation of foreign students in the Khabarovsk universities // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 156–162. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-156-162

DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-163-171
УДК 614.39(571.6)

И. А. Гареева
В. В. Власова-Сайкова

Социально-экологические ценности в представлениях молодежи Хабаровского края

В *статье излагаются ранние научные и современные, в т. ч. прикладные подходы к представлению молодежью социально-экологических ценностей. Предлагается ряд методов изучения ценностей молодежи и анализ её современных представлений о возможностях реализации в рамках «Стратегии формирования в России здорового образа жизни». Дается понятийный материал о сути, роли и значении ценностей для укрепления здоровья и продолжительности жизни молодежи. По результатам проведенных исследований предлагаются рекомендации авторов по развитию государственной стратегии формирования здорового образа жизни молодежи. Авторы статьи предлагают через социально-экологические ценности оптимизировать проводимые Правительством России государственные подходы формирования здорового образа жизни молодежи для увеличения продолжительности жизни населения. Статья предлагает использовать ценностные категории молодежи как возможность в ближайшей перспективе реализовать, прежде всего, роль социально-экологических ценностей для привития населению здорового образа жизни.*

Ключевые слова: *экологические ценности, здоровый образ жизни, ценностные ориентации, здоровье, социологическая система, молодежь, модель социального здоровья, программа продолжительности жизни.*

Современные научные взгляды, связанные с социальными ценностями молодежи представляют собой часть государственной политики, которая реализуется всем обществом для того, чтобы его молодежь переняла навыки и самостоятельно поддерживала традиции для сохранения здоровья и долголетия. Имеющиеся подходы базируются на ценностных ориентациях, которые со временем становятся элементом здорового образа жизни (далее – ЗОЖ).

Ценность как понятие является категорией, представляющей воззрение на их специфику потому, что жизнь и здоровье есть ценность, а люди – это живые существа. В трактовке Э. Дюркгейма ценность вещей или социального состояния можно рассматривать как неким идеалом [Дюркгейм, 1995. С. 290]. В ней ценность не имеет своим источником вещь, она вне зависимости от неё. Источником ценности он видел «… потребность человека возвышаться над реальным миром, абсолютизируя Идеал» [Дюркгейм, 1995. С. 295], т. к. «… изменчивость и зависимость, могут быть познаны методами науки, потому что обладают собственной реальностью» [Павенков, 2011. С. 165].

Таким образом, в ценностях отражается социальное содержание жизни человека, которое может влиять на уровень и ее качество.

Первым в социологии, кому удалось разработать смысловую теорию ценностей, был М. Вебер, который увязал «человеческие действия и человеческую культуру» [Павенков, 2011. С. 166]. Он видел особую роль в развитии общества этических и религиозных ценностей. В то время ему одному из первых удалось

Ирина Анатольевна Гареева – д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и психологии, Тихоокеанский Государственный Университет (680035, Россия, г. Хабаровск, улица Тихоокеанская, 136). *E-mail: gar_ia@mail.ru*

Валентина Викторовна Власова-Сайкова – преподаватель, кафедры социальной работы и психологии, Тихоокеанский Государственный Университет (680035, Россия, г. Хабаровск, улица Тихоокеанская, 136)*E-mail: saikovv@yandex.ru*

исследовать вопрос соотношения науки и ценностей, так как он видел, что результатом труда ученого должна быть ценность в форме истины.

Таким образом, ценностным существом можно было назвать любого человека, у которого существует свой определенный уровень осознанности тех или иных предпочтений и ценностных ориентаций. Дискуссия о ценностях для М. Вебера «… и есть постижение истины, где ценности переплетаются, а человек в повседневной жизни не видит их враждебность друг другу» [Вебер, 1990. С. 561]. Таким образом, мы, исходя из эмпирики М. Вебера, в состоянии определить направления ценностных действий молодежи, при условии, что в ходе исследований до сих пор встречаемся с различными оценками и последствиями, которые возникают в сфере социальных наук.

Системный социологический подход к ценностным ориентациям и функциям ценностей исследовался Т. Парсонсом. Для изучения социальных систем он предложил четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли, где «… ценности занимают ведущее место для регуляции и принятия субъектами действий определенных обязательств» [Парсонс, 1997. С. 16]. Здесь мы убеждаемся, что ценность становится нормативным стандартом желаемого поведения, например, когда молодежь пользуется стандартами и нормами близкого ей в быту социального института. Так, Т. Парсонс, предупреждая об опасности религиозного плюрализма в отношении моральных ценностей, все равно считает их «… нормативными компонентами культурной системы, в которой есть другие компоненты: эстетические, познавательные» [Парсонс, 1997. С. 27] и в т. ч. экологические, которые имеют приоритеты, например, общего над частным, т. е. не могут быть раздробленными компонентами.

Некоторые российские социологи в развитии западных социологических подходов в подтверждение того, что ценности отражают рациональное мышление молодежи, показали стремление к охвату больших пространств (например, П. А. Сорокин, в своей теории культурной динамики). По мнению профессора В. В. Козловского, поскольку существуют нормы и ценности, то между ними существуют и различия: «Нормы – это свод правил, которые могут изменяться, а ценности направляют на социальное действие» [Козловский, 1995. С. 156]. Поэтому ценности для молодежи – это «… нормы, придающие смысл действиям; представления солидарных людей; субъективные предпочтения способа действий» [Павенков, 2011. С. 170].

Современная российская социология и общество для достижения цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет к 2030 г.[1] только вырабатывает экспертные предложения реализации национальных программ и проектов по направлениям: демография, здравоохранение, наука, образование и экология. Ускоренного внедрения ЗОЖ не происходит из-за тесной увязки последнего с нерешенными проблемами в экологии и экономике страны.

Рассмотрим экологические причины сдержанного развития ЗОЖ, влияющие на качество здоровья и здорового образа жизни молодежи. Негативные экологические факторы оказывают отрицательное влияние на состояние здоровья, воздействуют на интеллект, нравственное состояние и поведение человека. Без здоровой молодежи невозможны гармоничное развитие государства, общества, оборона и эффективная экономика. Экологические ценности – преимущественно социологическая категория, характеризующая комфорт в удовлетворении потребностей молодежи, где степень состояния здоровья играет самую главную роль, а значит, задает приоритетную политику в его формировании, только при условии реализации здорового образа жизни [Бойцов, 2016].

Основными компонентами современного ЗОЖ являются физическое, психическое и социальное благополучие, так как в своей сущностной основе ЗОЖ – это такой образ жизни, который ведет

[1] *Росконгресс. 2019. URL: https://roscongress.org/news/forum-zdorovoe-obschestvo-na-puti-k-tseli-80-vpervye-projdet-v-sochi/*

к достижению полного благополучия в общественной среде обитания. Помимо категории ЗОЖ, важной категорией является такой аспект современного социального развития молодежи в конкретных экологических условиях, как целостный процесс качественных изменений ее сущностных характеристик как социально-демографической страты, имеющей своей целью одновременно воспроизводство молодым поколением условий жизни и социального опыта, накопленных родительскими поколениями.

Ценностное понимание образа жизни личности или группы молодых людей, приобретает существенное значение в ходе реализациипредлагаемых механизмов формирования ЗОЖ. В особенности это относится к экологическим условиям места проживания, к его природно-климатическим факторам, когда среднегодовая температура, солнечная радиация, патогенность территории, наличие рекреационных зон, питание и другие способствуют сохранению здоровья населения всех возрастов или наоборот.

Социальное здоровье и его экологическая часть являются состоянием полного физического, духовного и социального благополучия, а не только устойчивости к болезням и физическим дефектам из-за природы или субъективной дисциплины поведения молодого человека. То есть, состояние здоровья человека и есть ценность, которая фиксирует социальное качество на определенном уровне и формируется за счет ЗОЖ.

Возможности поддержания собственного здоровья зависят от социального положения конкретного человека в обществе. Гипотетически можно утверждать, что оптимальное нахождение и расположение человека в системе биолого-генетических координат и определяет то, что, в конечном счете, определяется как феномен социально-экологических ценностей здоровья, которые, несомненно, нуждаются в дальнейшей научной разработке. К ним относятся вопросы, связанные с оценкой влияния социально-экологических процессов на ценностно-мотивационный потенциал молодежи, с выявлением специфики отдельных территорий, с конкретизацией содержания ценностных ориентаций как междисциплинарной основы для формирования социальной политики в сфере социально-экологических отношений и т. д.

Социально-экологические ценности здоровья молодежи испытывают на себе влияние неоднородности управленческих решений и процессов органов власти и хозяйствующих субъектов конкретной территории.

Исходя из приведенных выше теоретических положений, представляется целесообразным рассматривать социально-экологические ценности здоровья как системообразующие феномены сложной природы, характеризующие взаимосвязь окружающей природной среды, «второй природы» как среды жизнедеятельности человека и здоровья, причем по отношению к последнему данные ценности могут выступать как в качестве внешних стимулов, так и внутренних мотиваторов, направленных на сохранение и укрепление здоровья молодежи.

В этом случае, основываясь на систематизации социально-экологических феноменов, проведенной И. А. Сосуновой, можно предложить следующий «перечень» социально-экологических ценностей здоровья молодежи [Сосунова, 2010]:

- экологическая безопасность личности и группы;
- общественное участие в принятии решений, отражающихся на окружающей природной среде;
- наличие коммуникационной инфраструктуры формирования и артикуляции общественного мнения;
- возможность полной реализации гражданских прав в части состояния окружающей среды;
- наличие позитивных нормативов экологической морали;
- наличие гражданского общества и поддержание социального характера государства;
- доступ к системе экологического образования и воспитания;
- достойное качество жизни, соответствующее социально-экологическим требованиям и нормам;
- развитие экологического дизайна среды обитания как специфической

сферы деятельности;

- доступность достоверной эмпирической информации о практике взаимодействия общества с природой и т. д.

- участие в разработке, реализации и контроле социально-экологических мероприятий жизнедеятельности населения своего места проживания и страны в целом;

Конкретизация социально-экологических аспектов ценностей здоровья молодежи предполагает их анализ с учетом её возрастных характеристик, условий жизни, интересов, видов деятельности и поведения и т. д.

При современном проектировании методик исследований разного рода социально-политических программ и проектов социального конструирования имеет смысл срочная разработка вероятностных моделей ценностных типов в России, моделей социального здоровья, органически увязанных с актуальными экологическими условиями и прогнозами будущего молодежи Хабаровского края. Наличие модели дает определенное преимущество, прежде всего, в принятии решений в молодежной политике и построении социальных программ, реализующих ценностные ориентации, а применительно к теме долголетия нации, дает преимущество в моделировании конкретной экологической обстановки, информационно-образовательных сред и систем воспитания. Поэтому, зная, какой результат нас должен устроить, т.е. что будет на выходе, легче строить программы, связанные с социально-экологическими ценностями молодежи.

В подтверждение государственного интереса России к достижению цели по увеличению ожидаемой продолжительности жизни 13 февраля 2019 г. на Российском инвестиционном форуме в городе Сочи прошёл форум «Здоровое общество. На пути к цели: 80+»[2], который должен стать профильной ежегодной площадкой для выявления механизмов и моделей здорового образа жизни.

Здоровье человека представляет собою гармоничное единство биологических и социальных качеств, обусловленных врожденными и приобретенными воздействиями, а болезнь – не что иное, как нарушение гармонии этого диалектического единства. Особую значимость имеет продвижение ЗОЖ в форме социально-экологических ценностей для активного долголетия.

Сегодня считается уже бесспорным, что удельный вес факторов, влияющих на состояние здоровья, распределяется следующим образом: около 50% и более составляют условия и образ жизни, еще 30% – экологические факторы, 20% – наследственность [Marc Suhrcke, 2008].

Правительство России обратило на это политическое внимание и, согласно «Межведомственной стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года» [Marc Suhrcke, 2008], экономику страны должна делать молодежь, здоровье, которой серьезно зависит от реализации социально-экологических ценностей. Пересматривается взгляд на здравоохранение, т. к. лучше тратиться на профилактику болезней, спорт и спортивную инфраструктуру, пропаганду ЗОЖ, чем потом значительно больше расходовать на лечение молодых людей и приобретение медицинского оборудования. Стратегия рассматривает инвестиции в здоровье как «ключевое условие успешного экономического развития страны» [Мануйлова, 2019].

Мы исследовали современные основные аспекты социально-экологических ценностей, где наглядно проявилась величина превентивной роли научно-практических рекомендаций в нормостановлении ценностей как правил поведения молодежи. Независимо о того, что рекомендуют извне, в повседневной жизни для укрепления ценностных ориентаций нужно решать задачи поддержания социально-экологических ценностей как важнейшую часть ЗОЖ.

Исследуя причины болезней, можно выявить, что лечение сердечно-сосудистых заболеваний отнимает более 3% валового внутреннего продукта (далее – ВВП) в России каждый год, смерть

[2] *Социальное здоровье – ключевая характеристика здорового образа жизни. 2019. URL: https://studopedia.su/10_127978_sotsialnoe-zdorove---klyuchevaya-harakteristika-zdorovogo-obraza-zhizni.html*

от которых составляет 47% в год, экономический вред от них в 2016 г. составил 2,7 трлн руб. или 3,2% ВВП. Главными факторами сердечно-сосудистых заболеваний являются: высокое артериальное давление и повышенный уровень холестерина из-за курения, употребления алкоголя и неправильного питания. Употребление сигарет обуславливает около 20% смертности населения. От причин, связанных с алкоголем, в РФ умирает каждый пятый мужчина. Заболевания, связанные с рационом питания, обеспечивают 63% смертей [Мануйлова, 2019].

До 2024 г. развитие у молодежи Хабаровского края ценностей регулируется федеральным проектом «Укрепление общественного здоровья» нацпроекта «Демография». Одна из его целей – запустить информационные кампании по информированию и мотивированию людей к принятию социально-экологических ценностей. Главным аспектом является то, что цели проекта разработаны совместно с экспертами, чтобы информация не вызывала отторжения. Молодые люди могут лично вносить максимальный вклад в сохранение здоровья, для чего они должны быть информированы о самоизбавлении от вредных привычек в ходе эмоционально-волевой установки. Релевантный опыт увеличения продолжительности жизни можно достичь в том случае, если равномерно увеличить продолжительность каждого из периодов жизни человека: детства, юности, активной зрелости, старших возрастов.

Интересен опыт развития корпоративных социально-экологических программ по общественному здоровью, которые разрабатывают работодатели для своих молодых работников. Здесь осуществляются меры поддержки законотворческими структурами и создаются локальные акты для внутреннего пользования на уровне организации. Конечно, нужна оцифрованная информация для мониторинга и анализа проводимых мероприятий.

Первичным познавательным процессом эмпирического уровня социального познания остается наблюдение. Так, в 2016 г. в Хабаровском крае был проведен социологический опрос 620 человек по теме: «Отношение жителей к охране окружающей среды» [Березутский, Сидоров, 2017] . В 2018 г. на территории Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре был проведен авторами социологический опрос «Отношение студенческой и рабочей молодежи к принятию социально-экологических ценностей» 410 студентов вузов [Власова-Сайкова, 2018]. Сбор информации проводился методом анкетирования респондентов. По сходным вопросам данных двух исследований приведем несколько сравнительных результатов в таблице 1.

Доминирующими социально значимыми факторами молодежь выделяет окружающую среду – 73,1%, 54,0% (результаты исследований за 2016 и 2018 гг. соответственно); здоровый образ жизни – 63,7%, 61,0%. Оценивая общую экологическую ситуацию в своем населенном пункте больше половины опрошенных респондентов охарактеризовали ее как благополучную (40,2%, 61,0%), а 29,4%, 23,4% дали негативную оценку ситуации. Социально-экологические ценностные ориентации молодежи выделяют проблему в ликвидации лесных пожаров – 73,7%, 82,0%. Также важная задача, по мнению молодежи – решать проблемы загрязнения водных ресурсов (71,8%, 69,3%).

Мнения жителей по оценке экологической ситуации из-за деятельности органов исполнительной власти разделились примерно на три части. Лишь каждый четвертый (24,5, 27,9%) из опрошенных положительно оценивает деятельность органов исполнительной власти края по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности. Отрицательную оценку действиям власти дают две трети опрошенных (67,9, 71,8%). Причины отрицательных оценок связаны со скоплением непереработанного мусора, несанкционированными свалоками, слабой работой по очистке территорий, бесконтрольной рубкой леса и деревьев в населенных пунктах, загазованностью воздуха, загрязненностью воздуха угольной пылью в Ванинском порту, на угледобывающих предприятиях Чегдомына и др. Поэтому не случайно, что, по мнению респондентов, из

Таблица 1

Сравнительные результаты по опросам «Отношение жителей к охране окружающей среды» (2016 г.) и «Отношение студенческой и рабочей молодежи к принятию социально-экологических ценностей» (2018 г.)[3]

№	Вопрос	Факторы	Результат (%)	
			2016 г.	2018 г.
1.	Какие факторы оказывают доминирующее влияние на состояние здоровья молодежи?	Окружающая среда Здоровый образ жизни	73.1 63, 7	54,0 61.0
2.	Какова экологическая ситуация в городе?	Скорее благополучно, чем нет. Скорее не благополучно, чем да	40.2 29.4	61.0 23.4
3.	Основные экологические проблемы Хабаровского края?	Лесные пожары Загрязнение водных ресурсов	73.7 71.8	82.0 69.3
4.	От кого зависит улучшение экологической ситуации в крае?	От населения От Губернатора	70.8 57.3	77.1 70.6
5.	Какие стратегии использует власть для решения экопроблем?	Уход от проблем Компромисс	42.0 27.2	83.3 12.7
6.	Какое место в Вашей жизни занимает природа?	Очень важное Скорее важное, чем нет	60.8 30.0	69.9 58.4
7.	Как экология влияет на жизнь людей в крае?	Отрицательно Положительно	67.9 14.5	71.8 27.9
8.	В чем выражается отрицательное влияние экологии на людей?	Рост заболеваний Продолжительности жизни снижается	89.8 45.4	93.4 75.7
9.	Как измениться состояние экологии через 10 лет?	Ухудшится Не изменится	35.5 24.8	73.6 28.8
10.	Откуда Вы узнаете об экологической ситуации?	Краевое телевидение Центральное ТВ	59.4 39.7	61.8 53.4
11.	СМИ достаточно уделяют время экопроблемам?	Недостаточно Достаточно	38.0 25.8	26.4 63.2
12.	Что распространяет экологические знания?	Специальные телепрограммы Воспитание в семье	49.5 48.4	31.3 68.9
13.	Как уделяется внимание экокультуре в вузах?	Не достаточно Достаточно	56.2 26.4	38.2 15.6

[3] *Социологическое исследование «Отношение жителей Хабаровского края к охране окружающей среды и готовности участия в решении экологических проблем» выполнено специалистами Научноисследовательской лаборатории Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС совместно с Хабаровским краевым отделением общероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны природы», 2016 г., n = 620, ошибка выборки не превышает 5%. Опрос проведен в гг. Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, а также в Амурском, Хабаровском, Ванинском, Верхнебуреинском и Бикинском районах Хабаровского края. Тип выборки – маршрутная (поквартирная) многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондента. Выборка репрезентативна по основным социальнодемографическим параметрам (пол, возраст, территория проживания). Научный руководитель – к.с.н., доцент Ю. В. Березутский.*

Социологическое исследование «Отношение студенческой и рабочей молодежи к принятию социально-экологических ценностей» выполнено на кафедре «Социология и психология» Тихоокеанского государственного университета города Хабаровска с марта по июнь 2018 г., n = 410, ошибка выборки не превышает 5%. Опрос проведен в гг. Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, Хабаровского края. Вид опроса: выборочное анкетирование и анкетный опрос. Тип выборки – маршрутная (поквартирная) многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондента. Выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам (пол, возраст, территория проживания). Научный руководитель – д.с.н., доцент, профессор кафедры И. А. Гареева, соисполнитель – преподаватель, соискатель кафедры В. В. Власова-Сайкова.

основных элементов окружающей среды больше всего отрицательное влияние на жизненные условия молодежи края оказывают загрязненные воздух (85,2%) и вода (71,8%).

Следует отметить, что у опрошенных жителей сформировано представление о важности и значимости экологической ситуации для жизни молодого человека, о ее влиянии непосредственно на здоровье 89,0%, 93,4% и продолжительность жизни 45,4%, 75,78%. Так, по результатам исследования, «экология окружающей среды» является важнейшим фактором, оказывающим влияние на здоровье человека, об этом сказали 73,0% опрошенных.

Большинство опрошенных жителей Хабаровского края (35,5%, 24,8%) считают, что сегодня состояние окружающей среды оказывает «отрицательное» влияние на жизнь молодежи региона 35,5%, 24,8%. Это отрицательное влияние, по мнению респондентов, выражается в росте числа заболеваний, в ухудшении здоровья, в снижении продолжительности жизни, в ухудшении качества жизни, в изменении показателей рождаемости («влияет на рождаемость» – 25,9%), в «появлении новых, неизлечимых болезней» (23,3%).

Молодежь края с тревогой относится к тому, что, как она считает, в течение ближайших 10 лет экологическая ситуация ухудшится (35,5%, 73,6%). Поскольку каждый имел право отмечать несколько возможных ответов, только четверть опрошенных (24,8%, 28,8%) высказались за неизменность состояния экологического благополучия.

Таким образом, в отличие от ранее имевшихся результатов исследований 2016 г., в современных условиях под принятыми государством проектами реализации социально-экологических ценностей в рамках «Стратегии формирования ЗОЖ» предлагается понимать систему моделей и ориентиров деятельности молодежи, направленную на гармоничное взаимодействие с окружающей средой. При этом важным условием гармонизации государство должно объявить социально ценностное соотношение индивидуальных потребностей с требованиями окружающей природной и социальной среды. Усвоение молодежью социально-экологических ценностей должно осуществляться путем овладения знаниями о них.

В развитие государственной стратегии формирования здорового образа жизни предлагаются компоненты социально-экологических ценностей каждого молодого человека. К ним можно было бы отнести:

- внутреннюю и внешнюю [Борейко, 2002] систему природы как совокупность естественных условий существования человеческого общества [Полуянов, 2009];

- технику как совокупную характеристику системы навыков и приемов, применяемых в деятельности, с чертами живого мира, где человек выделяется из него наличием особых качеств, способностью к творчеству;

- человека, как компонент системы, для изучения ряда наук: антропологии, социологии, этнографии, анатомии, физиологии и др.;

- виртуальное развитие общества на этапе существования цивилизации и освоения звездной системы через экологическую культуру;

- расширение возможностей субъектов Российской Федерации по вкладу средств в здоровье населения путем интеграции вопросов, связанных с увеличением продолжительности жизни и социально-экологическими и экономическими детерминантами здоровья и здорового образа жизни молодежи.

Таким образом, располагаемые современной социологией методы изучения социально-экологических ценностей молодежи и анализ её современных представлений прогнозируют возможность их реализации в рамках «Стратегии формирования в России здорового образа жизни».

Список литературы:

1. Березутский Ю. В., Сидоров В. О. Право на благоприятную окружающую среду в оценках населения. // Сб. материалов Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и граждани-

на: региональное измерение: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2017. С. 76–84.

2. Бойцов С. А. Межведомственная стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 г. // Минздрав России – Европейское Бюро ВОЗ. М., 2016.

3. Борейко В. Е. Экологическая этика. М.: Изд-во МНЭПУ, 2002. 112 с.

4. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

5. Власова-Сайкова В. В. Результаты социологического опроса. // Кафедра социологии и психологии ТОГУ. Хабаровск, 2018. 26 с.

6. Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения. Д 97 Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.

7. Козловский В. В. Социальные ценности: анализ оснований российской модернизации: дис. ...д-ра фил. Наук. СПб., 1995.

8. Мануйлова А. Лечение на двух началах. ИД «Коммерсантъ». «Review Итоги Российского инвестиционного форума Сочи 2019». Приложение № 32 от 21.02.2019. С. 5.

9. Павенков О. В. Нормативистские концепции ценностей и ценностных ориентаций в социологической науке (Э. Дюркгейм, М. Вебер и Т. Парсонс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2011. № 2 (91). С. 164–171.

10. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.

11. Полуянов В. П. Система социально-экологических ценностей человека. БелГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2009. № 2(57), вып. 7. С. 193–197.

12. Сосунова И. А. Методология и методы современной социальной экологии. М.: МНЭПУ, 2010. 400 с.

13. Marc Suhrcke. Инвестиции в здоровье: ключевое условие успешного экономического развития стран Восточной Европы и Центральной Азии. Всемирная организация здравоохранения 2008 г., от имени Европейской обсерватории по системам и политике здравоохранения. С. 2, 21.

Библиографическое описание статьи

Гареева И. А., Власова-Сайкова В. В. Социально-экологические ценности в представлениях молодежи Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С.163–171. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-163-171

Irina A. Gareeva – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the social work and psychology chair, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russian Federation). *E-mail: gar_ia@mail.ru*

Valentina V. Vlasova-Saykova – Lecturer of the social work and psychology chair, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russian Federation). *E-mail: saikovv@yandex.ru*

Socio-ecological values in the representation of youth in the Khabarovsk territory

T*he article describes the earlier scientific and modern, incl. applied approaches to the presentation of social and environmental values by young people. A number of methods for studying the values of young people and an analysis of their current ideas about the possibilities of implementing a healthy lifestyle in Russia within the framework of the Strategy for the Formation of Russia are proposed. Conceptual material about the essence, role and value of values for promoting the health and longevity of young people is given. According to the results of the research, the authors' recommendations are proposed on the development of the state strategy for the formation of a healthy lifestyle for young people and the existing system of socio-ecological health values, and those targeted concepts of the state*

methodological and discussion models of their motivation in Russia. The authors of the article propose, through the social and ecological values, to optimize the state approaches conducted by the Government of Russia to form a healthy lifestyle for young people in order to increase the life expectancy of the population. The article proposes to use the value categories of young people as an opportunity in the near future to realize, above all, the role of social and ecological values for inculcating a healthy lifestyle to the population.

Keywords: *ecological values, healthy lifestyle, value orientations, health, sociological system, youth, social health model, life expectancy program.*

References:

1. Durkheim E. Value and real judgments. D 97 Sociology. Its subject, method, purpose. Translation. Fr., compilation, afterword and notes A. B. Hoffman. M .: Canon, 1995, p. 352. (In Russian).

2. Pavenkov OV. Normative concepts of values and value orientations in sociological science (E. Durkheim, M. Weber, and T. Parsons) *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Ural State University], Ser. 3, Social Sciences, 2011, no. 2 (91), pp. 164–171. (In Russian).

3. Weber M. Selected Works: Trans. with him. Comp., Total. ed. and afterword Yu. N. Davydova Preface. P. P. Gaidenko. M .: Progress, 1990, p. 808. (In Russian).

4. Parsons T. System of modern societies. M .: Aspect Press, 1997, p. 270. (In Russian).

5. Kozlovsky V.V. Social Values: Analysis of the Foundations of the Russian Modernization: dis. ... Dr. Phil. Of science SPb., 1995. (In Russian).

6. Boitsov S. A. Inter-agency strategy for the formation of a healthy lifestyle for the population, prevention and control of non-communicable diseases for the period until 2025 *Minzdrav Rossii – Yevropeyskoye Byuro VOZ* [The Ministry of Health of Russia – WHO] European Office. M., 2016. (In Russian).

7. Sosunova I. A. Methodology and methods of modern social ecology. M .: MNEPU, 2010, p. 400. (In Russian).

8. Marc Suhrcke. Investing in health: a key condition for successful economic development in Eastern Europe and Central Asia. World Health Organization 2008, on behalf of the European Observatory on Health Systems and Policies, pp. 2, 21. (In Russian).

9. Manuylova A. Treatment on two basis. PH «Kommersant». «Review Results of the Russian Investment Forum Sochi 2019». Appendix no. 32 dated 02.21.2019. p. 5. (In Russian).

10. Berezutsky Yu. V., Sidorov V. O. The Right to a Favorable Environment in Population Estimates. Sat. materials Actual issues of ensuring the rights and freedoms of man and citizen: the regional dimension: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPA, 2017. p. 76–84. (In Russian).

11. V. Vlasov-Saykov V.V. Results of a sociological survey. *Kafedra sotsiologii i psikhologii TOGU* [Department of Sociology and Psychology of PNU], Khabarovsk, 2018, p. 26. (In Russian).

12. Boreyko V. Ye. Ecological ethics. M.: Izd-vo MNEPU, 2002, p. 112.

13. Poluyanov V. P. The system of human social and ecological values. BelSU *Nauchnyye vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific statements of BelSU. Ser. Philosophy. Sociology. Right], 2009, no. 2 (57), vol. 7, pp. 193–197. (In Russian).

Reference to the article

Gareeva I. A., Vlasova-Saykova V. V. Socio-ecological values in the representation of youth in the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). Pp. 163–171. DOI 10.22394/1818-4049-2019-86-1-163-171

К сведению авторов

Журнал «Власть и управление на Востоке России» печатает ранее не публиковавшиеся проблемные, обзорные, дискуссионные статьи и оригинальные исследования по вопросам власти и управления с акцентом на такие разделы научного знания, как экономика, социология и юриспруденция, а также рецензии, хронику научной жизни и т. п. В числе приоритетных – материалы о Востоке России.

Статьи должны быть не узкоспециальными – доступными ученому любого научного направления, желающему получить представление о сущности и результатах исследований в других областях науки, возможностях их приложения на практике.

Редакция просит авторов при оформлении статей руководствоваться следующими правилами:

1. Размещение в журнале научных статей осуществляется в соответствии со стандартами издательской этики, принятыми международным сообществом, общественными организациями российских научных издательств. Все предоставленные материалы проходят процедуру рецензирования. При рецензировании поступивших рукописей редколлегия, внешние рецензенты и редакция руководствуется следующими критериями:

- Постановка научной проблемы, актуальность освещаемой в статье темы с точки зрения решения научных задач, которые относятся к проблематике и профилю журнала.
- Оригинальность, самостоятельность, новизна, интересные и/или дискуссионные подходы.
- Теоретическое обоснование по избранной теме.
- Соблюдение методологической и методической культуры (описание объекта и предмета, целей и задач исследования, гипотез, выборки, время проведения, инициаторов исследования и т.п.).
- Достоверность и убедительность данных.
- Уровень литературной редакции текста, точность выражения, лаконичность, стройность и логичность аргументации, а также соответствие редакционным требованиям (построение статьи, ссылки, корректность цитирования, аккуратность оформления, в т.ч. графиков и таблиц).

2. Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

3. Текст набирается в программе Word любой версии, представляется на CD или другом носителе либо по электронной почте с приложением распечатки (на одной стороне листа), кегль 14, через 1 интервал. Рукопись должна быть пронумерована, подписана всеми авторами. Статья должна иметь рекомендацию к печати научного руководителя, если научный руководитель является соавтором, то рецензентом может быть человек, равный ему по научному статусу, специалист в той области науки, которую затрагивает тема статьи. Также необходимо предоставить справку о результатах проверки статьи в системе анализа текстов на наличие заимствований «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста. Обязательно наличие у статьи Международного классификационного индекса (УДК).

Предельный объем статьи – до 10 страниц, включая список литературы, таблицы и рисунки с подрисуночными подписями.

Порядок оформления статьи:

Название статьи должно быть информативным, лаконичным, раскрывать содержание статьи и не превышать 10 – 12 слов. В заглавии нежелательно использовать аббревиатуру.

Сведения об авторе(ах): фамилия, имя и отчество автора(ов), ученая степень, должность, учреждение (полное название, без сокращений и аббревиатуры), почтовый и электронный адреса, контактный телефон.

Ключевые слова – основные понятия или термины, расположенные в строку через запятую. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7, количество слов внутри ключевой фразы – не более трёх.

Аннотация должна быть объемом не менее 100 – 150 слов, располагается перед текстом статьи. Аннотация включает характеристику основной темы, проблемы объекта, цели исследования, основные методы, результаты исследования и главные выводы. Так же необходимо указать, что нового несет в себе научная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Аббревиатуры

и сокращения в аннотации должны быть раскрыты.

Библиография (References) оформляется в соответствии с требованиями библиографических стилей, принятых в МНБД, например:

Книги:

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

Bourdieu P. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Статьи в журналах:

Мещеркина Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. №11. С. 15-25.

Yanitsky O. From Nature Protection to Politics: The Russian Environmental Movement 1960-2010 // Environmental Politics. 2012. 21 (6): 922-940.

Статьи в сборниках:

Мареева С.В. Идея справедливости в портрете общества, о котором мечтают россияне // О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013.

Yurchak A. Gagarin and the rave kids: Transforming power, identity and aesthetics in post-Soviet nightlife// Consuming Russia: Popular Culture, Sex and Society Since Gorbachev/ Edited by A.M.Barker. Durham and London: Duke University Press,1999.

Монографии и сборники под редакцией:

Мансуров В.А. (ред.) Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007.

Rootes C. (ed.) Environmental Movements: Local, National and Global. London and Portland, Oregon: Frank Cass, 1999.

Если присутствует в статье ссылка на источник в электронном виде, оформлять по требованиям указанным выше. Авторам необходимо знать, что нет необходимости ссылаться на электронный документ, в случае существования его печатного аналога. В трудах академического характера более приемлемым является приведение ссылок на печатные издания. При оформлении электронной ссылки в списке литературы желательно указывать авторство (если оно есть), название документа (статьи и т.п.), перед самой ссылкой ставить значок «URL». Электронный адрес и дату обращения к документу приводят всегда. Дата обращения к документу – та дата, когда человек, составляющий ссылку, данный документ открывал, и этот документ был доступен. Оформляется в скобках. Например:

Заключение Общественной комиссии по расследованию причин и последствий природных пожаров в России в 2010 году. URL: http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publikatsii/2010/09/14 (дата обращения: 15.12.2010).

При ссылке на источник в тексте указывается порядковый номер в квадратных скобках (например, [7, с. 27]). Список использованной литературы составляется в алфавитном порядке.

Ссылки на законодательство, статистическую информацию, публицистическую литературу, а также уточнения следует оформлять постранично (в виде сносок) с помощью автоматической звездочки (*) или нумерации.

Число формул должно быть минимальным. Формулы вносятся в текст. Таблицы должны быть озаглавлены, не допускается наличия в них пустых граф. К таблице указывается источник. Также просим предоставлять исходные данные для графиков, диаграмм и таблиц по запросу редактора после принятия рукописи к публикации (в отдельных файлах MS Excel).Условные сокращения и символы следует пояснять в примечании.

Статья (название, сведения о авторе(ах), аннотация, ключевые понятия, текст статьи, библиоррафия) полностью переводится на английский язык.

4. Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на http://vlastdviu.ru/

5. Все рукописи направляются по адресу: 680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Дальневосточный институт – филиал, редакционно-издательский отдел (телефон редакции: (4212) 305-306, e-mail: rio@dviu.ranepa.ru).

Примечания. 1. Заказные и ценные письма и бандероли редакция не получает. 2. Рукописи по почте не возвращаются. 3. Авторский экземпляр журнала можно получить в редакции.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2019 г. № 1 (86)

Корректор: С. В. Очкасова

Технический редактор: Ю. А. Шишватова

Компьютерная верстка: Ю. А. Шишватова

Дата выхода в свет – 29.03.2019 г.
Формат бумаги 60х84 1/8 А-4
Усл. печ. л. – 11,0
Учетн.-изд. л. – 13,2
Тираж – 500 экз.
Заказ № 11
Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: 30-53-06, 30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio@dviu.ranepa.ru
Web-сайт: http://vlastdviu.ru/index.html